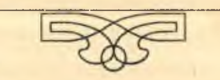
Владимiръ Беренштамъ.

ИЗЪ ПЕРЕЖИТАГО.

Книгоиздательство б. М. В. ПОПОВА.
Петроградъ, Невскiй пр., 66.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО

178

М. В. Попова.

ПЕТРОГРАДЪ.

Типографія Е. М. Малаховскаго, Петрогр. ст., Б. просп., 17.

1915.

ОКОЛО ВОЙНЫ.

Война и мирный край.

(Въ деревнѣ и пути).

Лѣтомъ я попалъ къ себѣ въ „Хатки", въ тотъ удивительно красивый край Полтавщины, о которомъ не мало писали въ газетахъ, когда Владиміру Галактіоновичу Короленко исполнилось 60 лѣтъ...—Тамъ проводилъ онъ тогда время...

Самого Владиміра Галактіоновича теперь въ его усадьбѣ не было. Онъ уѣхалъ полѣчить сердце въ Наугеймѣ и провѣдать свою замужнюю дочь Наталію, ожидавшую ребенка.

Тетушка Вл. Гал.,—милая Елизавета Осиповна,— только-что получила отъ него телеграмму, что Вл. Гал. сдѣлался дѣдушкой. Его неожиданно, нѣсколько ранѣе времени, вызвали телеграммой изъ Наугейма въ Тулузу (на югѣ Франціи), гдѣ и родилась дѣвочка. Въ письмѣ, пришедшемъ черезъ три дня, В. Г. подробно описывалъ свою славную внучку. Все шло благополучно. Мы—хатчане-интеллигенты составили сообща радостную поздравительную телеграмму и отправили ее „на Владиміра" нашему горячо любимому и чтимому хатчанскому „батькѣ"! Ждали дальнѣйшихъ извѣстій. Никто не чуялъ, что черезъ нѣсколько дней

грянетъ громъ войны, что вѣсти изъ-заграницы не только отъ Вл. Гал., но и отъ всѣхъ близкихъ сердцу оборвутся, что наступитъ тревожное время, „когда можно лечь спать и проснуться убитымъ", какъ говорилъ нѣкогда о такихъ временахъ мой учитель латинскаго языка.

Прочли въ газетахъ о войнѣ Австріи съ Сербіей. На плетняхъ появились небывалыя объявленія о мобилизаціи—красные полулисты бумаги. На другой день въ Барановку къ волости повели лошадей. Всѣ, кто имѣлъ. Хотя въ объявленіяхъ указывалось, что лошадей ниже одного аршина и четырнадцати вершковъ позволяется не вести, но каждый велъ. Боялись, что домашній аршинъ можетъ оказаться невѣрнымъ. А „казеннаго" ни у кого не было. Въ Хаткахъ и въ Маломъ Перевозѣ, сливающемся съ Хатками взяли всего человѣкъ 8 запасныхъ. Шли они бодро. Только жены горько плакали. На всю деревню. Убивались, что нечѣмъ будетъ кормить дѣтей; вспоминали голодную японскую войну. Никто не зналъ о новомъ законѣ, предусматривающемъ выдачу пайковъ на каждаго ребенка. Никто не ожидалъ войны, не думалъ о ней, и этотъ законъ прошелъ въ 1912 году незамѣтно... Запасные заходили во дворы—Санько и Кузьма Матяши, Лебедь, Рыбалка... Пошелъ съ ними и лѣсникъ казеннаго лѣса, оставивъ жену и дѣтей въ избенкѣ, одиноко стоящей по ту сторону Псла на заливномъ лугу, у глухой опушки лѣса. Вызвали ихъ всѣхъ въ городъ. Всѣ думали: не скоро увидимся. Но, нѣтъ. Черезъ нѣсколько дней запасные вернулись: ихъ отпустили изъ Миргорода.

Вотъ въ этотъ самый моментъ и случилось то событіе, о которомъ рѣчь ниже.

„Къ Короленко" въ Хатки прибылъ изъ Черниговщины молодой поэтъ-беллетристъ. Самоучка изъ крестьянъ. Настоящій самородокъ. Правда, сынъ старшины. Въ чистенькомъ пиджакѣ на рубахѣ съ выпускомъ,

городской соломенной шляпѣ и высокихъ сапогахъ. Поэтъ давно мечталъ посовѣтоваться съ Вл. Гал., разрѣшить разные мучающіе вопросы и показать свои рукописи. О существованіи Хатокъ узналъ въ редакціи одной изъ Кіевскихъ газетъ. Отъ вокзала до Хатокъ брелъ съ торбой пѣшкомъ. Извѣстіе,—что Вл. Гал. въ Тулузѣ, откуда не скоро выберется,—ошеломило бѣднаго поэта. И только одно хотя нѣсколько утѣшило его: поэтъ узналъ, что верстахъ въ восьми—въ Сорочинцахъ сохранился домикъ, гдѣ родился великій Гоголь, что въ этомъ домикѣ можно даже пожить, а слѣдовательно, основательно тамъ помечтать. И восторженный юноша рѣшилъ итти въ Сорочинцы писать новый разсказъ въ той самой комнатѣ, гдѣ нѣкогда впервые увидѣлъ Божій свѣтъ самъ Гоголь! У себя съ горы я показалъ кратчайшій путь направленіемъ на виднѣющуюся избушку лѣсника и колокольню Сорочинецъ. Перевезъ поэта на ту сторону Псла и посовѣтовалъ спросить дальше тропинку въ избушкѣ. Потомъ узналъ роковыя послѣдствія этого моего неосмотрительнаго совѣта. Поэтъ подошелъ къ хатѣ лѣсника и, пораженный тѣмъ, что она стоитъ на такомъ низкомъ мѣстѣ у самой рѣки, не только спросилъ о дорогѣ, но обратился къ лѣснику и съ вопросами, которые вообще всѣ поэты любятъ задавать при такихъ обстоятельствахъ.

— Да развѣ весною вода не заливаетъ луговъ?

— Заливаетъ.

— А вашу хату?

— Подходитъ таки сюда...

— Значитъ, здѣсь хоть красиво, но сыро... А когда начинается тутъ разливъ, въ апрѣлѣ?

— Да...

— Ой, холодно... А когда разливъ кончается?

— Въ маѣ...

— Какъ же вы добираетесь тогда до Сорочинецъ?

— На лодкахъ...

— А потомъ долго стоитъ здѣсь невылазное болото?

— Богъ его знаетъ—осторожно отвѣтилъ лѣсникъ.

Поэтъ задалъ еще нѣсколько вопросовъ, но лѣсникъ угрюмо отмалчивался и, точно не замѣчая его, принялся рубить дрова.

Поэтъ тронулся въ путь. Дорожка вьется по опушкѣ густого лѣса. И едва поэтъ скрылся за поворотомъ, лѣсникъ незамѣтно юркнулъ въ кусты и, продираясь по непролазной чащѣ крапивы и колючихъ кустарниковъ, бросился обходнымъ движеніемъ въ Сорочинцы. Лѣсникъ рѣшилъ, что это австрійскій шпіонъ забрался уже въ наши благословенные края узнать, гдѣ можно будетъ провести войска! И потому, дѣлая большой кругъ, царапая лицо, руки и босыя ноги, лѣсникъ добѣжалъ до Сорочинецъ ранѣе поэта!

И бѣднягу ждала „встрѣча"...

Нашъ сорочинскій приставъ основательно обыскалъ его, основательно перечиталъ всѣ замѣтки. Каждую поэтическую запись о солнцѣ, тучахъ, лѣсахъ и горахъ пришлось объяснять. Ничего не упустилъ нашъ сорочинскій приставъ! До нитки обыскалъ „подозрительнаго мечтателя"! А когда бѣдняга поэтъ вернулся ночевать въ Хатки, въ крестьянскую избу, гдѣ пока оставалась котомка-мѣшокъ,—его ждалъ новый сюрпризъ. Ночь не пришлось спать. Пріѣхали съ обыскомъ! Длинную рукопись про „Охрима Музыку" прочли. Нежданное литературное утро устроили.

И удивительное дѣло! Поэтъ, разсказывая мнѣ объ этомъ, весело смѣялся... Впервые я видѣлъ такое не то что доброе, нѣтъ, больше: прямо таки „одобряющее" отношеніе къ обыску самого потерпѣвшаго...

О томъ, что Германія объявила намъ войну, узнали за день до полученія объ этомъ газетъ, по колокольному звону. Предводитель дворянства по телефону передалъ всѣмъ батюшкамъ служить молебны. По рукамъ ходила его телефонограмма. Около волости стояла

толпа. Не было грамотнаго крестьянина, который не списалъ бы телефонограмму. —„Вынувшій мечъ отъ меча погибнетъ!“...

Взяли изъ Хатокъ на войну запасныхъ, но деревня не опустѣла. Точно и не брали. За то изъ сосѣднихъ Шишакъ взяли земскаго начальника и бывшаго члена окружного суда, нынѣ полтавскаго присяжнаго повѣреннаго и виднаго гласнаго думы Г. Е. Старицкаго...

О войнѣ теперь знали только по газетамъ. У насъ хатчанъ-интеллигентовъ явилась новая потребность совмѣстнаго чтенія газетъ! Почту привозили въ Хатки изъ Сорочинецъ ежедневно, по очереди. Всѣ и сходились къ тому, кто въ этотъ день доставилъ почту. Всѣхъ охватило одно острое чувство тревоги за родину и страстное желаніе побѣды надъ Австріей и Германіей...

Деревня тоже была взбудоражена: по вечерамъ взрослые крестьяне сходились толпой около колодца и ждали, пока мы пройдемъ съ газетами. Подходили, просили прочесть или разсказать, какъ идетъ война, показать на географической картѣ, гдѣ что происходитъ, гдѣ наши... Одинъ просилъ подписаться на газету „Копѣйку“. Уже слышалъ о ней. Самые спокойные, сонные, неподвижные люди были неузнаваемы! Въ деревнѣ произошелъ сдвигъ. Черезъ столько лѣтъ (съ 1905 года) просили газету не на цыгарки, а прочесть!

Начали приходить бабы писать прошенія о пособіи.— Толпой. Не только изъ Хатокъ.—Изъ Портянокъ, хуторовъ. Писалъ имъ сразу, куда можно—одновременно и волостному старшинѣ, и предсѣдателю земской управы, и предводителю дворянства, прося, въ случаѣ невозможности удовлетворить ходатайство, направить его куда слѣдуетъ. Никто не зналъ, какъ писать правильнѣе. Оказалось потомъ, что надо къ старшинѣ. Значитъ, прошенія таки попали куда слѣдуетъ, но когда я уѣзжалъ въ Петроградъ 2 сентября, денегъ

еще никому не давали... А какъ въ деревняхъ, гдѣ не было интеллигентовъ?! И сейчасъ не знаютъ, куда писать...

Письма писать бабы шли въ одиночку. Нѣкоторыя приносили купленные конверты и бумагу.

— Ну, пишите!

— А что?

— Въ началѣ—сами знаете!

— Поклоны?

— Да.

— А еще что?

— Напишите, что у насъ все благополучно, хлѣбъ уже убранъ.

Говоритъ, а сама плачетъ, слезы крупныя падаютъ.

— Ну, такъ чего плачете?

— Ничего пока не убрано, нужда дома. Все лежитъ на полѣ... Пособія тоже нѣтъ...

— Такъ зачѣмъ же вамъ мужа обманывать?

Она пуще плачетъ.

— Нельзя иначе, надо, чтобъ ему тамъ спокойнѣе было, чтобъ о насъ не думалъ...

— Себя лучше глядѣлъ?

— Гдѣ тамъ! Чтобъ заботы ему меньше... Пишите, пособія намъ выдаютъ... Все благополучно...

А сама всхлипываетъ и дрожитъ отъ сдержанныхъ рыданій...

— Почему жъ другіе крестьяне не помогаютъ убирать хлѣбъ?

— Въ Барановкѣ, говорятъ, помогли. Вышелъ старшина къ машинѣ.—„Молотите и для бабъ, иначе всѣхъ арестую“. И молотили!..

Оказался-таки и у насъ въ глуши не только австрійскій подданнный, но даже и военноплѣнный.

Еще мальчикомъ 14 лѣтъ пришелъ въ Россію съ отцомъ словакъ — Іосифъ Тимко. Его отца выписалъ какой-то помѣщикъ какъ огородника. Тимко попалъ

въ Сорочинцы. Здѣсь и остался, здѣсь и выросъ. Сейчасъ онъ—старикъ. За плечами 64 года. Многіе годы упорнаго труда, и Тимко развелъ лучшій въ мѣстечкѣ фруктовый садъ, извѣстный всей округѣ. У него и огородъ лучшій. Безъ „венгерца“ дачникамъ—хоть бѣги. Умудряется выращивать капусту, когда у другихъ только разсада. Вырастилъ и виноградникъ. Старикъ безвыѣздно прожилъ въ Сорочинцахъ около 50 лѣтъ. Здѣсь же, лѣтъ 30 назадъ, онъ женился на русской подданной, православной изъ дворянъ-„хлѣборобокъ“. Его дѣти—два сына, взрослый и мальчикъ 13 лѣтъ, а также четверо дѣвушекъ, всѣ родились въ Сорочинцахъ, были крещены, какъ православные, учились въ школахъ министерства народнаго просвѣщенія, которыя и кончили. Дѣти не знаютъ ни одного языка, кромѣ русскаго, тоже никуда никогда не выѣзжали изъ Сорочинецъ. И вотъ растерянный старикъ притащился въ Хатки и сообщилъ мнѣ, что его сына взяли какъ военноплѣннаго. Приставъ прислалъ за нимъ, чтобы пришелъ. Санько пошелъ и больше не вернулся. Арестовали и отправили въ Миргородъ, а оттуда, говорятъ, высылаютъ въ Вятскую губернію...

Я давно уже зналъ старика І. І. Тимко, такъ какъ всегда покупалъ у него лѣтомъ овощи и фрукты. Еще года два съ половиной назадъ онъ пріѣзжалъ въ Хатки и просилъ помочь указаніями, какъ ему и дѣтямъ принять русское подданство.

— Какіе мы австріяки,—говорилъ старикъ тогда,—я и то не помню Австріи; дѣти—русскіе; съ матерью всегда въ православный храмъ ходили; только Россію и любятъ, а отъ меня потребовали, чтобъ я досталъ новый австрійскій паспортъ. Ничего объ Австріи не знаю, какъ достать, и то не у кого спросить. Нѣтъ, ужъ лучше и мнѣ вмѣстѣ съ дѣтьми становиться русскимъ.

Я набросалъ тогда ему прошеніе, объясняя какъ

подать. Онъ подалъ. Дѣло пошло. Вполнѣ правильно департаментъ общихъ дѣлъ потребовалъ отъ Тимко удостовѣрить подлинность его австрійскаго метрическаго свидѣтельства, согласно 843 ст. т. IX св. зак. о состояніяхъ. Что значитъ эта статья, ему никто не могъ объяснить. И Тимко не послалъ въ министерство хотя бы коротенькой просьбы удостовѣрить метрику черезъ министерство иностранныхъ дѣлъ. Дѣло его и заглохло. Два года пролежало оно безъ движенія. Тимко все ждалъ, пока я снова пріѣду въ Хатки... . . . .

. . . .

. . . .

. . . . Жалкій, скрюченный, постарѣвшій сразу на добрый десятокъ лѣтъ, пришелъ онъ ко мнѣ просить спасти его сына . . . . .

. . . . Лѣсъ рубятъ — щепки летятъ! Знаю это, но было жаль и старика и Санька, невѣдомо для чего очутившагося въ компаніи людей, изъ которыхъ многіе не знали по-русски ни слова... Санька на время отпустили домой и такъ какъ онъ не пропустилъ годичной давности, а одна изъ его сестеръ только-что достигла совершеннолѣтія, я написалъ ему и ей отдѣльное прошеніе о принятіи въ подданство губернскимъ правленіемъ... Авось, окончательно вернутъ...

Большое впечатлѣніе въ Хаткахъ произвело нежданное возвращеніе съ войны раненаго лѣсника. Всего мѣсяцъ назадъ ушелъ онъ въ невѣдомую, таинственную сторону. Еще вчера я писалъ его женѣ прошеніе о выдачѣ пособія ей и дѣтямъ, и она такъ горько плакала, вспоминая мужа, а сегодня лѣсникъ вернулся. Пришелъ весь въ пыли, съ разбухшей, перевязанной рукою. Ихъ товарный санитарный поѣздъ проходилъ мимо нашей станціи Гоголево. Всего 24 версты отъ Хатокъ, и лѣсникъ не выдержалъ! Отпросился на день и бросился домой. Когда вошелъ въ избенку, жена — крѣпкая молодуха,—упала въ глубокій обморокъ. Вѣсть о возвра-

щеніи лѣсника мигомъ облетѣла Хатки и Малый Перевозъ. Народъ толпами повалилъ на ту сторону Псла. Разспросить. Но о войнѣ онъ и самъ ничего не могъ разсказать, такъ какъ не успѣлъ сдѣлать ни одного выстрѣла... Больше всего поразили лѣсника пулеметы, косящіе ряды людей, какъ траву... Ночью лѣсникъ ушелъ обратно на вокзалъ, чтобы догнать своихъ...

Огромное значеніе имѣло закрытіе казенныхъ винныхъ лавокъ. Собственно, въ Хаткахъ и Маломъ Перевозѣ пьяницъ почти нѣтъ; но ихъ много въ Портянкахъ и Барановкѣ. Прекращеніе продажи водки прекратило и хулиганство—пьяное гиканіе по ночамъ, и тяжкую ругань, и приставанье къ прохожимъ, и шатаніе по улицамъ... Свершилось чудо! Оборванные, опустившіеся люди какъ-то необыкновенно быстро пріодѣлись. Но вмѣстѣ съ тѣмъ нѣкоторые упорные пьяницы-алкоголики, несмотря на всѣ запоры казенныхъ лавокъ, несмотря на отсутствіе даже денатурализованнаго спирта, сумѣли добывать „водку“: они начали покупать столярную политуру, класть въ нее соль, взбалтывать... Отъ этого внутри бутылки образуется клубокъ лаковыхъ смѣсей. Тогда спиртъ сливаютъ, добавляютъ воды, процѣживаютъ черезъ корку хлѣба, и накапавъ мяты, пьютъ эту дрянь, отъ которой не только темнѣетъ въ головѣ, но и глаза лѣзутъ на лобъ. Но все-таки пьяныхъ не видать...

Измѣнилось еще одно. Хлопцы да дивчата перестали пѣть свои пѣсни и собираться компаніей въ деревнѣ. Точно стѣсняются. Но каждый вечеръ они начали уходить въ лѣсъ за околицу—въ „Виноградъ“ (гдѣ наши дачи), раскладывать костеръ на дорогѣ и пѣть около него пѣсни. Я слушалъ разъ весь вечеръ. Увы, все про любовь!.. Ни звука о войнѣ!.. А ужъ дѣти—какъ ни въ чемъ ни бывало! Ни одной игры въ войну!..

Таковы отрывки моихъ впечатлѣній времени начала

войны въ деревнѣ. Впечатлѣнія на желѣзной дорогѣ иныя.

Уже второе сентября. Ночью я пріѣхалъ на Гоголево. Станція среди поля. Продрогъ. Вокзалъ необычно полонъ народу. Сталъ въ очередь брать билетъ до Петрограда.

Вереница публики подвигалась. Вдругъ кто-то вскрикнулъ, и всѣ бросили свои мѣста.

— Что такое?

— Ни одного билета больше продавать не будутъ. Касса закрыта. Мѣстъ нѣтъ!

Я не повѣрилъ и вошелъ къ начальнику станціи.

— Вотъ телеграмма, ни одного мѣста...

— Дайте перваго класса...

— Абсолютно невозможно!

Вышелъ и рѣшилъ сѣсть безъ билета, хотя бы на крышу вагона! Вдругъ начальникъ присылаетъ служителя, зоветъ обратно.

— Новая телеграмма! Можно продавать...

Всѣ мѣста переполнены. Ничего, ѣдемъ!..

Утромъ увидѣлъ впервые поѣздъ съ ранеными. Гляжу, волнуюсь. Хочется плакать, хотя всё легко раненые. Боже мой, сколько! Въ товарныхъ вагонахъ. Среди русскихъ исхудалые, изможденные австрійцы и розовощекіе нѣмцы. Одѣты почти какъ наши: все зеленовато-сѣрое. Только венгерцы въ черномъ. Австрійцы сидятъ, высунувъ ноги изъ вагона. Нѣмцы точно прячутся. Съ русскими солдатами говорятъ охотно. Дружелюбно. Знаками.—Надъ стаканомъ пальцемъ вертитъ — дай ложечку, рукой какъ спичкой чиркаетъ— дай огоньку.

Мимо вагоновъ дамы разносятъ большія корзины.— Фрукты, булки, папиросы. Удивило меня: берутъ неохотно. Дамы даже конфузятся. Торопятся. Убѣгаютъ.

И, когда видишь торжественные павильоны съ бѣ-

лыми, торжественными дамами, кажется, что это не то, что надо раненымъ. Это барыни, а не „сестрицы“...

— Самъ Богъ явился въ ясляхъ...

Страшно много раненыхъ въ лѣвую руку. Такъ поразило, что не выдержалъ и спросилъ тутъ же стоящаго молодого офицера:

— Почему?

И вдругъ отвѣтъ:—Вы правы, такое количество раненыхъ въ лѣвую руку не случайно. Когда лежатъ въ окопахъ или на позиціяхъ, то выставляютъ впередъ винтовку и держащую ее руку. Правая спрятана. Пулеметы сыпятъ дождемъ и скашиваютъ открытыя лѣвыя руки... Это новость послѣдней войны...

Разговариваю съ офицеромъ. Побывалъ въ трехъ сраженіяхъ. Раненъ въ голову. Фуражка прострѣлена. Пуля сорвала кусокъ черепа. Снимаетъ фуражку. Голова сбрита. Бѣлой гулей выступаетъ большой пластырь. Оказывается, онъ только что пересѣлъ въ нашъ поѣздъ. Хочетъ на два дня заскочить домой. Многіе,—говоритъ,—въ дорогѣ соскакиваютъ . . . . . . повидать своихъ. . . . . Вчера одинъ безногій на костыляхъ хотѣлъ, да задержали. Вѣдь отсюда насъ взяли... Черезъ недѣлю я пойду обратно на передовыя позиціи. Прошлый разъ не успѣлъ попрощаться съ матерью. Теперь удастся. Говоритъ просто, спокойно, безъ тѣни рисовки. Хорошій юноша.

Мы садимся въ одинъ вагонъ, и онъ разсказываетъ.

Чуть не убили. Австрійцы въ лѣсу менѣе замѣтны, чѣмъ наши, зато намъ хорошо въ полѣ. Жаль, что рубахи нельзя выворачивать; лучше было бы, если бы ихъ окрасить въ эти два цвѣта... Въ Австріи на нашей границѣ больше лѣса и потому зеленовато-сѣрый цвѣтъ тамъ выгоднѣе... Австрійцы подошли къ намъ на 40 шаговъ. И мы буквально разстрѣливали другъ друга. Рядомъ со мной упалъ рядовой. Я нагнулся перевязать. Въ это время пуля попала мнѣ въ голову.

Австріецъ продолжалъ цѣлить въ меня. Сосѣдъ-прапорщикъ замѣтилъ и спасъ: раньше выстрѣлилъ и свалилъ его.

Я спрашиваю, какъ идутъ на приступъ.

— Страшно ли?

— Вѣдь мы окапываемся: у каждаго рядового лопатка. Пробѣжимъ и ляжемъ. Насыпишь передъ собой небольшую кучку земли и уже не то: словно прикрытъ! А когда бѣжишь впередъ подъ пулями, всегда держишь передъ лицомъ лопатку. Глаза бережешь. Но такъ лишь психологически легче: пули прострѣливаютъ лопатки! Говорю психологически, такъ какъ съ листомъ бумаги въ рукѣ и то легче бѣжать противъ смерти.

— Тогда надо бы лопатки потолще, какъ щитъ...

— Невозможно: и безъ того рядовой нагруженъ двумя пудами. Правда, когда идутъ въ атаку, мѣшки бросаютъ. Мы, офицеры тоже бросаемъ шашки: мѣшаютъ только, болтаются! Берешь ружье. Ихъ много кругомъ. Сколько раненыхъ, убитыхъ... Некому поднимать ружья.

— А какъ пулеметы?

— Косятъ людей! Въ деревняхъ австріяки предательски ставятъ ихъ на колокольни церквей. И когда входимъ въ деревни, прежде всего должны глядѣть и стрѣлять вверхъ... Тяжело стрѣлять въ церковь!.. Они именно на это и разсчитываютъ...

Нашъ поѣздъ постоянно останавливается. Стоимъ на самыхъ незначительныхъ станціяхъ. Все пропускаемъ и пропускаемъ воинскіе поѣзда. Сколько ихъ идетъ! Изъ открытыхъ настежь дверей вагоновъ доносится бодрая гармоника, а иногда даже оркестръ играетъ... На остановкахъ солдаты поютъ.

Мы стоимъ и стоимъ. Снова мчится „товарный“ поѣздъ съ эшелономъ... Ничего, постоимъ... Надо дать имъ дорогу! И это—общее чувство. Оно во всемъ!

Поѣздъ биткомъ набитъ. Кажется, еще минута тѣ-

сноты и возьмешь собственныя ноги, чтобы положить ихъ самому себѣ на плечи! Вагонъ—на-половину общій, на-половину изъ купэ.

— А кто же въ купэ? Почему они постоянно заперты, никто не выходитъ?.. Откройте, проводникъ.

— Нельзя!

— Это почему?

— Приказано запереть и держать на-готовѣ: тяжело раненыхъ иногда снимаютъ на станціяхъ отдохнуть отъ тряски, надо снова внесть. Приказано беречь для нихъ мѣста. Некогда освобождать...

— Правильно.

И всякому ясно: въ тѣснотѣ, да не въ обидѣ!.. Такъ и слѣдуетъ!..

Снова поѣздъ раненыхъ!

Гляжу, гляжу, тянетъ къ нимъ, голова кружится...

Опять поѣздъ куда-то на войну... Я видѣлъ солдатъ, идущихъ на японскую войну. Теперь не то:— одѣты прекрасно; видно, что сыты...

Въ Жлобинѣ меня поразилъ мальчикъ-солдатикъ. Одежа и погоны защитнаго цвѣта. — На войну или съ войны?! Надо спросить!..

— Неужели вы рядовой?

— Да, но охотникъ.

— Откуда вы?

— Сынъ здѣшняго вокзальнаго буфетчика.

— Идете на войну?

— Нѣтъ, уже съ войны.

— Ранены?

— Нѣтъ: отравленъ.

— Какъ?

— Мы заняли нѣмецкій городъ. (Называетъ). Переутомились переходомъ. Набросились на колодезь. Кто выпилъ много,—умерли. Я выпилъ только полъ-стакана воды и отравился. Всѣ внутренности жгло. Какую мяс-

ную пищу ни приму, страшно рветъ, животъ болитъ. Да какъ! Меня и отправили. Лечусь...

— Значитъ, нѣмцы дѣйствительно отравляютъ колодцы!

— А какъ же?

И говоритъ онъ все это такъ, что нельзя не вѣрить невѣроятному.

Для меня ясно, что эти отравленія не выдумка. Но какая гнусность!

Юноша спокойно идетъ дальше по перрону...

И я начинаю жалѣть, что моя юность ушла, что столько теперь на плечахъ заботъ и обязанностей... И хочется итти туда поближе къ передовымъ, къ умирающимъ, отравленнымъ, итти санитаромъ, дѣлать то, на что еще, быть можетъ, гожусь...

Невѣдомые герои.

Я въ госпиталѣ для раненыхъ!

Здѣсь—только солдаты. Объясняю почему пришелъ.

Хочу записать пережитое ими на войнѣ. И неграмотный можетъ сообщить много интереснаго, живого, общеполезнаго. Изложу все на бумагѣ, напечатаю, а гонораромъ подѣлимся. Все-таки будетъ не то, что на махорку—на табачишко!...

— Ну кто можетъ разсказать?!

Солдатики обступили меня. Возможность превратиться въ литератора кажется имъ неожиданнымъ веселымъ предложеніемъ. А заработать тоже не вредно. И всѣ, добросовѣстно забывая себя, разомъ и радушно отвѣчаютъ.

— Плаховъ можетъ! Онъ въ плѣну у австріяковъ побывалъ, отъ нихъ съ такой раной удралъ!

— Плаховъ, разскажи ты! Ну-ка, Плаховъ шевелись!

— Плаховъ молодецъ—показалъ имъ гдѣ раки зимуютъ!..

Ефрейторъ Арсеній Плаховъ, бывшій городской кровельщикъ изъ запасныхъ *) только какъ-то мило и скромно улыбается.

---

*) Примѣчаніе: Арсеній Ивановичъ Плаховъ—крестьянинъ Тамбовской губерніи, Козловскаго уѣзда, Пещанской волости деревни Марьевки. Увы, старшій врачъ госпиталя просилъ меня не называть въ печати лазарета „чтобы ничѣмъ не рекламировать“ послѣдняго. Я, конечно, долженъ подчиниться этому почтенному желанію, но считаю долгомъ указать подробно имя невѣдомаго героя, чѣмъ не связанъ...

— Сумѣю ли?

— Ничего, начинай!

У Плахова оторвана кисть правой руки, и она на перевязи. Онъ на ногахъ. Мы садимся. Солдатики слушаютъ.

— Не знаю, съ чего и начать. Въ бою я пробылъ всего двѣнадцать дней, а на службѣ провелъ только полтора мѣсяца...

...Ночь передъ боемъ прошла, какъ слѣдуетъ. Всѣ мы спали въ австрійской деревнѣ, въ сараяхъ на соломѣ. Утромъ послышались орудійные выстрѣлы. Вышли изъ деревни. Было приказано развернуть цѣпь по одному человѣку. Цѣпью подошли къ лѣсу. Въ картошкѣ начали ползти. Раздалась перестрѣлка. Картошка въ Австріи—необыкновенная, высокая, по моему небольшому росту—подъ мышки. Можно стоя стрѣлять. Мы поднимались, пробирались поскорѣе впередъ и снова ползли. Выбрались изъ картошки... Тутъ австрійцы встрѣтили насъ огнемъ пулеметовъ... Мы на „ура"...

Какъ ударило меня въ руку, я не замѣтилъ: только сильно кольнуло. Глянулъ—руки нѣтъ! Вмѣстѣ съ ружьемъ упала. Свалился и я. Кровь фонтаномъ лила. Товарищъ рядомъ,—тоже раненый,—снялъ съ моей шинели „тренчикъ"—ремешокъ и покрѣпче руку выше локтя перетянулъ. Намъ въ учебной командѣ объясняли:—пригодилось!..

Отъ пулеметовъ наши отступили—дождаться артиллеріи... Людей берегли...

Мы, раненые, остались здѣсь. Я лежалъ на землѣ; еще двое тутъ же...

Сколько прошло времени,—не знаю... Только вижу подходятъ къ намъ австрійцы—человѣкъ двадцать. Держатъ надъ нами—ранеными—ружья, показываютъ—поднимай руки!

Поднялъ я свою руку безъ кисти. Хоть и подтянута—кровь попрежнему льется... У товарища рядомъ—

тоже рана въ рукѣ—поднялъ... А третій не можетъ. Былъ онъ раненъ въ руку и грудь. Австрійцы показали, чтобы мы шли за ними. Мы двое встали. Только шатаемся. Третій нашъ сталъ „возражать":—„Товарищи, я не могу идти... Нѣтъ у меня силъ. Видно тутъ погибать"... Намъ поднять его было невозможно: кровью истекли, совсѣмъ ослабѣли... Онъ и самъ не проситъ... А тѣ поняли, будто онъ не хочеть идти. Насъ взяли подъ руки, повели. Одинъ австріякъ остался съ нимъ. Думали на носилки возьмутъ... Да нѣтъ! Навѣрно, его прикончилъ: только мы тронулись, сзади насъ раздался выстрѣлъ. Всего одинъ выстрѣлъ. Тяжело было на него оглянуться...

— А тотъ австріякъ, что остался, васъ нагналъ?

— Нѣтъ...

— Куда-жъ повели?..

— Австріяки привели насъ въ ихній лазаретъ. То былъ австрійскій помѣщичій домъ. Имѣніе—богатое. Но мебели—никакой. Стѣны и койки. И коекъ штукъ тридцать пять. Но раненые внизу лежали вездѣ и на полу, даже въ корридорахъ и сѣняхъ. Полнымъ полно было набито! Кровь, тряпки въ крови, бумага, страшная грязь... Подушки, одѣяла тоже были всѣ въ крови...

Насъ двухъ привели въ перевязочную комнату. Меня томила жажда.., Я не выдержалъ, началъ показывать—хочу водицы попить: будто съ ладони хлѣбаю... Они—ничего...

Только является ихній докторъ и вдругъ говоритъ по-русски:—„ага, русскіе заявились".

Я ему обрадовался, отвѣтилъ:—„господинъ докторъ, какъ-бы мнѣ водички попить—ваши меня не понимаютъ".

Онъ промолчалъ и что-то сказалъ по ихнему сестрѣ. Та ушла и принесла намъ по кофе и по полбулки на брата...

Докторъ былъ одѣтъ въ офицерскую тужурку—

только галуновые лацканы на воротникѣ, повязки же краснаго креста на немъ не видалъ. А сестра ихъ вродѣ нашихъ: все бѣлое—и рукава бѣлые, и на рукавѣ повязка, но крестъ малиноваго цвѣта, а на груди бѣлый металлическій знакъ: одноглавый орелъ и на щитѣ внутри красный крестъ...

Взялся докторъ перевязывать мнѣ руку и говоритъ:— „плохо?“

Я въ отвѣтъ: „что можно сдѣлать?“

Тутъ докторъ и сестра начали между собой по ихнему говорить и смѣяться. Видно, надъ моимъ отвѣтомъ...

Я стою, терплю: онъ жилы ножницами рѣжетъ... Сталъ докторъ бинтъ накладывать и вдругъ спрашиваетъ: „что вашихъ тутъ кругомъ много?“

Я и отвѣчаю: „а я почемъ знаю!“

Онъ спрашиваетъ: „что ты боишься?“

Никакъ нѣтъ, — говорю, — чего мнѣ бояться.

На томъ перевязка кончилась...

Домъ госпиталя былъ двухэтажный. Насъ привели наверхъ, указали уголъ, гдѣ находиться.

Солдатъ-санитаръ тоже съ бѣлой повязкой и краснымъ крестомъ на рукѣ постоялъ около насъ и, позевывая, показалъ, склонивъ голову на руку, что пора спать, потомъ потянулъ руку къ окну и снова показалъ, что насъ погонятъ въ ту сторону. Мы поняли, что погонятъ рано. Потомъ онъ подвелъ насъ къ другому окну и показалъ во дворъ, куда ходить за нуждою. Санитаръ ушелъ. Мы остались одни... Теперь мы знали, гдѣ находятся враги...

Вечеромъ я и товарищъ подошли къ окну въ другой сторонѣ комнаты посмотрѣть, гдѣ наши. Глянули—увидѣли много огней. Зарево отъ пожаровъ стояло. Отъ орудій всегда села загораются. Было ясно, что наши... Мы смотрѣли. Никто намъ не мѣшалъ...

Я и говорю:—давай, товарищъ, удеремъ отсюда!

— Если будетъ можно,—отвѣчаетъ,—то что же!..

Въ комнату ввели много новыхъ раненыхъ австріяковъ. Сразу стало тѣсно...

Часа черезъ два всѣ заснули. Мы хоть и устали, а не спали. Дѣлали видъ, что спимъ. Я притянулся головой къ товарищу и говорю:

— Знаешь что, пойдемъ, будто на дворъ и досвиданія!

— Ладно,—шепчетъ.

Я взялъ цыгарку и пошелъ къ лампѣ, словно прикурить, чтобъ поглядѣть, спятъ ли, и гдѣ санитаръ. Вижу—онъ спитъ. Такъ и не прикурилъ, поскорѣе вернулся къ товарищу.

А онъ тѣмъ временемъ уже заснулъ!

Только я до него дотронулся, онъ вскрикнулъ и вскочилъ.

Я ему шопотомъ: „тише, тише, товарищъ, пойдемъ во дворъ!..“

Никто не проснулся...

Шли мы, переступая черезъ спящихъ. Спустились внизъ по той лѣстницѣ, по которой шли наверхъ. Вездѣ горѣли ночники-лампочки съ синими абажурчиками. Идти было видно. Внизу, въ корридорѣ многіе не спали. Стонали, кряхтѣли, метались. Здѣсь помѣстили тяжело раненыхъ. Они не обращали на насъ вниманія...

Мы вышли во дворъ. Оглянулись. Никого за нами не было!

— Ну-ка, Господи благослови!..

Мы побѣжали по краю помѣщичьяго сада. Спустились въ лощину. Пробѣжали. Поднялись на пригорокъ. Видимъ, дорога-шоссе. Пошли около. Шоссе вело въ деревню! Подошли къ ней, но услыхали громкій говоръ, лошадинный топотъ. А чьи тамъ—не знаемъ! Мы присѣли около шоссе и слушаемъ, тихо совѣтуемся куда идти. Вдругъ видимъ яркій огонь. Летитъ автомобиль! Пролетѣлъ мимо насъ, остановился и началъ заворачивать. Мы поняли, что насъ замѣтили!..

— Давай, — говорю, — товарищъ, поскорѣе перебѣжимъ по ту сторону шоссе, это за нами поворачиваютъ...

Мы перебѣжали и поползли внизъ. Автомобиль вернулся къ тому мѣсту, гдѣ мы сидѣли. У непріятеля на автомобилѣ былъ особый электрическій фонарь, бросающій далеко свѣтъ. Они ту сторону ложбины всю освѣтили, мы даже лѣсъ на косогорѣ далеко увидѣли. Они пошарили, пошарили свѣтомъ и поѣхали дальше къ деревнѣ. Благодаря свѣту, мы разглядѣли, что въ автомобилѣ австріяки: у нихъ фуражки особенныя, не такія, какъ у нашихъ. Теперь было ясно, чья эта деревня! Мы вернулись на ту сторону шоссе, въ лощину, пробираться къ лѣсу. Пошли по берегу рѣчки. Она покрутилась, покрутилась и опять привела насъ къ тому же селенію. Снова повернули. Блуждали. Все искали зарево. Не видать изъ ложбины! Провалились въ тину по плечи. Вылѣзли. Сапоги—полны воды. Сняли ихъ, бросили, пошли босые. Я повязку сильно намочилъ. Кровь шибко пошла изъ руки.

— Стяни-ка, — говорю, — товарищъ, покрѣпче руку! Совсѣмъ истеку!..

Онъ порвалъ свою рубаху, стянулъ опять около локтя.

Мы пошли дальше. Шли мы оборванные, безъ фуражекъ, безъ сапогъ, рубахи въ клочьяхъ... Снова берегъ рѣчки. Только, видимъ, часовые—въ цѣпи. Чуть свѣтаетъ. Часовые ходятъ къ рѣчкѣ и обратно Можетъ, ихніе солдаты за водой! Мы—въ сторону! Слава Богу,—тотъ лѣсокъ! Поднялись по косогору къ лѣску, и тутъ на ихъ дозоръ наскочили! Они насъ и взяли!..

Обидно было. Защищаться никакой возможности не осталось. Ружье съ рукою упало, а на немъ и штыкъ... Очень мы за ночь ослабѣли. Едва ноги плели...

Насъ опять повели въ ихъ лазаретъ...

Въ это время раздалась пальба. Слышна была со всѣхъ сторонъ. Не разберешь откуда.

Ихній лазаретъ находился въ деревушкѣ при сахарномъ заводѣ. Онъ пришелся между нашими и непріятельскими цѣпями...

Подвели насъ къ этому лазарету. У него былъ другой видъ.

Раненые лежали не только въ заводскихъ помѣщеніяхъ, но и на землѣ въ повалку.

Насъ двухъ повели въ домъ на самый верхъ. У нихъ даже на чердакѣ лежали раненые. Тутъ мы застали много русскихъ: человѣкъ тридцать. Обрадовались имъ! Сталъ я озираться, нѣтъ ли земляка. Глянулъ въ окно и вдругъ вижу несмѣтное число нашей пѣхоты съ боемъ идетъ!

— Помоги имъ, Господи!

Идутъ смѣло, во весь ростъ, навстрѣчу тяжелымъ снарядамъ! Идутъ сюда!..

Прошло короткое время и откуда-то къ лазарету подлетѣли казаки. Австрійцы, кто могъ, бросились бѣжать. А мы—русскіе,—у кого было силы,—выбѣжали внизъ къ нимъ навстрѣчу. Страшно обрадовались! Кричимъ, плачемъ отъ радости!

— Охъ, братцы, спасибо вамъ, что насъ освободили!

А они въ отвѣтъ: сейчасъ сюда прійдутъ войска. Подождите только. Намъ надо гнать.

И ускакали.

Прошло не больше часу. Всего-то здѣсь мы двое часа три пробыли...

Войска подошли и отправились дальше, гнать австрійцевъ. Здѣсь остался только отрядъ...

Черезъ время гляжу — наша пѣхота ведетъ плѣнныхъ. И вижу я того самого австрійскаго доктора, который дѣлалъ перевязку! Онъ меня сразу-же узналъ.

Грозитъ мнѣ пальцемъ, смѣется и говоритъ:—„Эхъ, другъ, а всетаки ты удралъ“!

А я ему въ отвѣтъ: „точно такъ, мы у васъ были

въ плѣну, а теперь вы у насъ побудете!.. Только отъ насъ, господинъ докторъ, врядъ-ли убѣгете!"

Потомъ везли насъ съ этимъ самымъ докторомъ на фурахъ разомъ. Онъ ѣхалъ на другой.

Увидитъ меня, смѣется и все кричитъ: — „эхъ, другъ"!.. На остановкѣ сказывалъ, что вмѣстѣ съ русскими въ университетѣ учился, бывалъ въ Варшавѣ..

Въ вагоны садились, онъ меня опять увидалъ и снова кричитъ: — „эхъ, другъ, таки удралъ"!.. И грозитъ пальцемъ.

А я ему: „ѣдемъ, ѣдемъ, еще не скоро! Наша сторона—большая! Не на одной Варшавѣ свѣтъ клиномъ сошелся!.."

— Вотъ и все, больше мнѣ нечего разсказывать,— промолвилъ, по прежнему мило улыбаясь, Плаховъ.

Солдатики кругомъ весело посмѣивались...

— Ну, кто теперь разскажетъ?

— Марченко, Марченко, иди ты! Тебѣ разсказывать! — кричали молодые солдатики понуро сидящему на кровати уже пожилому солдату. По бокамъ его лежали два костыля.

— Марченко, иди-же!

— „Не пійду!"

— Почему?

— „Мнѣ нечого разсказувать..."

— Намъ виднѣе...

— „Не пійду", — угрюмо отвѣчалъ Марченко... И, точно застыдившись „своей грубости",—явно для оправданія прибавилъ: „у меня голова болитъ"...

— Онъ — упрямый хохолъ: — не пойдетъ, — сказалъ кто-то изъ раненыхъ.

— Тогда, Лазовскій! Разсказывай свое, Лазовскій!

Ко мнѣ подошелъ молоденькій солдатикъ, безъ усовъ и бороды, на видъ совсѣмъ мальчикъ. Лицо— дѣтски доброе, глаза живые, весь какой-то привѣтливый.

— Какой славный!—подумалъ я.

— Вы, что, вѣрно, изъ охотниковъ,—доброволецъ?

— Нѣтъ, я въ строю годъ былъ, рядовымъ пошелъ *) на войну...

— Долго пробыли въ бою?

— Нѣтъ, всего 8 дней...

— Ну, разскажите о себѣ...

Я показалъ ему на его руку. Она была оторвана по плечо...

— У меня двѣ раны: видите, — вотъ на горлѣ. Это пуля, пробивъ горло, прошла навылетъ черезъ легкое и выскочила въ спинѣ, а руку оторвало потомъ снарядомъ...

— Какъ же было дѣло?

— Шестого августа лежали мы въ окопахъ. Мѣсто мокрое—вода... Всѣмъ хотѣлось поскорѣе отсюда... Наконецъ, команда! Мы побѣжали на гору. Пули сыпались какъ дождь. Были и тяжелые снаряды. Страшные это снаряды: они рыли ямы, называемыя „чемоданами“ — такія, что въ нихъ нѣсколько человѣкъ можетъ спрятаться... Ротный приказалъ ложиться. Я и сталъ ложиться, лопаткой хотѣлъ окопаться. Въ это время пуля попала мнѣ въ глотку...

Кровь изъ горла, какъ изъ боченка вода льетъ, но говорить могу.

Поползъ я къ ротному командиру седьмой роты (нашего ротнаго наканунѣ убили) и докладываю: — „я раненъ, что прикажете дѣлать?“

А онъ:—„двигайся впередъ дальше со всѣми. Здѣсь все равно некому перевязывать“.

Я и отползъ на свое мѣсто. Тутъ фельдфебель далъ сигналъ подниматься. Побѣжали. Я тоже впередъ. Кровь льетъ и внутрь. Захлебываюсь. Легли. Вдругъ

---

*) Примѣчаніе: Николай Карловичъ Лозовскій изъ крестьянъ Минской губерніи, Слуцкаго уѣзда, Телядовической волости, деревни Ржевка.

снарядъ ударилъ рядомъ. Меня съ землей подбросило. Но не ранило... Пули сыпались, жужжали вокругъ, какъ пчелы около улья. Раздался свистокъ. Я вскочилъ и снова побѣжалъ. Но тутъ меня ударило снарядомъ по лѣвой рукѣ. Ее всю съ винтовкой раздробило. Но всетаки рука держалась на двухъ жилахъ—болталась. Только это и замѣтилъ. Потомъ все точно оборвалось въ памяти. Сколько времени лежалъ не помню. Очнулся въ канавѣ. Вижу съ одного боку отъ меня совсѣмъ близко — крестьянскій домъ, а рядомъ лежитъ нашъ солдатъ. У него — страшная рана на головѣ отъ снаряда. Я не сталъ на него глядѣть. Уткнулся лицомъ въ землю. И хорошо вышло это.

Нѣмцы начали стрѣлять изъ пулеметовъ. У меня на спинѣ былъ мѣшокъ. Сначала онъ на спинѣ все подпрыгивалъ, подскакивалъ, а потомъ пересталъ: его совершенно посѣкли въ клочья пули. Меня-же спасла канава... Такъ я лежалъ. Наши на время для обхода отступили. Къ вечеру стрѣльба стихла. Когда настала ночь, на меня напалъ котенокъ. Все ночь онъ подбѣгалъ ко мнѣ и теребилъ рану, лизалъ кровь съ плеча. Нѣмцы бросили свой домъ, и котенокъ былъ голодный. Онъ н нападалъ на меня. Трудно было его отогнать! Котенокъ, а не могъ съ нимъ справиться... Попьетъ, попьетъ мою кровь и ляжетъ на груди отдыхать... Потомъ снова-сосать...

Къ утру наши бросились на нѣмцевъ и прогнали ихъ.

Пришли наши санитары, подняли меня. Понесли... Хорошо было...

— Насъ,—говорятъ санитары,—сегодня забирали въ плѣнъ, да наши молодцы отбили, оттого мы къ вамъ не такъ скоро пришли...

— Несите,—говорю,—братцы, меня отсюда поскорѣе!

— А что—такъ? спрашиваютъ они.

— „Тутъ котенокъ всю ночь мою кровь сосалъ...

Котенокъ пострашнѣе непріятельскихъ снарядовъ"... Они ласково смѣются и несутъ... Торопятся...

— Теперь, говорятъ, мнѣ искусственную руку придѣлаютъ, будто настоящая въ рукавѣ,—промолвилъ Лозовскій смущенно... Всѣ молчали...—Ну, Марченко, сейчасъ тебѣ говорить,—снова бодро обратился Лозовскій къ стоящему сзади меня Марченку.

Оказалось угрюмый хохолъ приплелся на костыляхъ послушать.

— Разскажу и я,—вдругъ неожиданно заявилъ онъ.

И я услышалъ разсказъ—„Четыре дня на полѣ сраженія" Гаршина. Да, да это было все то же! Только Марченко пролежалъ такъ не четыре, а пять сутокъ! Сначала его ранили въ одну ногу. Сапогъ былъ полонъ крови, но онъ продолжалъ итти, стрѣлять. Потомъ снарядомъ у него оторвало другую ногу. Онъ лежалъ и лежалъ. Мимо проходили наши санитары, ему казалось, что онъ кричитъ. Но его никто не слышалъ! Его, очевидно, принимали за мертваго. Не думали, что такой можетъ быть живымъ... Кругомъ подбирали, уносили... Марченко казалось, что онъ умоляетъ его прикончить, пристрѣлить или заколоть, такъ ужасны были страданія... Но никто не слышалъ и этой мольбы... Потомъ къ нему кто-то нагнулся... Онъ очутился въ госпиталѣ...

Вѣдь на этомъ обрывается разсказъ Гаршина... Въ живомъ Марченко я видѣлъ продолженіе разсказа, когда-то, въ дни моей юности такъ взволновавшаго меня...

Нѣтъ, слава Богу, Марченко живъ!.. Живъ!..

Съ какой лаской, съ какимъ тепломъ относятся къ нему сестры милосердія...

Угрюмый хохолъ сдался и разсказывалъ, но я не могъ записывать! Только и записалъ, что зовутъ его Алексѣемъ Марченко. Я слушалъ, слушалъ, переживалъ его пережитое...

Слава русскому воину, идущему на бой въ сапогѣ полномъ крови, слава нашему терпѣливому, такому скромно-простому русскому труженику, крестьянину—солдату!..

Какая это большая нравственная сила!.. Ея не побѣдитъ самодовольная „культурная наглость“...

Развѣдчики.

— Кто же разскажетъ о видѣнномъ на войнѣ?— обращаюсь я ко всей палатѣ.

— Какіе мы разсказчики?—точно недовольно отвѣчаетъ какой-то раненый со своей кровати,—мы, что видѣли, забыли...

— Чего зря болтаешь! И мы можемъ разсказать. Не слѣпые, чай!—откликается „рядовой“ солдатъ Николай Кравченко *), выручая меня...

— Я, господинъ, былъ развѣдчикомъ въ Германіи. Если это интересно, то прослушайте.

— Конечно...

Онъ еще молодой человѣкъ. Средняго роста, коренастый. Усы едва пробиваются на миломъ, вдумчивомъ, типично русскомъ лицѣ... Говоритъ просто, правдиво...

...— Мы шли въ наступленіе цѣпью. Къ ночи остановились и принялись каждый дѣлать для себя окопы...

— Какъ „для себя“?—развѣ это не общая канава?

— Нѣтъ, каждый роетъ окопъ для себя... Въ прежнихъ войнахъ, говорятъ, были такіе общіе рвы, а на этой изъ-за воздушныхъ развѣдокъ и у насъ, и у нѣмцевъ одинаково стали чаще рыть по новому...

---

*) Примѣчаніе. Николай Ивановичъ Кравченко изъ крестьянъ Самарской губ., Новоузенскаго уѣзда, Салтовской вол., деревни Салтова.

— Какъ же?

— Каждый копаетъ яму, аршина полтора глубины, чтобы можно было въ ней сидѣть и лежать... Но окопы и у насъ, и у нѣмцевъ устраиваются, какъ волчьи капканы. Правда, они закрываются только наполовину...

— Чѣмъ?

— Сначала мостятъ бревна, доски, палки,—кто что найдетъ подходящее, а сверху ихъ кладутъ землю, дернъ. Оставляютъ небольшой выходъ; стоя въ немъ, можно стрѣлять изъ окопа. У каждаго солдата такой свой „домикъ". Нѣмецкіе окопы мало чѣмъ отличаются... Яма глубже и внизу шире, такъ что земля нависаетъ. Изъ нея труднѣе выбираться... Впереди окоповъ идутъ „проходы сообщенія". Это — сплошные, не прикрытые рвы. Они окружаютъ окопы кругомъ со всѣхъ сторонъ. Благодаря окопамъ, непріятель не видитъ, гдѣ мы находимся. Даже въ бинокль трудно разглядѣть, такъ какъ ихъ еще „маскируютъ"—зеленью, кустарниками.... Днемъ мы идемъ впередъ, а на ночь,— такъ окапываемся. Но случается проводить въ однихъ и тѣхъ же окопахъ и по нѣсколько сутокъ...

На этотъ разъ мы просидѣли въ окопахъ цѣлый день. Шла стрѣльба изъ тяжелыхъ орудій. Стрѣляли верстъ за пять, хотя тяжелыми стрѣляютъ и за двѣнадцать. Снаряды нѣмцевъ перелетали наши окопы, и въ насъ не попадали. Снаряды же нашей артиллеріи, находящейся далеко сзади насъ, тоже летѣли надъ нами, но рвались въ непріятельской цѣпи. Это было видно простымъ глазомъ. Когда снаряды рвались, нѣмцы, точно изъ земли, выскакивали изъ своихъ окоповъ и убѣгали кучами.

Тяжелые снаряды шумѣли вверху, словно шуршавя, какъ сталь о точильный кругъ, а шрапнели визжали и гудѣли. Даже при громкомъ разговорѣ ясно былъ слышенъ шумъ шрапнелей и снарядовъ. Только шрапнели гудѣли громче...

— Было ли ихъ видать?

— Нѣтъ, днемъ ихъ совершенно не видно, а ночью тяжелые снаряды видать: они свѣтятся огнемъ, который вьется змѣйкой...

— Можно узнать, когда падаетъ?

— Да, тогда снарядъ начинаетъ не такъ быстро шуршать. Можно сразу понять, что сейчасъ упадетъ...

— Значитъ, легко отбѣжать?

— Гдѣ тамъ!—смѣется даже Кравченко.—Убѣжать отъ него невозможно! Откуда падаетъ днемъ не видно! А осколки большихъ снарядовъ иногда залетаютъ далеко: шальные падаютъ за версту отъ разрыва... Шрапнель же рвется на полномъ ходу въ воздухѣ или на землѣ. Непріятельская шрапнель, вродѣ сахарной головы, около трехъ четвертей длины. Ея паденія нельзя угадать, развѣ догадаться о направленіи...

Къ вечеру бомбардировка нашихъ и непріятельскихъ снарядовъ прекратилась.

У насъ стало спокойно.

Мы сидѣли каждый у себя въ окопѣ, но тихо переговаривались. Ротный командиръ находится въ своемъ окопѣ позади всѣхъ, какъ полагается для удобства команды.

Когда стемнѣло, привезли готовый ужинъ—борщъ-кислыя щи и каждому порцію вареного мяса да хлѣба. Ротный прислалъ своего вѣстового объявить объ этомъ по окопамъ. Всѣ вылезли, стали въ затылокъ, подошли со своими котелками. Вернулись. Начали ужинать, каждый „около себя“, у своего „домика“. Поужинавъ, кто сидѣлъ вверху, кто ходилъ. Всякій былъ радъ размять кости...

Въ это время ротный позвалъ взводныхъ командировъ—четырехъ старшихъ унтеръ-офицеровъ и говоритъ: „Передайте своимъ нижнимъ чинамъ предложеніе, кто хочетъ идти на развѣдки, посмотрѣть, гдѣ непріятель, что нѣмцы дѣлаютъ сейчасъ“... Взводные пе-

редали. На нашу роту вызвалось шесть человѣкъ. Среди нихъ и я... Отозвались все больше бывшіе рабочіе...

— А вы чѣмъ занимались раньше?

— Былъ я слесаремъ, въ городѣ Z. работалъ въ мастерской... На войнѣ же пробылъ всего одинъ мѣсяцъ...

— Что же было дальше?

— Пошли мы—одни солдаты—всѣ вмѣстѣ, толпой. Это было въ первый разъ. Опыта у насъ еще не было... Сначала шли полемъ по вытоптанной картошкѣ. Ружья несли „къ ногѣ“ въ правой рукѣ, чтобы быть наготовѣ...

Подошли къ берегу большого озера и отправились дальше по самому берегу къ непріятельской цѣпи. Прошли съ версту...

Стояла уже совсѣмъ темная ночь.

Шли тихо, безъ шума. Всѣ молчали...

Отъ берега тянулся оврагъ. Вошли въ него и остановились...

Мы—я и товарищъ полякъ Бжоза (потомъ убитый), оставили всѣхъ на мѣстѣ, чтобы идти незамѣтнѣе, и двое отправились дальше по оврагу...

Прошли. Оврагъ пересѣкало шоссе, спускающееся по косогору и поднимающееся изъ оврага наверхъ...

Вдругъ сверху, сбоку шоссе раздался непріятельскій выстрѣлъ, очевидно, часового.

Мы находились еще въ оврагѣ. Молча легли въ канаву около самаго шоссе. Полежали. Потомъ посидѣли. Слышимъ, нѣтъ больше выстрѣловъ... Почему выстрѣлилъ—не знаемъ... Мы и поползли вверхъ по канавѣ, сбоку шоссе. Когда поднялись, то по громкимъ голосамъ и ударамъ лопатъ поняли, что непріятель тутъ копаетъ окопы. Работали по обѣимъ сторонамъ дороги. Мы были, какъ среди нихъ. Лежимъ, молчимъ...

Вдругъ Бжоза мнѣ шепчетъ: „Я дальше не пойду, я боюсь“...

Мы съ нимъ дружны были...

Я ему шопотомъ отвѣчаю: „Когда боишься, иди обратно къ нашимъ на берегъ, а то и мнѣ будетъ страшно“...

Онъ поползъ внизъ и побѣжалъ обратно по оврагу...

А я поползъ впередъ дальше...

Въ это время около берега раздалась стрѣльба часовыхъ сверху оврага. Были видны огни.

Потомъ узналъ: когда Бжоза подбѣжалъ къ оставшимся, они бросились бѣжать вмѣстѣ съ нимъ. Часовые услышали топотъ и открыли по нимъ стрѣльбу...

Я подождалъ и поползъ дальше, чтобы узнать сколько у нихъ силы...

Съ лѣвой стороны все время копали. Разговоры были слышны хорошо, только я ни слова не понималъ. Огней нигдѣ не было...

Съ правой стороны я увидѣлъ развѣдческую команду, человѣкъ сорокъ...

— Какъ же вы увидѣли, вѣдь было темно?..

— Если лежать на землѣ, то видны на небѣ фигуры... Я догадался, что это—развѣдчики, такъ какъ они были на велосипедахъ. Они проѣхали сзади меня, выбрались на шоссе тамъ, гдѣ мы съ Бжозой раньше лежали и спустились по шоссе въ сторону нашихъ позицій. Когда они уѣхали, я повернулъ обратно дать знать объ этомъ... Сначала поползъ, а потомъ въ оврагѣ пошелъ. Пробрался снова по берегу озера. Вернулся. Доложилъ ротному...

— Нашли же этихъ велосипедистовъ?

— Не знаю...

— Ну, а потомъ какъ?

— Послѣ этого мы съ товарищемъ Бжозой ходили на развѣдки нѣсколько разъ. Онъ уже не боялся. Вообще, онъ былъ человѣкъ очень храбрый. Убили его

въ окопахъ... Еще разъ ходилъ я въ развѣдку съ нѣсколькими товарищами подъ командой полуротнаго... Но интересная развѣдка—была моя послѣдняя развѣдка, 19-го октября, когда меня ранили...

Мы перешли на новую позицію. Попалась намъ мѣстность лѣсная. Снова выкопали себѣ такимъ же родомъ „домишки". Тамъ отъ насъ непріятель былъ совсѣмъ недалеко. Шаговъ триста...

Я пошелъ на развѣдки съ землякомъ (изъ нашего даже уѣзда)—Александромъ Гоппе. Мы ползкомъ направились къ непріятельской цѣпи, поглядѣть, послушать, что непріятель дѣлаетъ.

Проползли мимо мелкихъ кустарниковъ и выбрались на открытое мѣсто...

Мы замѣтили непріятельскаго часового и подчаска (для посылокъ съ извѣщеніями). Они стояли одинъ сзади другого, саженяхъ въ пятидесяти отъ непріятельскихъ окоповъ...

Мы съ Александромъ шепотомъ на ухо сговорились ихъ „снять..." Если удастся, въ плѣнъ притащить... А нѣтъ, штыками...

Начали мы оползать ихъ, чтобъ подняться сзади. Они не шевелятся. Мы подползли и поднялись во весь ростъ! Все готово!.. Только рты имъ зажать...

Но въ это время вдругъ сзади насъ изъ окоповъ раздался какой то крикъ!..

Часовые бросились въ сторону, а изъ окоповъ по насъ ударили залпомъ и открыли частую стрѣльбу.

Мы оба кинулись на землю, полежали и начали ползти обратно. Пальба продолжалась. Вдругъ я почувствовалъ острую боль въ лѣвой рукѣ. Меня ранили въ предплечье... Вотъ она почти вся въ гипсѣ... Мы полземъ, кровь льетъ...

Я и сказалъ Александру: „товарищъ, меня ранили, не убѣгай отъ меня"...

И, хотя пули просвистывали, онъ не сталъ убѣгать, чтобы помочь мнѣ.

Мы пролѣзли нѣсколько саженъ. Выстрѣлы продолжались...

Вдругъ Александръ вскричалъ: „я раненъ въ ногу!..“

Къ счастію здѣсь попались кустарники. Мы забрались въ нихъ, поднялись на ноги, вошли въ лѣсъ.

Но тутъ Александръ сталъ говорить: „я итти не могу. Нельзя уже ступить...“

Я отвѣтилъ:—„цѣпляйся на меня“.

Онъ повѣсился на меня, а одной ногой, чтобъ легче было нести, все подпрыгивалъ.

Мы знали, что перевязочный пунктъ сзади нашихъ окоповъ и добрались къ нему...

На томъ наша исторія и кончилась... Въ ту же ночь меня отправили въ городской госпиталь, а оттуда утромъ повезли уже прямо сюда... Всего пятнадцать дней назадъ меня ранили...

Кругомъ насъ уже стоитъ толпа солдатиковъ...

— Вы на нѣмцевъ наскочили, говоритъ Иванъ Быковъ, а со мной иначе было: нѣмецкій развѣдчикъ на меня наскочилъ...

— Какъ такъ?

— Сидѣли это мы тоже въ окопахъ. Настала темная ночь. Я и товарищъ пошли за водой къ рѣчкѣ съ котелками. Берегъ былъ не такъ далеко, но очень топкій. Стали мы выбирать удобное мѣсто зачерпнуть воды. Товарищъ отошелъ на нѣсколько шаговъ въ сторону. Я выбралъ удобное мѣсто, приловчился, зачерпнулъ воды и повернулся обратно къ своимъ мѣстамъ...

Вижу шагахъ въ трехъ стоитъ человѣкъ. Я подумалъ, что это мой товарищъ. Сталъ я его тихонько окликивать.

Онъ стоитъ и молчитъ.

Такъ прошло нѣсколько минутъ.

Я сдѣлалъ шагъ къ нему...—Что за лѣшій?

Вдругъ онъ что-то уронилъ.

Я испугался неожиданности. У меня изъ рукъ упалъ котелокъ...

Человѣкъ кинулся бѣжать.

Я поднялъ котелокъ, снова набралъ воды и пошелъ къ себѣ мимо того мѣста, гдѣ тотъ стоялъ. И сразу наступилъ на винтовку. Когда ее взялъ въ руки, оказалось она—непріятельская: штыкъ у нихъ вродѣ тесака... Очевидно, это былъ непріятельскій развѣдчикъ...

Всѣ смѣются...

— Что-жъ ты его не взялъ?

— Никакъ не ожидалъ...

— А есть еще среди васъ, господа, развѣдчики?

— Есть! Семенъ Антоновичъ, идите сюда.

Теперь всѣ заинтерисованы продолженіемъ моей бесѣды. Даже тотъ раненый, который сначала чуть не огрызнулся, подошелъ и добродушно замѣтилъ:

— И я послушаю... Вишь, сколько разсказчиковъ оказалось... Я такъ, по простотѣ...

— Семенъ Антоновичъ, сюда на расправу!

— Я за него! — шутливо отвѣчаетъ Семенъ Соловьевъ *)...

Мнѣ уже бросилась одна особенность солдатскаго разсказа, разговора: въ ихъ обиходѣ появилось новое слово—„товарищъ". Очевидно, солдаты изъ бывшихъ рабочихъ, какъ-то быстро пріучили всѣхъ, даже крестьянъ-хлѣборобовъ къ нему.

Я спросилъ объ этомъ.—Всѣ такъ говорятъ,—отвѣтилъ толковый солдатъ и тутъ же пояснилъ: и начальство тоже теперь такъ говоритъ. — Нашъ полуротный, когда итти въ развѣдки, всегда обращался:—„ну, товарищи, съ Божьей помощью въ путь!"—Зачѣмъ по-

---

* Примѣч.: Семенъ Антоновичъ Соловьевъ изъ крестьянъ Костромской г., Макарьевсcаго уѣзда, Ковернинской в., дер. Марковки.

луротный?—замѣтилъ другой содатикъ.—Въ самомъ военномъ законѣ теперь это слово введено: въ полевомъ уставѣ говорится, чтобъ товарищу помогать...

И потому меня удивило, что къ Соловьеву обращаются по имени и отчеству.

— Чѣмъ вы занимались до войны?—спросилъ я его.

— До войны занимался торговлей. Торговалъ воздушными шарами и дѣтскими игрушками. Пришлось итти на войну. Недаромъ говорятъ—„пушки—дѣтскія игрушки!“—Стало быть надо трепать нѣмцевъ!..

— Какъ же вы попали въ развѣдчики?

— По охотѣ. Дѣло было въ Германіи, въ концѣ августа. Нѣмцы отступили. Нашъ ротный командиръ вечеромъ спросилъ:—„Кто изъ васъ желаетъ на развѣдки?“

Откликнулось семь человѣкъ. Ну, конечно, я. Привыкъ по свѣту бродить, захотѣлось и на чужой нѣмецкой сторонѣ поближе ихъ игрушки увидать,—шутя замѣтилъ Соловьевъ.

Ночью, часовъ въ двѣнадцать пошли отъ нашей роты мы—двое: я да Иванъ Волковъ. Отъ всѣхъ ротъ такихъ охотниковъ набралось по два человѣка. А отъ шестнадцати ротъ полка всего 32 человѣка. Шли мы подъ командой подпоручика. Разбились дозорами по семи человѣкъ. Шли такъ, что видѣли сосѣдей съ обѣихъ сторонъ. А дальше—темнота. Шли, шли... Наскочили на какую-то деревушку. Когда стали къ ней подходить, раздались въ насъ выстрѣлы. Откуда—неизвѣстно. Выстрѣлы были револьверные. Различить ихъ по звуку легко. Мы поняли, что изъ ближайшаго двора, что стрѣляли вольные жители—нѣмцы. Иначе бы изъ ружей! Значитъ, здѣсь солдатъ нѣтъ! Да и деревня была, какъ мертвая. Тишина... Вольные же не въ первый разъ такъ фокусничали...

Стали мы въ подходящемъ дворѣ обыскивать.

Кто-то и говоритъ:—„надо-бы посвѣтить“.

Взяли мы пучки соломы и зажгли.

Вдругъ одинъ кричитъ: братцы, глядите, что въ колодцѣ! И хотѣлъ уже туда горящую солому бросить.

Къ счастію тутъ подпоручикъ оказался.

— „Подожди",—говоритъ,—„посвѣти просто..."

— Освѣтили и что вы думаете! Въ колодезѣ чуть не полно снаряды сложены!..

Засыпали мы колодезъ землею до-верху...

Въ домѣ никого не было. Хозяева куда-то убѣжали... Ходимъ освѣщаемъ...

Одинъ солдатикъ хотѣлъ взять солому и наткнулся на что-то твердое.

— Глядите, не спрятались бы въ соломѣ стрѣлявшіе!

Рѣшили мы зажечь солому, чтобъ вылѣзли они и было видно для обыска. А соломы-то была цѣлая гора. У насъ такихъ скирдъ и не складываютъ. Разбирать ее некогда... Зажгли скирду кругомъ, а солома и начала стрѣлять, точно изъ пулемета!

Оказалось, нѣмцы сложили въ солому много ящиковъ съ патронами. Для запаса!

Патроны хлопаютъ, трещатъ, но выстрѣлы безопасные. Въ стороны пули не летятъ. Только кидаютъ кверху солому!

Стрѣляло такъ, что на нашей сторонѣ подумали, будто мы—развѣдчики, нарвались на противника! Развернули войска въ боевой порядокъ и прислали ординарцевъ узнать, въ чемъ дѣло. Мы объяснили. Намъ былъ данъ приказъ жечь и дальше солому. И что вы думаете! Оказалось, что солома вездѣ по всей деревушкѣ, стрѣляла! Гдѣ ни зажгешь, вездѣ боевые склады! Это они для себя „въ тылъ" готовили на насъ такой запасъ! Да не удалось!..

Сами видите, господинъ, какой нѣмцы хитрый народъ: изъ соломы такую самопальную игрушку придумали! Наглядѣлся!..—закончилъ, по прежнему улыбаясь Соловьевъ.

ВОСПОМИНАНІЯ.

„Запорожцы“.

Митька и Николай прочли „Тараса Бульбу“. Три дня они ходили обнявшись и непрерывно шептались. Пропустили въ гимназіи уроки. Не обѣдали. Исчезали до вечера...

Начали мастерить ножны къ старому кухонному ножу. Митька сильно порѣзалъ руку. Кровь капала чрезъ носовой платокъ. Когда Петръ, замѣтивъ это, испуганно спросилъ: „Митя, что съ тобой?!“—Митька, блѣдный, какъ мертвецъ, „равнодушно“ отвѣтилъ: „Тараса Бульбу жгли на кострѣ, и онъ не замѣчалъ такого пустяка!“...

По ночамъ они „мечтали“ о Запорожьи...

И всѣ мы—мальчики пансіона—какъ-то незамѣтно для самихъ себя „перешли въ казачество“. Сняли заборчикъ, отдѣлявшій садъ отъ чернаго двора, а длинныя круглыя палки штакета превратили въ превосходныя копья... Хозяйка пансіона—Елизавета Ивановна не замѣтила даже этого... Утромъ было найдено и мѣсто временнаго „куреня“ нашей Запорожской Сѣчи. Имъ сослужило подполье большого сарая, куда мы прокопали лазейку. Сдѣлали луки. Поохотились на курицу, легкомысленно забѣжавшую въ нашъ дворъ... Но, конечно, горѣли желаніемъ совершить какой нибудь настоящій запорожскій подвигъ...

Дѣвочекъ было восемь. Еще недавно мы ладили съ ними. Но теперь?! Порвали все! Отъ ихъ зоркихъ глазъ было трудно укрыться. А чуть что—онѣ моментально пробалтывались... Но главное... Это были „бабы“!... Да, бабы!

Однажды Борисъ, котораго всякая таинственность превращала въ сыщика, прійдя къ намъ сообщилъ шопотомъ, что дѣвочки потихоньку забрались въ глубь сада. Онъ прокрался за ними и все разглядѣлъ! Онѣ сидятъ подъ деревьями и громко читаютъ книгу. Этотъ таинственный шопотъ сразу поднялъ все Запорожье на ноги. Точно онъ прибѣжалъ къ намъ вѣстникомъ, что тамъ, въ кустахъ, подъ деревьями, спряталась татарская рать. Мы живо схватили копья, живо устроили военный совѣтъ.

— Ты бей мою сестру, а я буду бить твою,—говорилъ Митька Петру,—а то Юля напишетъ матери. Никого не жалѣть,—обратился онъ собственно къ Петру, зная, что тотъ всегда заботится о своей Галѣ.

Черезъ нѣсколько минутъ мы уже ползли по травѣ, прятались между кустами и деревьями.

Вотъ и онѣ!

Одна изъ дѣвочекъ мѣрнымъ монотоннымъ голосомъ читала какую-то книгу. Остальныя штопали чулки...

Стремительно вскочивъ на ноги, мы окружили ихъ и начали „колотить“ копьями. Несмотря на то, что дѣвочки видѣли передъ собою братьевъ и мальчиковъ общаго пансіона, и удары, говоря правду, были осторожные, онѣ подняли такой отчаянный крикъ, точно на нихъ напала настоящая разбойничья шайка.

Люба въ это время шла изъ гимназіи: была оставлена послѣ уроковъ за нечищенные башмаки. И еще за кварталъ она услыхала отчаянный крикъ дѣвочекъ. Бросилась въ садъ, увидала, что мы лупимъ ихъ, и кинулась сообщить объ этомъ Елизаветѣ Ивановнѣ.

Съ копьями на-перевѣсъ мы погнались за нею, точно

на дикихъ скакунахъ, но она была уже около дома. Сообразивъ, что насъ ждетъ неминуемая расправа старшаго сына Елизаветы Ивановны—Владиміра (этотъ „башибузукъ" завелъ даже особый ремень), мы рѣшили спрятаться и помчались въ самый дальній уголъ двора, въ тотъ закутокъ, куда никто не заглядывалъ. Сюда выходила веранда съ большимъ венеціанскимъ окномъ. На верандѣ помѣщался складъ поломанныхъ вещей, чемодановъ, корзинъ—и здѣсь обыкновенно никто не бывалъ. Забравшись сюда, мы неожиданно замѣтили, что окно веранды раскрыто. Это удивило насъ и въ то же самое время заинтриговало. Осторожно, притаившись, мы подошли къ окну и заглянули въ него...

То, что мы увидѣли тамъ, глубоко поразило и возмутило наши запорожскія сердца.

Наташа—старшая дочь Елизаветы Ивановны — сидѣла обнявшись со своимъ учителемъ Робертомъ и цѣловалась съ нимъ.

Какъ?! Здѣсь, въ Запорожской Сѣчи, устраивать бабье царство? И это тотъ самый Робертъ, который ѣздитъ на лошади, который больше, чѣмъ кто-либо, достоинъ быть вмѣстѣ съ нами, запорожцами? Робертъ сидитъ и цѣлуется съ Наташкой? Нѣтъ, это невозможно! И забывъ, что намъ грозитъ расправа за дѣвочекъ, мы вернулись во дворъ, подобрались къ колодцу, около котораго всегда стояла лужа черной грязи, и, набравъ полныя пригоршни гущи, снова поспѣшно вернулись въ закутокъ,

— Смотрите! Совсѣмъ, какъ Андрій!—негодуя, шепнулъ Митька и сплюнулъ отъ брезгливости.

Мы бросили въ нихъ комья грязи и пустились бѣжать.

Робертъ, внѣ себя отъ ярости, выскочилъ слѣдомъ въ окно и, схвативъ метлу, погнался за нами.

А тѣмъ временемъ Люба успѣла сообщить все Елизаветѣ Ивановнѣ. Съ палкой въ рукахъ она выскочила

во дворъ. Увидѣвъ, что Робертъ гонится за нами, Елизавета Ивановна въ восторгѣ закричала.

— Такъ ихъ, такъ ихъ, Робертъ Робертовичъ, хорошенько бейте. Молодецъ Робертъ Робертовичъ! Хорошенько ихъ!..

Тогда мы, подпрыгивая, какъ лягушата, завопили всѣ разомъ:

— Нѣтъ, врешь! Онъ, тетя, насъ не за то... Да! Онъ насъ за то, что мы его грязью. Мы накрыли ихъ. Да! Онъ Наташу цѣловалъ!

Елизавета Ивановна выронила палку. У Роберта тоже сразу опустились руки. Онъ постоялъ и тихо пошелъ обратно въ домъ. Показавшаяся было въ дверяхъ Наташа снова скрылась. А мы бросились въ садъ, откопали тамъ „нашъ кладъ"—глиняную копилку—и съ побѣдными криками разбили ее на глазахъ изумленныхъ дѣвочекъ (мы копили пятаки завтраковъ).

— Господа, бѣжимъ въ Америку!—крикнулъ толстый Константинъ, несмотря на принадлежность къ Запорожью увлекавшійся по-прежнему Майнъ-Ридомъ.

— Зачѣмъ въ Америку? Въ Запорожье! Бѣжимъ на островъ Хортыцю,—возразилъ Митька.

Сборы были очень коротки. Кто взялъ ножъ, кто кусокъ хлѣба...

Федоръ спряталъ въ карманъ истрепанную хрестоматію Басистова, чтобы въ Америкѣ или въ Запорожьи, а выучить на завтра урокъ!

Прежде всего мы отправились на базаръ, купили колбасы, баранокъ и не успѣли отойти отъ лавки, какъ тутъ же уничтожили всѣ наши припасы. Оставалось нѣсколько пятаковъ. Болѣе ненасытные требовали немедленно пустить ихъ въ оборотъ, болѣе прозорливые рекомендовали сохранить на завтра, такъ какъ иначе мы не доберемся до Запорожья.

— Но, вѣдь, туда такъ далеко—верстъ восемьсотъ!..—замѣтилъ Федоръ.

— Ничего, у насъ добрые кони!—объявилъ неожиданно Николай.—Славныя лошади! Хоть на край свѣта довезутъ! Правда, Митька?!

— Гдѣ вы ихъ достали?—спросилъ, горя любопытствомъ, Борисъ...

— Увидишь!

— Братцы! Но, вѣдь, у насъ нѣтъ лошадей,—грустно промолвилъ Петръ.

— У всѣхъ будутъ! Не безпокойтесь!

Митька и Николай вели насъ къ лошадямъ...

— Слушай, Крокочка,—необыкновенно ласково и дѣланно заискивающе обратился къ Константину тоненькій и вертлявый Борисъ.—Я боюсь за тебя Крокочка: ты такой, что ни одна лошадь не выдержитъ—сядешь, а она ни съ мѣста!.. Не поспѣешь за нами.

— Оставь, Борисъ,—прервалъ Николай.—Тарасъ Бульба былъ однимъ изъ самыхъ толстыхъ людей въ мірѣ... Онъ вѣсилъ двадцать пудовъ, и его „Чортъ" никогда не отставалъ. Мы дадимъ Кроку такого же „Чорта".

Константинъ шелъ и добродушно пыхтѣлъ.

— А вотъ меня, Борисъ, твоя личность очень безпокоитъ... Сядешь ты на коня,—онъ хвостомъ махнетъ и сдунетъ тебя.

Борисъ, несмотря на всѣ свои приставанья, всегда чрезвычайно обижался, когда ему напоминали о его маленькомъ ростѣ или рыжихъ волосахъ. И дѣлая видъ, что онъ нисколько не обиженъ, Борисъ, тѣмъ не менѣе, досадливо бросилъ:

— Не безпокойся, я цѣпкій, какъ сяду, такъ точно къ лошади припаянъ!

А тѣмъ временемъ Митька страстно шепталъ Петру.

— Ты станешь нашимъ побратимомъ. Мы дадимъ тебѣ самую лучшую лошадь. Тамъ,—прибавилъ онъ многозначительно,—есть хорошій „Буянъ"! На немъ не всякій усидитъ!

Изъ всѣхъ животныхъ наибольшей нашею любовью пользовались собаки и лошади, но, конечно, собаки крупныя. Всякія „Жужу“—кудрявыя болонки казались недостойной бабьей забавой, и мы презирали ихъ.

Митька и Петръ были настоящіе собачники. Почти всѣ дворняги околотка знали ихъ по свисту и бѣжали ласкаться. По вечерамъ они таскали собакамъ корки, припрятывая ихъ за обѣдомъ. И около нашихъ воротъ иногда собиралась большая псиная ватага, наводившая ужасъ на прохожихъ.

Но, конечно, лошадей мы любили еще больше. О нихъ всѣ буквально бредили, каждый изобрѣталъ „для своего коня“ приличное случаю названіе. Митька и Петръ еще годъ назадъ купили себѣ уздечки, чтобы быть ближе къ осуществленію мечты о собственной лошади. Константинъ пріобрѣлъ настоящій извозчичій кнутъ. И уздечки эти и кнутъ висѣли надъ кроватями.

Мы прошли бульваръ, мимо базара, и стали пробираться уже за городъ по немощеной, грязной улицѣ. Съ одной стороны ея тянулись сплошной заборъ да канава съ вонючей, застоявшейся водой, а съ другой—были разбросаны одинокіе домики, утопавшіе въ густыхъ садахъ... Но домики начали исчезать, мелькнула тюрьма, появились огороды, плетни.

— Вотъ!—воскликнулъ Митька, въ восторгѣ указывая на заборъ.

Мы оглянулись. На лугу безъ всякаго присмотра пасся табунъ лошадей.

— Вонъ тамъ налѣво, видите, отдѣльно ходитъ сѣрый съ длиннымъ хвостомъ... Это мой „Вѣтеръ“, а то—прямо, какъ-будто горбатый, вонъ, стоитъ насторожившись,—это „Ухо“ Николая... Вы не смотрите, что такой... Онъ настоящій иноходецъ! Ну идемъ... Никого здѣсь нѣтъ! Только съ того конца забора есть домикъ. Это какой-то „ветеринарный лазаретъ“. Оттуда приводятъ сюда новыхъ лошадей.

— Куда же идти? Гдѣ калитка?—спросилъ Федоръ.

— Зачѣмъ калитка? Прямо черезъ заборъ.

— Тутъ есть щели...

Мы съ трудомъ перепрыгнули черезъ глубокую канаву и перелѣзли заборъ.

Николай оглядѣлся, поднялъ кусокъ дерна. Подъ нимъ въ ямкѣ лежали уздечка, веревка и еще какой-то бумажный свертокъ...

— Это что? Лассо?—спросилъ Борисъ..

— Нѣтъ, арканъ. Видишь — петля... — отвѣтилъ Николай...

— А что въ сверткѣ?

— Овесъ...

— Приманивать?

— Нѣтъ, угощать,—радостно отвѣтилъ Митька.

Мы шли къ лошадямъ. Нѣкоторыя мирно стояли на лугу, братски положивъ головы другъ другу на шеи и обмахиваясь хвостами. Другія паслись. Одна лошадь лежала. Выборъ былъ разнообразный.

— А какъ-же мы на коня̀хъ черезъ этотъ заборъ?—спросилъ Федоръ.

— Тамъ заборъ легко разбирается! Мы высмотрѣли!—отвѣчалъ Митька и заторопился къ своему „Вѣтру“...—Николай, дай мнѣ твою уздечку! Я покажу имъ!.. Вѣдь, „онъ“, какъ настоящій вѣтеръ, летаетъ подо мной!..

У него блестѣли глаза и лицо сіяло счастьемъ...

Но каковъ былъ ужасъ Митьки, когда онъ увидалъ, что ноги его „дикаго скакуна“ закованы, хотя и легкими, но стальными путами на замкѣ. Такія же путы были и на „Ухѣ“ Николая! И Николай, и Митька стояли молча, разставивъ руки...

— Что за мошенникъ сдѣлалъ это?!—воскликнулъ, наконецъ, Митька...

— Ну, чего раскисъ?! Бери арканъ, будемъ искать

другихъ лошадей,—угрюмо сказалъ Николай.—Вонъ тотъ, кажется, хорошъ...

— Онъ хромой,—возразилъ Федоръ,—я сейчасъ замѣтилъ, что онъ едва ходитъ... У него и нога перевязана...

— Ну, такъ этого—рябого...

И только начали мы ловить рябого, пасшагося одиноко въ сторонѣ, какъ вдругъ издали услышали жалобный крикъ

— Воры! Подождите, пожалуйста, я васъ поймаю!

На лугу около домика стоялъ старикъ и безпомощно размахивалъ руками.

— Глядите, глядите, тамъ какой-то чортовъ сынъ!—взвизгнулъ Борисъ, указывая на него,—Митька! Садись поскорѣе!..

Но въ это время слѣдомъ за старикомъ выскочили еще двое молодцовъ съ ружьями въ рукахъ. Они бѣжали къ намъ.

— Ахъ, вы, лѣшіе! Больныхъ лошадей загоняли!—вопилъ одинъ.

— Эти самые! Погодите, проклятые!—ревѣлъ, какъ труба, громадный мужикъ... Онъ выстрѣлилъ... И хотя мы отчетливо видѣли, что выстрѣлъ былъ произведенъ на воздухъ, но всѣ дрогнули...

— Спасайся, кто можетъ!—крикнулъ Борисъ, и всѣ кинулись за нимъ. Какъ-то необыкновенно легко перескочили черезъ заборъ и бросились бѣжать надъ канавой.

Дорогу пересѣкала небольшая, узкая и мелкая рѣченка.

Никакой погони за нами не было видно...

— Разувайтесь, идемъ по водѣ, чтобы скрыть свой слѣдъ,—посовѣтовалъ Митька.—Когда Тарасъ Бульба замѣтилъ въ степи татарина, онъ долго ѣхалъ такъ по водѣ. И ихъ самъ дьяволъ не смогъ бы найти!..

Мы всѣ разулись и пошли по холодной осенней водѣ.

— Довольно, куренной Кукубенко, — обратился къ Митькѣ Николай,—не пора ли надѣвать сапожишки?

— Ладно!

Мы вышли изъ воды, обулись и побрели по пыльной загородной дорогѣ.

— А, вѣдь, такъ и должно было случиться, — сказалъ уныло Федоръ: — лошади не наши и, кажется, больныя...

— Да-а, — виновато промолвилъ Митька, — здѣсь не Запорожье, тутъ не разгуляешься...

— И вообще такія дѣла надо заранѣе подготовлять и обдумывать... А мы даже не знаемъ, гдѣ находится Хортыця—тихо прибавилъ Федоръ...

Митька молчалъ...

— Вѣдь, ты забылъ свою уздечку; она и сейчасъ на стѣнѣ...

Митька былъ окончательно сконфуженъ...

— Ничего, Митечка,—заговорилъ Федоръ, — у насъ за то прекрасная прогулка. Посмотри, какъ кругомъ хорошо!..

Становилось холодно. Мы устали. Шли далеко за городомъ... Куда?.. Неизвѣстно...

— Хорошо бы отдохнуть, — предложилъ Константинъ.

— Идемъ! — откликнулся Николай.

— Нѣтъ, я больше не пойду. Вонъ дерево... Какъ хотите, а я сяду тамъ отдыхать...—заворчалъ Константинъ.—Съ какой стати ноги ломать?..

— Придется сѣсть, — хитро крикнулъ Борисъ, очевидно, и самъ уставшій:—онъ смиренъ духомъ, а гордъ брюхомъ... Что съ нимъ подѣлаешь?!

— Въ такомъ случаѣ, братцы, зачѣмъ туда, подъ дерево? Лучше ляжемъ, какъ запорожцы, прямо на дорогѣ,—предложилъ Николай.

И мы всѣ „роскошными фигурами“ растянулись въ

шеренгу на пыльной дорогѣ... Отдыхали... Разговаривали...

Темнѣло. Становилось холодно. Кто-то громко барабанилъ зубами. Всѣмъ хотѣлось домой, но всѣ упорно молчали именно объ этомъ.

Лежали...

Послышались грузные шаги какого-то прохожаго...

— Ишь, темно, какъ въ носу араба! Ничего не видно,—кисло промолвилъ Борисъ.

Шаги прохожаго стали тяжеле. Къ нимъ примѣшивались какіе-то странные звуки...

Потянуло холоднымъ, сырымъ вѣтромъ...

— Мнѣ страшно!—сказалъ Константинъ и вскочилъ на ноги.

— Лежи, Крокъ!—мрачно осадилъ Митька.—А еще запорожецъ!

Шаги приближались...

— Это не человѣкъ!—испуганно промолвилъ Константинъ, ложась на землю и закрывая подоломъ рубахи голову...

Загадочные шаги звучали страшнѣе и грузнѣе...

Къ намъ приближалось какое-то чудовище.

Оно хрипло сопѣло и, казалось, обнюхивая воздухъ, искало насъ...

— Ближе, ближе...

Барабанный бой зубовъ участился; Константина, лежавшаго рядомъ со мной, колотила лихорадка, и его толстое тѣло дрожало, какъ самое вкусное желе, которое онъ такъ любилъ вспоминать въ разсказахъ о родномъ домѣ...

Мы оставались на своемъ запорожскомъ посту...

А чудовище, громко ахая и хлюпая губами, уже было готово раздавить насъ...

— Братцы,—вдругъ закричалъ Митька,—да, вѣдь, это корова!

— Ишь, проклятая! Заблудилась. Голодная!..

— Хорошо бы и намъ на сѣновалъ...

Всѣ поднялись.—Усталая корова спокойно проходила мимо...

Двинулись въ городъ. На бульварѣ пошли тише.

Было рѣшено незамѣтно войти во дворъ и пробраться на сѣновалъ.

— Развѣ можно такъ идти на Запорожье? — успокаивалъ Митьку Федоръ.—Мы не захватили даже теплой одежи. Самого Наполеона прогналъ изъ Москвы морозъ...

Подошли къ дому... У воротъ стояли дѣвочки, освѣщенныя тусклымъ фонаремъ. Онѣ были полны тревоги.

У Митьки болѣло ухо. Когда ему было шесть лѣтъ, мать постоянно говорила, что онъ въ одно ухо слышитъ, а въ другое выпускаетъ. Отсюда онъ сдѣлалъ тогда выводъ, что у него изъ одного уха въ другое — сквозное отверстіе. Увидя на картинкѣ индѣйца съ кольцами въ ушахъ, онъ самъ рѣшилъ сдѣлаться индѣйцемъ. Два мѣдныхъ кольца отъ занавѣси были отрѣзаны, но какъ подвѣсить кольца? Проколоть уши показалось больно. Но вспомнивъ слова матери, онъ придумалъ продѣть изъ уха въ ухо насквозь черезъ голову палочку и подвязать къ ней съ обѣихъ сторонъ кольца, какъ ведра на коромыслѣ. Когда онъ попробовалъ вставить палочку въ ухо, кто-то окликнулъ его. Митька обернулся и проткнулъ барабанную перепонку. Съ тѣхъ поръ онъ непрерывно лечился и, по совѣту доктора, носилъ постоянно вату въ ушахъ.

Едва Митька подошелъ къ воротамъ дома, къ нему кинулась Юля. Она въ испугѣ кричала:

— Митечка, вотъ вата, положи въ ухо вату, ты, навѣрно, потерялъ! Ради Бога, положи сейчасъ же вату, а потомъ ужъ уходи въ Америку...

Митька, дѣйствительно, потерялъ вату, но, полный военной отваги и презрѣнія къ женщинѣ, сказалъ:

— Не нужно, обойдусь и такъ.

Юля чуть не заплакала. Она бросилась сообщить Елизаветѣ Ивановнѣ, что мы вернулись и что Митькѣ нужно вставить въ ухо вату. Вслѣдъ за нею помчались и другія дѣвочки. А мы, улучивъ удобный моментъ, забрались на сѣноваль.

Не долго болтали.

Черезъ нѣсколько минутъ уже заснули...

Помню—я проснулся отъ жгучей боли. По моей спинѣ ходилъ ремень Владиміра. Онъ и дворникъ Тихонъ разыскали насъ, заперли всѣ выходы—и тогда Владиміръ подвергъ насъ всѣхъ жестокой экзекуціи. Въ тотъ моментъ мы забыли не только Запорожье, но и все на свѣтѣ, и отчаянно метались по чердаку. Наконецъ, замѣтили слуховое окно и, несмотря на высоту стали выпрыгивать чрезъ него. Затѣмъ мы кинулись въ свою комнату, какъ-то мгновенно раздѣлись, юркнули подъ одѣяла...

Первымъ заговорилъ Борисъ. Онъ высунулся изъ-подъ одѣяла и самодовольно промолвилъ:

— А мнѣ совсѣмъ не было больно... Я нарочно кричалъ... Но мы можемъ и его, и Тихона проучить.

— Надо-бы!—сказалъ Николай.—Онъ мнѣ всю шкуру содралъ... Только его трудно...

— Я замѣтилъ, что Владиміръ почти каждую ночь потихоньку куда-то уходитъ, — зашепталъ Борисъ. — Я сейчасъ лежалъ и придумалъ... Мы нарвемъ свѣжей крапивы и обмотаемъ ею ручки всѣхъ дверей... Онъ вернется, схватится—и то-то будетъ потѣха...

Въ комнату вошла Елизавета Ивановна, остановилась посреди и обратилась въ темное пространство съ коротенькою рѣчью:

— Мальчики, такъ нельзя. Я ничего не напишу вашимъ роднымъ, но больше не бейте дѣвочекъ и не удирайте. Мы всѣ переволновались. А дѣвочки, которыхъ вы отлупили, за васъ же перемучились и цѣлый вечеръ

стояли у воротъ... Вы уроковъ не выучили... Можете не идти въ гимназію. А по пятачку я вамъ все-таки дамъ. Спите!

Елизавета Ивановна вышла...

И славная Запорожская Сѣчь погрузилась въ спокойный сонъ...

Нашъ пансіонъ былъ чрезвычайно „демократическій" и нисколько не походилъ на другіе. Его хозяйка, Елизавета Ивановна, рѣшила воспитать изъ дѣтей—здоровыхъ духомъ и тѣломъ самостоятельныхъ людей, способныхъ въ будущемъ на борьбу съ жизнью. Поэтому мы должны были дѣлать себѣ все сами. Каждый чистилъ свое платье, обувь, самъ зашивалъ... Мальчики убирали свою комнату, подметали дворъ или, вѣрнѣе говоря, являлись помощниками дворника Тихона — одного на всю громадную усадьбу, съ которымъ до экзекуціи на сѣновалѣ мы были дружны. Мальчики же заправляли и лампы... Дѣвочки сами мыли полы, помогали мыть посуду, убирали остальныя комнаты, однимъ словомъ, должны были быть полезными въ хозяйствѣ...

Пансіонный столъ тоже былъ чрезвычайно простъ. На обѣдъ каждый день—борщъ и каша. Рѣдко-рѣдко давали котлеты... Но при нашемъ запорожскомъ настроеніи пища не играла никакой роли. Мы относились къ ней даже съ презрѣніемъ. Правда, подчасъ мы, полуголодные, „какъ пьяница предъ чаркою вина" хитрили въ этомъ другъ передъ другомъ. Ибо устоять передъ колбасой, баранками, яблоками и вареньемъ было очень трудно даже запорожцамъ. Одинъ лишь Константинъ никогда не скрывалъ, что онъ интересуется всѣмъ съѣдобнымъ. Часто, глядя на опустѣвшее блюдо, онъ уныло говорилъ: „Когда я выросту большой, то буду каждый день ѣсть котлеты".

Елизавета Ивановна, въ сущности, чрезвычайно доб-

рая, безхарактерная женщина, предоставляла намъ широкую свободу не только въ силу своихъ теоретическихъ взглядовъ. Она была всецѣло поглощена разными благотворительными учрежденіями, устройствомъ вечеровъ, чтеній для взрослой молодежи. Иногда она отдавала и нашу квартиру подъ общественныя собранія. И тогда мы, мальчики, въ осеннюю и весеннюю пору забирались на заброшенную веранду и здѣсь ждали, пока разойдутся гости, иногда тутъ же и засыпая вповалку... Случалось, впрочемъ, и мы шныряли между взрослыми, прислушиваясь къ ихъ разговорамъ...

Но удивительно: ничто, никакіе разговоры взрослыхъ о равенствѣ мужчинъ и женщинъ не могли сломить нашего „запорожскаго“ отношенія къ „бабѣ“...

Черезъ нѣсколько дней послѣ нашего побѣга въ Запорожье неожиданно къ Митькѣ и Юлѣ пріѣхала ихъ славная и привѣтливая тетя Анна. Она привезла цѣлый мѣшокъ винограда, яблокъ и конфектъ,—и, какъ всегда, бросилась къ Митькѣ, желая его обнять...

— Дорогой мой дѣтка, мальчичекъ мой милый!

Митька отстранился и дѣловито протянулъ ей руку для пожатія.

Тетя Анна остолбенѣла.

— Митя, что съ тобой? Да поцѣлуй же меня поскорѣе.

Митька гордо стоялъ передъ нею и полный достоинства произнесъ:

— Я съ женщинами не цѣлуюсь.

Тетка, которую Митька очень любилъ, была поражена.

— Митя, меня ты не хочешь поцѣловать!? Что случилось?—спросила она взволнованно.

— Я съ женщинами не цѣлуюсь,—повторилъ Митька дрогнувшимъ голосомъ.

— Что-же это такое? Ты меня больше не любишь,

значитъ, ты не хочешь и винограда, что я привезла?..

И хотя всѣ мы были большими любителями именно винограда, и для насъ онъ являлся недоступной роскошью и уже не меньше 20-ти глазъ заранѣе зорко поглядывали на него, Митька, знавшій это, твердо отвѣтилъ:

— И винограда не надо!

Петръ, слушавшій весь разговоръ, радостно шепнулъ намъ:

— Молодецъ Митька! Настоящій Остапъ!

На что Борисъ возразилъ:

— Чего зубы скалишь? Глупо... Бралъ бы когда даютъ!..

— Въ такомъ случаѣ,—сконфуженно промолвила тетя Анна,—все будетъ Юлѣ...

И хорошо для Запорожья, что Юля была доброй сестрой и добросовѣстно подѣлилась съ Митькой всѣми вкусными вещами... И такимъ образомъ наши аппетиты отъ „мужества" Митьки не пострадали...

Вечеромъ, когда мы остались одни и уплетали яблоки, Николай, похлопывая Митьку по плечу, говорилъ:

— Молодецъ, Митька! Вотъ такъ молодецъ! Хорошо загнулъ! Такъ и нужно съ бабами разговаривать... Плевать на нихъ!

И одинъ лишь Федоръ сидѣлъ въ сторонѣ и, пожевывая свое яблоко съ хлѣбомъ, молча читалъ „Наслѣдника дяди Честертона".

Однажды послѣ вечера у Елизаветы Ивановны Юля и Милка пропали съ утра на весь день. Елизавета Ивановна какъ-то не замѣтила ихъ отсутствія. Но дѣвочки обезпокоились, нервничали, выбѣгали за ворота. Люба уже предлагала сходить въ полицію, попросить отыскать ихъ, но такъ, чтобы Елизавета Ивановна не знала. Однако, дѣвочки рѣшили подождать. Бѣглянки вернулись къ вечернему чаю. Въ комнатѣ дѣвочекъ зата-

рахтѣлъ ихъ оживленный, звонкій и веселый разсказъ... Услышавъ вчера чью-то пылкую рѣчь о необходимости каждому зарабатывать свой хлѣбъ, онѣ съ утра отправились по магазинамъ дѣтскихъ игрушекъ, предлагая одѣвать куколъ. Ихъ гладили по головамъ, иногда угощали конфектами, но вездѣ отказывали въ работѣ... Оказалось, что куклы получаются готовыя, а платья имъ шьютъ портнихи и швеи. Тогда онѣ отправились къ швеѣ... Милка очень волновалась, что плохо подрубливаетъ платки. Юля была увѣреннѣе. Онѣ вошли во дворъ, но испугались собакъ и убѣжали..

И перебивая другъ друга, звеня своими дѣтскими голосами, онѣ подробно повѣствовали о своихъ поискахъ и злоключеніяхъ...

А мы—запорожцы, заинтересованные исчезновеніемъ дѣвочекъ, слушали ихъ разсказы и на всѣ лады шопотомъ „вышучивали" ихъ...

— Баба ничего не видитъ дальше иголки!..

Какой-то студентъ сказалъ при насъ, что задача интеллигенціи--бороться съ предразсудками и суевѣріями.

Эти невинныя слова породили у Николая мысль устраивать „шествія духовъ" по улицамъ...

По вечерамъ мы брали двѣ длинныя палки, клали ихъ на плечи, какъ носилки. На палкахъ помѣщали подушку, на которую Петръ откидывалъ голову, вымазанную мѣломъ. Палки и Петра по плечи закрывали одѣяломъ, а сверху сшитыми простынями. И получался покойникъ. Остальные одѣвались въ бѣлыя мантіи тоже изъ простынь—и шествіе начиналось. Сзади всѣхъ двигалось само привидѣніе: Борисъ, укутанный простыней, несъ на обмотанной палкѣ изобрѣтенную имъ свѣтящуюся голову съ оскаленными зубами...

Головой служила шляпная коробка съ придѣланными внутри кусками жести. Отверстія для громадныхъ

глазъ и зубатаго рта были заклеены размалеванной матовой бумагой. Голову освѣщалъ огарокъ...

Процессія медленно двигалась по бульвару къ городу. Всѣ мы тихо и торжественно выли.

Нашъ домъ находился у предмѣстья, и улицы были малолюдны. Полиція совсѣмъ отсутствовала. Можно себѣ представить, что испытывали при встрѣчѣ такой процессіи запоздалые, сонные обыватели! Иные шарахались въ сторону и долго потомъ бѣжали безъ оглядки, точно за ними гналась нечистая сила... Другіе присѣдали и тоже начинали выть, но отъ ужаса...

Тогда Федоръ, рискуя, что его поколотятъ, отставалъ отъ процессіи и кричалъ:

— Пожалуйста, не бойтесь! Мы запорожцы и боремся съ суевѣріями!..

На что въ отвѣтъ всегда получалъ отборно-аппетитныя ругательства...

Впрочемъ, Борису было мало простого шествія духовъ.

Одинъ разъ встрѣчные, бросаясь въ сторону, вдругъ начали падать на тротуаръ. Вскочивъ и пробѣжавъ нѣсколько шаговъ, они снова падали...

— Братцы! Глядите! — воскликнулъ торжествующе Борисъ—Это я протянулъ черезъ тротуаръ наши арканы! Спеціально для бабъ! Глядите—и эта сейчасъ упадетъ! Готова!..

— Нехорошая штука. Онѣ могутъ поломать ноги!— разсердился Федоръ.

— Ничего, надо проучить, чтобъ не боялись.

Вообще Борисъ былъ необыкновенно изобрѣтателенъ на всякія продѣлки...

Елизавета Ивановна состояла членомъ совѣта „Семейнаго очага“ — „благотворительнаго убѣжища для малолѣтнихъ“.

Пріютскія дѣти вышили юбилейную подушку какой-то своей покровительницѣ. И Елизавета Ивановна при-

несла вышивку, метеріалъ, чтобъ закончить все дома. Она долго возилась съ подушкой, показывала вышивку знакомымъ... Всѣ восхищались. Наконецъ, Елизавета Ивановна начала набивать подушку волосомъ и ватой... И нужно же было, чтобы въ это самое время одна изъ выдрессированныхъ Петромъ собакъ, поймавъ крысу, притащила ее къ намъ во дворъ... „Ученый“ Федоръ, боявщійся даже дохлыхъ мышей, сталъ гнать собаку прочь. Увы, это замѣтилъ Борисъ! Онъ отнялъ крысу отъ собаки и, держа ее за хвостъ, началъ отплясывать вокругъ Федора. А тотъ въ ужасѣ метался... Бориса это подзадоривало.

— Баба, баба, баба!..

И Борисъ все старался приблизитъ крысу къ лицу Федора... Тотъ вопилъ...

Потомъ Федоръ, вспоминая это печальное событіе, разсказывалъ намъ:

— Борисъ въѣдливо приставалъ ко мнѣ и вывелъ меня изъ себя! Я потерялъ всякое терпѣніе не выдержалъ и, наконецъ, крикнулъ: „Ты поступаешь некрасиво, не по товарищески!“ Эти слова только усилили приставанія Бориса, и я побѣжалъ спрятаться въ домъ...

Когда Федоръ убѣжалъ, Борисъ кинулся за нимъ. Федоръ исчезъ, точно сковь землю провалился! Но за то подушка лежала на виду почти готовая... Оставался одинъ шовъ... И вотъ Бориса „словно что толкнуло“. Подушка вышита для бабы!.. Такъ онъ самъ потомъ говорилъ, но его всегда что-то „толкало“... Борисъ воспользовался отсутствіемъ Елизаветы Ивановны, всунулъ въ подушку крысу, задѣлалъ ее сверху ватой. А вернувшаяся Елизавета Ивановна зашила... За обѣдомъ Елизавета Ивановна обмолвилась, что сегодня унесетъ подушку... И Борисъ горделиво сообщилъ обо всемъ Митькѣ...

Неожиданно для Бориса Митька возмутился, назвалъ его прохвостомъ, созвалъ Запорожье обсудить,

что дѣлать! Было рѣшено „ни къ какомъ случаѣ не выдавать Бориса", крысу же немедленно вынуть... Но какъ?! Подушка лежала въ комнатѣ Елизаветы Ивановны, а она уже переодѣвалась!..

Придумалъ Николай.

Константинъ вышелъ на веранду, легъ на полъ, началъ кататься и кричать не своимъ голосомъ. Мы открыли всѣ двери, засуетились... Услыхавъ отчаянный крикъ, раздѣтая Елизавета Ивановна накинула одѣяло и бросилась къ Константину. Онъ ничего не говорилъ, не отвѣчалъ на вопросы, дико визжалъ и только катался по полу... Тѣмъ временемъ Митька съ Борисомъ распороли подушку, вынули крысу. Митька быстро зашилъ...

Когда Митька появился на верандѣ, Крокъ вдругъ прекратилъ отчаянный крикъ и, какъ ни въ чемъ не бывало, поднялся.

— Что съ тобой!—воскликнула Елизавета Ивановна.

— Я ѣсть хочу!—отвѣчалъ Константинъ.

И Елизавета Ивановна, обрадовавшись, что онъ здоровъ, посердившись немножко, принесла ему хлѣба съ чеснокомъ и солью...

О крысѣ никто изъ непосвященныхъ такъ и не узналъ...

Въ другой разъ, ночью, во время какого-то собранія у Елизаветы Ивановны, Борисъ унесъ изъ передней всѣ зонтики. На дворѣ стояла осень, шелъ дождь. Когда пришлось расходится, гости были поражены необычной кражей: всѣ пальто, шляпы, пледы были цѣлы, не доставало только зонтиковъ! Рѣшили, что кто-то изъ ушедшихъ ранѣе сошелъ съ ума; онъ и унесъ... Одна барыня увѣряла, будто замѣтила у кого-то явные признаки ненормальности... И разочарованные гости разошлись подъ проливнымъ дождемъ. Когда утромъ мы заглянули въ подпольный курень, то застали тамъ Бориса; передъ нимъ лежала куча зонтиковъ.

Оказалась, что онъ „разбиралъ“ ихъ; длинныя прутья на стальные луки, коротенькіе—на стрѣлы, а матерію—для изготовленія колчановъ... Мы составили раду и судили его за эту кражу. И хотя Борисъ оправдывался тѣмъ, что хотѣлъ взять только „бабьи зонтики“, но въ темнотѣ не разобрался,—на этотъ разъ даже такое убѣдительное соображеніе не подѣйствовало!.. Бориса осудили. Въ саду привязали арканомъ къ дереву и положили возлѣ палку, чтобы каждый, проходя, ударилъ. Но никто не тронулъ его. Всѣ чувствовали, что онъ сдѣлалъ это или, во всякомъ случаѣ, желалъ сдѣлать „на общую пользу“...

Неудача первой попытки отправиться на Хортыцю нисколько не обезкуражила насъ. Наоборотъ, было рѣшено подготовиться хорошенько къ далекому путешествію и двинуться весною туда... Но какъ? Пока было неясно...

По просьбѣ Митьки Федоръ ходилъ въ городскую библіотеку читать исторію Запорожья, доставалъ какія-то географическія книги и карту... Однажды, вернувшись, онъ дѣловито сообщилъ, что Запорожье, дѣйствительно, было на островѣ Хортыцѣ по Днѣпру, за порогами, близъ Александровска.

Федоръ всегда все зналъ... Онъ предлагалъ сходить съ нимъ куда-то, посмотрѣть карту Екатеринославской губерніи, гдѣ островъ и сейчасъ обозначенъ... Но Митька охотно повѣрилъ ему на слово...

Пока что—мы копили на дорогу деньги, заготовляли кинжалы изъ желѣзныхъ обручей водовозной бочки, которая за то (къ ужасу нашего врага Тихона) начала течь, точно рѣшето... Послѣ святокъ Федоръ привезъ изъ дому старое ружье и два кремневыхъ пистолета...

По ночамъ, когда мы лежали въ постеляхъ, Митька по-прежнему произносилъ „зажигательныя“ рѣчи.

— Сначала на Хортыцѣ мы будемъ охотиться. Тамъ— много дичи, звѣрья, козъ, оленей! Мы будемъ ставить силки, стрѣлять изъ рогатокъ, луковъ, пистолетовъ и ружья. Каждый будетъ! Потомъ прикупимъ оружіе. И кликнемъ кличъ! Кругомъ „всѣ“ поднимутся и перейдутъ къ намъ. И возсіяетъ слава казацкая!.. Тамъ воля, широкій просторъ, степи, а онѣ, чертъ-бы ихъ взялъ, какъ хороши!..

Двинулъ общее дѣло Петръ. Онъ былъ хорошимъ товарищемъ.

Однажды я спросилъ Петра: „Не можешь ли ты одолжить денегъ?“ Петръ съ готовностью отвѣчалъ: „О, сколько угодно!“—„Ну такъ дай тридцать копѣекъ на ножикъ“.—„У меня только 20“,—отвѣчалъ Петръ.

Для него 20 копѣекъ были уже неисчерпаемымъ кладеземъ богатства...

И вдругъ этотъ самый Петръ нежданно-негаданно получилъ наслѣдство. Да, настоящее, не выдуманное наслѣдство! Какая-то совершенно неизвѣстная ему тетка оставила въ распоряженіе душеприказчиковъ капиталъ для раздачи всѣмъ родственникамъ. И несмотря на то, что Петръ былъ еще мальчикомъ, душеприказчикъ переслалъ ему тридцать пять рублей! Можно себѣ представить, что поднялось въ „Запорожьи“. Борисъ тотчасъ же попросилъ подарить ему три рубля.. Константинъ требовалъ хорошаго угощенія не только для себя, но и для всѣхъ...

Петръ потолковалъ съ Митькой и предложилъ созвать раду.

Мы собрались въ „куренѣ“—все въ той же неглубокой, но темной ямѣ подъ поломъ сарая. Всѣ закурили запорожскія люльки и для удобства легли. Подъ общее покашливаніе, но при торжественной тишинѣ Петръ спросилъ насъ:

— А что, громада, пойдемъ мы на островъ Хортыцю?

— Да развѣ мы бабы, чтобъ здѣсь валяться?!...— горячо отвѣтилъ Митька.

— Ну, такъ вотъ: получилъ я это наслѣдство и все отдаю на славное запорожское дѣло. Ни одной копѣйки не возьму себѣ! Теперь надо обсудить...

И началось совѣщаніе. Было рѣшено купить „дубъ“— большую лодку и отправиться водой до острова Хортыци... Всѣ понимали, что этотъ планъ осуществимъ, и потому принялись болѣе энергично готовиться къ далекому пути...

Митька и Петръ по-прежнему выпрашивали у Аксиньи корки хлѣба. Но не для собакъ. Теперь они сушили сухари.

И отнынѣ понапрасну собиралась у воротъ голодная псиная ватага. Не до собакъ было добрымъ запорожцамъ!..

Стояла весенняя пора. Мы спѣшно готовились къ отъѣзду. Всѣ усиленно учились стрѣлять изъ рогатокъ и луковъ... Предстояло жить охотой.

Больше всѣхъ платился за это по-прежнему нашъ непримиримый врагъ—Тихонъ.

На свою бѣду онъ завелъ громадный курятникъ. Каждая курица Тихона была извѣстна ему, носила особое названіе. И кого только у него не было! Въ курятникѣ проживала рыжая „Попадья“, съ маленькимъ, франтовато вздернутымъ хвостикомъ, въ широкихъ штанахъ и даже сапожкахъ. „Попадья“ солидно расхаживала по двору, окруженная массой цыплятъ... Была и „Купчиха“ — толстуха съ блестяшими, черными перьями, точно въ шелковомъ платьѣ, но за то безъ штановъ. Здѣсь же суетилась и бѣленькая, пухленькая „Барышня“ съ серебрянымъ хохликомъ на дворянской головкѣ. Вѣчно скандалила и капризничала „Забіяка“,

отчаянно кудахтала „Сѣрушка“, но особенно важничалъ пѣтухъ „Коко“...

И вотъ Борисъ предложилъ намъ охотиться на куръ Тихона. Согласились. Мы выпускали ихъ въ садъ, загоняли въ глубь и затѣмъ стрѣляли „въ летъ“. Стрѣляли, пока курица не падала... Тогда забрасывали ее къ сосѣдямъ.

Тихонъ ничего не могъ понять. Недоумѣвалъ. Думалъ, что хорекъ таскаетъ. Мы были внѣ подозрѣнія. И такъ „мстили“ до тѣхъ поръ, пока не перестрѣляли всѣхъ куръ, кромѣ „Попадьи“, которую пожалѣли ради цыплятъ...

За то стрѣлять, дѣйствительно, научились.

Каждый день мы бѣгали къ Днѣпру. Наконецъ, нашли громадную плоскодонную лодку. Какой-то гончаръ привезъ въ городъ посуду и теперь продавалъ опустѣвшій баркасъ за безцѣнокъ... Купили, пристроили у яличника.

Федоръ не вытерпѣлъ, написалъ матери, что хочетъ поѣхать съ нами по Днѣпру, и она „потихоньку“ отъ Елизаветы Ивановны прислала ему двадцать рублей...

Касса обогатилась.

Мы пріобрѣли жестяной самоваръ, „бредень“ для ловли рыбы, фонарь, топоры... Надъ лодкой сдѣлали крышу.

Елизавета Ивановна, повидимому, провѣдала о нашей затѣѣ, но не противилась ей. Быть можетъ, не вѣря въ возможность осуществленія...

На „радахъ“ было рѣшено, что каждый ничего не возьметъ лишняго. Только пальто, одѣяло, да по одной смѣнѣ бѣлья, ибо запорожцамъ не пристало себя баловать. Каждый сможетъ вымыть свою рубаху!..

День отъѣзда насталъ какъ-то неожиданно.

Елизавета Ивановна, уходя вечеромъ изъ дому, забыла запереть чуланъ, гдѣ стояло варенье. Мы замѣ-

тили. И давно у насъ не было такого пира, какъ въ этотъ разъ!..

Все варенье было съѣдено, и запорожцы, точно перепившіеся послѣ рады, лежали въ растяжку въ разныхъ мѣстахъ своей комнаты.

Чуть свѣтъ Митька разбудилъ насъ...

— Не пора-ли, братцы, двинуться въ Запорожье!? Ждетъ насъ сегодня лютая расправа Владиміра... Отвѣдаемъ мы ремневаго меду!.. Давно пора намъ отваливать!

И мы ушли утромъ, не подавъ даже вида, что рѣшается наша судьба. Вещи вынесли черезъ окно и садъ на извозчика.

На имя Елизаветы Ивановы оставили успокоительное письмо...

— Она отыщетъ слѣдъ нашъ, какъ отыскался слѣдъ Тарасовъ послѣ смерти Остапа,—говорилъ Митька:—скоро Елизавета Ивановна услышитъ о насъ и тогда не будетъ сердиться за это письмо...

Когда мы шли на берегъ, Борисъ для чего-то забѣжалъ въ лавочку...

— Что ты купилъ?—спросилъ я.

— Табаку.

— Да гдѣ-же онъ?..

— А вотъ!—отвѣтилъ Борисъ, показывая крошечный пакетикъ.

— Да его не хватитъ и на день!

— Ничего, хватитъ! — шепнулъ онъ, хитро подмигнувъ.

На берегу мы начали грузить лодку. Вдругъ на извозчикѣ оказалась какая-то корзинка.

— Это что?! — вскричалъ Борисъ. — Ея не было раньше!..

Федоръ сконфуженно замигалъ.

— Это моя! Не тронь, пожалуйста!—отвѣчалъ онъ.

Такихъ словъ было достаточно, чтобы Борисъ по-

скорѣе распахнулъ корзинку. Изъ нея вывалились бѣлый китель, крахмальные воротнички. Пониже виднѣлся запасъ бѣлья и нѣсколько книгъ... Борисъ завизжалъ отъ негодованія. Всѣ смѣялись.

Но Федоръ чувствовалъ себя точно преступникъ...

Было около полудня. Солнце жгло...

Лодка отплыла. Мы забрались подъ шатеръ, и только одинъ Федоръ сидѣлъ на носу, умостившись на своей корзиночкѣ; рядомъ съ нимъ лежалъ жестяной самоваръ..

Мелькали берега Днѣпра, но намъ было не до нихъ... Мы рѣшали, грести ли веслами, или предоставить водѣ самой докатить насъ до мѣста...

— Боже мой, какъ хорошо!—вдругъ завопилъ Федоръ.—Митька, иди сюда, погляди, какая красота!

— Некогда,—отвѣчалъ Митька.

— Посмотри, посмотри!—вскрикнулъ Федоръ. Онъ восхищенно взмахнулъ руками.

Не успѣли всѣ оглянуться, какъ вдругъ вода громко ахнула—и съ носа лодки исчезъ Федоръ.

Мы были хорошими пловцами и не боялись, что онъ утонетъ.

Федоръ плылъ, держа въ рукахъ корзиночку, и просилъ:

— Братцы, берите скорѣе корзинку, промокнутъ воротнички!

Федоръ подплылъ къ борту лодки.

Борисъ ухватилъ его за волосы.

— Постой, надо раньше тебя спасти!

И Борисъ потянулъ его изо всей силы, несмотря на протесты и негодованіе Федора.

— Такъ всегда спасаютъ утопленниковъ!

Корзинку все же взяли. Только въ это время сообразили, что нѣтъ и самовара. Къ счастью, онъ спокойно плавалъ на поверхности воды.

Мы заставили Федора снова броситься въ воду и вытащить самоваръ.

И онъ былъ спасенъ. Все обстояло благополучно, не хватало только верхней крышки самовара!..

Федоръ стоялъ въ лодкѣ и отряхивался, точно хорошій охотничій песъ. Раздѣвшись и накинувъ на себя пальто, онъ ушелъ подъ навѣсъ...

Мы плыли дальше...

Рада рѣшала, чѣмъ замѣнить крышку самовара. Николай оказался изобрѣтательнѣе всѣхъ. Онъ пожертвовалъ носовой платокъ. — Въ немъ можно прорѣзать дыру для трубы и отлично накрыть воду. Было рѣшено, что за изобрѣтательность Николай освобождается отъ одной очереди гресть...

Плыли...

Борисъ вынулъ свой бумажный пакетикъ, насыпалъ въ люльку какого-то подозрительнаго порошка и закурилъ.

— Что за гадость ты куришь? — спросилъ Федоръ, чихая?

— Махорку,—равнодушно отвѣтилъ Борисъ.

Федоръ протянулъ Борису нѣсколько папиросъ изъ хорошаго табаку и настойчиво предложилъ курить ихъ.

И всякій разъ, въ теченіи цѣлаго дня, когда Борисъ пытался закурить махорку, ему протягивали съ разныхъ сторонъ настоящій табакъ.

— Видишь,—сказалъ онъ мнѣ,—было рѣшено, что каждый беретъ свой табакъ... Я и взялъ въ лавочкѣ; мнѣ его хватить на всю дорогу... Заранѣе уговорилъ Федора купить побольше...

Вечеромъ пристали къ какому-то берегу.

— Давайте варить кулешъ, — сказалъ Константинъ.—Хорошо бы горяченькаго... Кто сумѣетъ?

— Я,—самоувѣренно отвѣчалъ Борисъ.

— Хорошо, пусть Борисъ и варитъ.

Борисъ развалился на землѣ и скомандовалъ:

— Ай-да, хлопцы, собирать дрова! Только выбирайте сухой хворостъ!

— А ты?!

— Мое дѣло—кашу варить, ваше—костеръ раскладывать.

Мы разбрелись по берегу, бродили по росистой, мокрой травѣ и, дѣйствительно, собрали не мало хвороста. Костеръ пылалъ. Борисъ насыпалъ въ котелъ, пшена, положилъ туда сала и соли и поставилъ все на огонь... Теперь мы лежали на одѣялахъ... А кулешъ становился все чернѣе и чернѣе. Мы сидѣли голодные и уже съ нетерпѣніемъ ждали обѣщанной пищи. Торопили, ворчали. Когда, наконецъ, Борисъ крикнулъ: „готово“, мы къ ужасу увидѣли въ котелкѣ какую-то черную, какъ вакса, массу...

— Что это такое?—отчаянно крикнулъ Константинъ.

— Кулешъ,—съ апломбомъ отвѣчалъ Борисъ.

— Почему онъ такой черный?

— А бисовъ батько его знае! Кажется, я забылъ проварить котелъ, да и крупу не вымылъ. Запорожцамъ нельзя обращать вниманіе на такіе пустяки!

Мы всѣ стояли кругомъ. Никто не хотѣлъ ѣсть этой каши. Борисъ попробовалъ и, не морщась, началъ ѣсть. Онъ съ аппетитомъ набиралъ полную ложку и засовывалъ ее глубоко въ ротъ, по-настоящему. Мы молчали. Вторымъ не выдержалъ Константинъ. Онъ съ жадностью набросился на кашу. Остальные не зaставили себя ждать. Скоро въ котелкѣ ничего не оставалось...

Мы сдвинули костеръ съ мѣста и на горячей землѣ, разостлавъ пальто, легли спать...

Помню—я проснулся отъ чьего-то стона. Повернулъ голову. Вижу—Борисъ стоитъ, поплевываетъ и стонетъ.

— Что съ тобой?—спросилъ я.

И въ это время самъ почувствовалъ такую жгучую боль въ животѣ, что мнѣ не нужно было больше спрашивать.

— Что съ нами?

— Это отъ твоей каши!—вскричалъ Николай, вскакивая и хватаясь за животъ.

— Ну, ужъ отъ моей! Каша была хорошая! Развѣ пшено попалось гнилое.

Черезъ нѣкоторое время въ нашемъ лагерѣ поднялась суматоха. Всѣ держались за животы, стонали и охали.

У Бориса была одна маленькая слабость: будучи сыномъ доктора, онъ считалъ и себя врачемъ. Каждый разъ онъ привозилъ изъ дома аптечку, какую-то присыпку отъ ранъ, издававшую ужасающій запахъ, хину, даже касторку. Все это онъ набиралъ въ земской больницѣ по указанію фельдшера. И когда Митькѣ и Петру приходилось лечить своихъ собакъ, за содѣйствіемъ они всегда обращались къ Борису и пичкали злополучныхъ собакъ всякою дрянью. Борисъ везъ съ собою аптечку „для лѣченія ранъ"...

На этотъ разъ и мы всѣ обратились въ паціентовъ Бориса.

Онъ принесъ изъ лодки какую-то коробочку.

— Что это?

— Сода.

— И поможетъ?

— Конечно! Когда я объѣдался, отецъ всегда давалъ.

Каждый изъ насъ взялъ по доброй ложкѣ порошка...

Но отъ этого лекарства сдѣлалось еще хуже. Боль усилилась. Всѣ мы напали на Бориса.

— Не далъ ли ты, чортовъ сынъ, какой-нибудь отравы?

— Смотрите сами!—отвѣчалъ онъ. Побѣжалъ снова къ лодкѣ и сейчасъ же принесъ коробку. Зажгли спичку. На коробкѣ было написано: „талькъ".

— Я не виноватъ,—защищался Борисъ:—сода и талькъ въ одинаковыхъ коробкахъ!

Но къ утру всѣ были здоровы...

Гребцы смѣнялись черезъ каждый часъ. Мимо насъ

прошелъ пароходъ, и Митька салютовалъ ему, удивительно подражая трубѣ...

Жара становилась все сильнѣе.

Петръ, всегда охотно исполнявшій общественныя обязанности, уже пять разъ спросилъ, скоро-ли отдыхъ, и затѣмъ, не дожидаясь, пока явится „смѣна", бросилъ весла. Мы рѣшили пристать, поваляться подъ вербой. Было предложено выпить чаю... Петръ, чувствуя свою вину, занялся имъ...

Борисъ заявилъ, что отправляется искать красивыя мѣста. Вернувшись, онъ восторженно разсказалъ о прелестномъ рыбномъ озерѣ, которое нашелъ по близости. Тамъ щуки ходили даже по мелководью. Бредень былъ снятъ. Всѣ изъявили готовность ловить. Кинули жребій — и онъ осчастливилъ Бориса, Петра и Федора. Петръ, какъ болѣе высокаго роста, долженъ былъ брести по глубинѣ, Борисъ—близъ берега, а Федоръ—носить ведро для рыбы и мѣшокъ для раковъ. Трое раздѣлись до-гола и остались въ однѣхъ фуражкахъ. Петръ бодро и, по обыкновенію, молча сталъ входить въ воду. Но онъ сразу же задрожалъ мелкой дрожью. Борисъ упавшимъ голосомъ спросилъ, не холодна ли вода.

— Такъ!—отвѣчалъ мужественно Петръ.

Борисъ быстро ринулся въ озеро и моментально вынырнулъ.

— Скотина! Вода ключевая!.. Бр... бр... ледъ... Бр...р.р... грязь... Да здѣсь колья или колючія вѣтки!..

Борисъ вылѣзъ изъ воды, вздрагивая, показалъ „кровавую рану" ноги — небольшую царапину — и попросилъ Константина оказать медицинскую помощь.

Они удалились.

Палка бредня плавала и ждала... Николая! Послѣдній, тщетно изображая улыбку, вздрагивая и корчась, вошелъ въ озеро. Рыбаки стали двигаться.

— Это не озеро, а вонючее болото!—лаконически за-

мѣтилъ Петръ и погрузился съ головой въ воду. Только фуражка его торчала надъ нею. Но онъ вынырнулъ и, какъ ни въ чемъ не бывало, продолжалъ свое дѣло...

Мы сидѣли въ густыхъ лозахъ и любовались картиной...

Вернувшійся подъ-руку съ Константиномъ Борисъ трогательнымъ голосомъ выражалъ надежду, что въ озерѣ много раковъ и карасей.

Вдругъ на берегу за вербой показались двѣ „темныя личности" съ палками въ рукахъ.

— Эй вы, сучіе сыны, выходите!.. Геть изъ воды!..— донеслось до насъ...

Мы видѣли, какъ невозмутимо-спокойно Петръ повернулъ къ нимъ свое лицо...

— Эй, ты, чумазый, вылазь!—раздавались негодующіе возгласы изъ-за кустовъ. — Геть! Не слышишь, что-ли?!

Петръ убійственно молчалъ. Онъ началъ уже снова погружаться въ воду...

Но вдругъ случилось нѣчто неожиданное. Неизвѣстный схватилъ комъ земли и бросилъ его въ несчастнаго рыболова. Тотъ скрылся въ воду—и комокъ улегся на его промокшей фуражкѣ. Петръ вынырнулъ... Замахалъ руками... „Темныя личности" не слушали и запаслись уже новыми зарядами... Тогда Петръ покинулъ конецъ бредня и выскочилъ изъ воды. Онъ скрылся за кустами. „Темныя личности" слѣдовали за нимъ. Въ этотъ самый моментъ прибѣжали Федоръ и Николай. Показался и злополучный Петръ... Подобно Пятницѣ Робинзона Крузо, подбѣжавъ къ намъ, онъ свалился отъ усталости на землю. Мы обступили его и ждали. А „темныя личности", оказавшіяся двумя крестьянами, уже приближались, неся одежду Николая, бредень, мѣшокъ и ведро. За ними слѣдомъ шла большая толпа народа. Завидя насъ, они на мгновеніе остановились, а затѣмъ, ускоривъ шагъ, быстро окружили.

— Кто вы такіе?!—закричалъ крестьянинъ одѣтый получше другихъ, вынимая мѣдную цѣпочку и одѣвая на себя знакъ.—Зачѣмъ у общества рыбу воруете?! Мы здѣсь монастырское озеро арендуемъ не для васъ! Вяжи ихъ!..

— Послушайте, господа,—вѣжливо замѣтилъ Федоръ,—мы не знали, что это ваше озеро, мы думали, что оно ничье...

— Ничье?!—грубо засмѣялся староста.—Слышите? Ничье!..

И вся толпа громко засмѣялась.

— Знаемъ мы васъ, мазуриковъ! Хороши ребята— съ такихъ лѣтъ! Общество давно безпокоится, что всю рыбу вылавливаютъ... Все случая ждали... А тутъ на счастье пошли лугъ снимать... Чьи вы?

— Изъ города...

— Какъ сюда попали?

Мы молчали.

— Паспорта есть?

— Нѣтъ...

— Ну, такъ въ уѣздъ по этапу отправимъ... А сейчасъ ступай...

— У насъ здѣсь лодка, вещи...

— Лодку не понесешь...

— Берите себѣ самоваръ, бредень, только отпустите...

— Нельзя, законъ...

— Такъ хоть вещи отдайте!

— Это можно.

Мы нагрузились кто чѣмъ могъ и пошли къ селу... Лодку крестьяне вытянули на берегъ и опрокинули... И мы всѣ сразу поняли, что нашему путешествію пришелъ конецъ.

Староста командовалъ толпой... Она безпрекословно исполняла его распоряженія...

Вошли въ село. Уже темнѣло.

— Что, староста, куда ихъ? На сборню?

— Нѣтъ, тамъ столько не помѣстить. Ко мнѣ во дворъ,— отвѣчалъ староста,— у меня собаки. Переночуютъ—и на утречко къ становому...

Насъ ввели во дворъ старосты. Мы шли угрюмые, подавленные...

Толпа осталась за воротами.

— Ну, ложитесь на землю посреди двора,—сказалъ староста.

Мы легли. Онъ свиснулъ собакъ. Сбѣжалось нѣсколько псовъ и, окруживъ насъ, легли кольцомъ.

— Если хоть одинъ встанетъ,—разорвутъ на клочки!— грозно промолвилъ онъ.— Лежите спокойно, не шевелитесь! Я тоже потомъ лягу...

Староста пошелъ за ворота.

Мы лежали. Молчали.

— Тю-тю,—уныло промолвилъ Борисъ...

Въ это время скрипнула дверь хаты. Показалась баба. Она недоумѣвающе взглянула на насъ и подошла...

— Что это вы, дѣти, собрались?— воскликнула она съ изумленіемъ.

— Насъ принимаютъ за разбойниковъ,—вѣжливо отвѣтилъ Федоръ.

— Кто? Мой дурень?—спросила весело баба...

— Нѣтъ, староста...

— Такъ онъ и есть!— засмѣялась она и, взявъ съ кучи хворостину, прогнала собакъ.

— Чего-жъ вы сюда забрались?!.

— Мы ѣхали на Запорожье... На Хортыцю...

— Не слыхала такого... А далеко?

— Далеко...

— Какъ же ѣхали?

— Лодкой...

— Зачѣмъ же?! Тутъ у насъ чугунка проходитъ— всего пятнадцать верстъ... Вонъ тамъ—дорога...

Въ это мгновеніе къ намъ приблизился староста.

— Ахъ ты, старая вѣдьма,—закричалъ онъ, беря лозину.—Зачѣмъ собакъ разогнала?! Безпаспортные!..

— Дѣти-то?! Да чтобъ я тебѣ позволила!

Между ними поднялась отчаянная перепалка. Своимъ визгливымъ голосомъ она покрывала всѣ слова мужа..

— Ты думаешь, дурень, что я тебѣ забыла вчерашнее?—горланила баба.

Онъ безпомощно отступалъ къ хатѣ...

— А не удрать ли намъ, громада?! Что время терять!—спросилъ Борисъ.

И мы поднялись. Ни староста, ни старостиха не взглянули даже на насъ. Прошли темное село. Попали на большую дорогу... По ней тянулись уже обозы... Да несомнѣнно, этотъ путь велъ къ вокзалу...

О лодкѣ никто не вспоминалъ... Мы спѣшили на поѣздъ. Поскорѣе домой!..

— Вотъ тебѣ и баба!—произнесъ Митька...

— Да-а, не тѣ нынче бабы пошли,—глубокомысленно подхватилъ Борисъ, ловя мысли Митьки.—Эта не станетъ хныкать.

Митька не отвѣчалъ...

Съ этого дня наша мечта о Запорожьи какъ-то оборвалась. Въ душѣ поднималось что-то новое, болѣе новое, что диктовала сама жизнь...

Перевоспиталъ!..

(Увы, съ натуры...)

Это случилось въ то время, когда я былъ молодымъ, стройнымъ гимназистомъ послѣдняго класса.

Мой дядя—старый холостякъ и директоръ гимназіи, въ которой я учился, никакъ не хотѣлъ признать меня взрослымъ.—И вообразите—въ одинъ лишь вечеръ я заставилъ его не только „уважать“, но и бояться меня, заставилъ при обсужденіи въ совѣтѣ моего поведенія упорно молчать...

Матушка и я жили въ отдѣльной половинѣ казенной директорской квартиры. Когда дядя являлся къ намъ обѣдать, я долженъ былъ встать и чинно подойти къ ручкѣ; на это онъ отвѣчалъ небрежнымъ прикосновеніемъ губъ къ моему лбу, или, въ видѣ особой милости, бралъ слегка за ухо.

Я зналъ одну лишь слабость „педантично нравственнаго“ дяди: онъ увлекался обществомъ молоденькихъ, хорошенькихъ барышень, дамъ,—въ ихъ присутствіи становился веселъ, подвиженъ, услужливъ.—Дядя любилъ балы и въ особенности маскарады... А въ нашемъ городѣ маскарады устраивались очень часто, и на нихъ съѣзжались всѣ. Конечно дядя бывалъ всегда.

Незадолго передъ рождественскимъ маскарадомъ, матушкѣ понадобилось что-то въ приданномъ сундукѣ;

она стала перебирать всякія старомодныя платья и между прочимъ вынула маскарадный костюмъ изъ великолѣпнаго краснаго бархата.—„Знаешь что, Николай“,—обратилась она ко мнѣ, —„когда я была дѣвушкой, я страстно любила маскарады. Мой отецъ вообще чрезвычайно скупой, не жалѣлъ никакихъ денегъ на эти фантазіи.—Посмотри сколько тутъ лежитъ костюмовъ, сколько туфель, масокъ, перчатокъ... Все пропадетъ“...

Мнѣ вдругъ пришла въ голову отчаянная мысль.

— Мама, дай этотъ костюмъ,—я хочу переодѣться и поѣхать въ маскарадъ...

— Что ты выдумалъ?! — Ярославъ Степановичъ увидитъ, тогда—бѣда!..

— Но ты забыла, что я буду замаскированъ...

Матушка согласилась.

Наконецъ наступилъ ожидаемый вечеръ. Дядюшка уѣхалъ. Достали чужую шубу. Матушка сама пріодѣла меня. Для входа безъ кавалера дала мнѣ свою визитную карточку. Таковъ былъ мѣстный обычай. Я отправился...

Представьте себѣ громадную залу, украшенную зеленью, съ колонками, овитыми гирляндами изъ сосновыхъ и еловыхъ вѣтокъ. На хорахъ гремитъ полковая музыка, заглушая голоса безчисленной толпы. На потолкѣ искрятся громадныя люстры съ тысячами свѣчей... Туда и сюда двигаются разодѣтыя пары... Мужчины больше въ фракахъ, безъ масокъ, хотя тамъ и сямъ попадаются переодѣтые въ какіе-то невообразимые костюмы—они въ маскахъ...—Въ каждомъ уголкѣ раздается громкій смѣхъ—кто-то узналъ кого-то... Тамъ незнакомка пристала къ фраку и упрашиваетъ угостить конфектами. — Звуки музыки заглушаютъ ея мольбы, она пробуетъ кричать... Вотъ бродитъ стари-

чекъ, разыскивая знакомую даму, онъ ждетъ пока кто-нибудь подойдетъ кь нему—кавалеры не имѣютъ права подходить первыми. И къ нему приблизилось „домино“, что-то сказало, „заинтриговало“,—старичекъ внѣ себя отъ удовольствія, онъ хочетъ говорить, но домино уже скрылось...—Какъ тутъ не смутиться?..

— Однако надо что нибудь дѣлать... — Я пошелъ между колоннъ, глядя по сторонамъ, теребя въ смущеніи вѣеръ.—Ужасно неудобно итти въ женскомъ платьѣ: привыкъ дѣлать большіе шаги, а приходится еле ступать. Я хотѣлъ уже дать дорогу встрѣтившейся маскѣ, но она сдѣлала то-же движеніе. Не узналъ самого себя въ зеркалѣ! Я прошелъ мимо сидящихъ на диванахъ паръ—масокъ, пожилыхъ барынь съ открытымъ лицомъ, около которыхъ ютились джентльмены и попалъ въ сосѣднюю залу; здѣсь находился громадный столъ—прилавокъ, гнущійся подъ тяжестью лакомствъ,—мраморные столики... Въ смежной комнатѣ уже шла борьба на зеленомъ полѣ, при боевыхъ кликахъ—„пассъ!“...

Я вернулся въ первую залу и тутъ встрѣтилъ нашего хорошаго, домашняго знакомаго. Сдѣлалъ пробу.

— Здравствуйте, Анатолій Ивановичъ!—Милѣйшій весельчакъ, страшный хохотунъ изобразилъ неудомѣвающую физіономію и сталъ оглядываться.—Я подошелъ къ нему.

— Не узнаешь меня?—Экій ты чудакъ! (Матушка предупредила, что на маскарадахъ всѣ говорятъ другъ—другу „ты“).

Его лицо вытянулось въ большой вопросительный знакъ.

— „Не понимаю... Голосъ знакомый, но кто ты?“

Я засмѣялся.

— „Ага! ты подослана знакомыми, можешь убираться по добру по здорову“.

Но я не выдержалъ.—Ахъ, Анатолій Ивановичъ, неужели Вы не узнаете Николая?

Онъ вытаращилъ глаза, протеръ ихъ кулаками и сталъ захлебываться отъ хохота...

— „Ну, батенька, тебя и не узнать: гляжу—хорошенькая барышня, а кто такая—не разберу никакъ!..“

— Не видали-ли Вы дядюшку? Я ради него пріѣхалъ, хочу поинтриговать.

— „А-а,—Ярославъ Степановичъ вонъ тамъ гуляетъ съ маской. Ну, ну подходи къ нему, а я ужъ погляжу.“

— Только, пожалуйста, не смѣйтесь, а то выдадите меня... Дѣлайте видъ, что незнакомы!

— „Хорошо, хорошо, не бойся—я остороженъ и буду нѣмъ, какъ могила! Повѣрь, не помѣшаю... Ну, мнѣ теперь и дамъ не нужно!..“

Я отправился къ дядюшкѣ. Онъ прохаживался со „сфинксомъ“.

— Послушай, Ярославъ, я хочу пройтись съ тобой... На минутку...

— „О, съ удовольствіемъ!—Ну прощай, сфинксъ, ты мнѣ надоѣла: тутъ болѣе интересная маска...

— Конечно оттого, что ты не узналъ меня...

Сфинксъ ушелъ.

Дядюшка посмотрѣлъ на меня и взялъ подъ руку.

— Однако ты крайне дерзокъ!

— „Какъ такъ?“

— Не со мной, конечно, иначе я прогнала-бы тебя, а съ той.

— „Ну—ужъ не заступайся, съ ней такъ скучно“...

— Берегись, вѣдь и съ тобой можетъ быть кому нибудь скучно...

— „О, я, во всякомъ случаѣ, постараюсь, чтобъ ты не скучала; но кто-ты такая, твой милый, серебристый голосокъ мнѣ что-то очень знакомъ,—я не могу только вспомнить... Ты, конечно, картавишь съ намѣреніемъ?...“

— Очень жаль, что ты такъ недогадливъ, не можешь узнать голосокъ той, которой не разъ клялся въ любви... Право, ты невоспитанный человѣкъ, я такой—такая... (къ счастію онъ не замѣтилъ этой путанницы).

— Я не могу понять кто ты...—ужъ не Ольга-ли?..

— Ну и хватилъ!

— „ А-а, милая шалунья Люда я ловлю тебя по слову „хватилъ“, ты знаешь, какъ я люблю твои шутки и устроила сюрпризъ...“

— Ахъ Боже мой,—это еще хуже: ты очевидно забылъ меня...

— „Тебя забыть? Зинокъ, Зинокъ!—Какъ тебѣ не стыдно вѣчно съ однимъ и тѣмъ-же упрекомъ...“

— Однако ты многимъ объяснялся въ любви, а я и не думалъ—думала, что столькимъ... Какъ ты недогадливъ! Хуже любого гимназиста!

— „Ну скажи сама, какъ твое имя?“

— Зови меня „никакъ“...

— „Тебя кто-то подослалъ“...

— Ахъ, какъ это избито... Скучно...

— „Прости, я постараюсь развеселить тебя; для этого я готовъ на все!..“

Однако, выгодно быть въ красномъ женскомъ платьѣ,—подумалъ я,—какимъ обходительнымъ и нѣжнымъ сдѣлался со мною дядюшка.

— Въ такомъ случаѣ, если желаешь угодить, угости виноградомъ!

— „Сдѣлай одолженіе!..“

Мы пошли черезъ залу. Позади послышался гомерическій хохотъ; я обернулся: низенькій, толстенькій Анатолій Ивановичъ стоялъ въ одиночествѣ около колонны, держался обѣими руками за животикъ и просто покатывался. Публика остановилась невдалекѣ и глядѣла на него съ изумленіемъ. Къ сожалѣнію обернулся и дядюшка.

-- Скажи пожалуйста,—обратился я къ нему,—кто этотъ сумасшедшій господинъ, что такъ хохочетъ?

— „Да, дѣйствительно... Это... Это—почтенный Анатолій Ивановичъ!“ — смущенно произнесъ дядюшка, остановился и, покачивая укоризненно головой, началъ глядѣть на своего друга.

Бѣдный Анатолій Ивановичъ, замѣтивъ это, разразился еще пуще и, при общемъ хохотѣ окружающихъ, пошелъ за колонны, закрывъ лицо обѣими руками...

— „Несчастный,—прошепталъ дядюшка.

— Ну, пойдемъ, пойдемъ, хорошо ты исполняешь свое обѣщаніе угостить, видно, что ты скупъ...

Намъ подали заказанный виноградъ, мороженое. Ужасно неудобно ѣсть въ маскѣ: приходится все время поддерживать кружевную занавѣску надъ ртомъ.

— „Отчего-бы тебѣ не снять маски“,—сталъ уговаривать меня дядюшка,—„мы можемъ перейти въ отдѣльный кабинетъ...“

— О нѣтъ: я хочу еще побыть въ твоемъ миломъ обществѣ, а увидѣвъ мою физіономію, ты отскочишь въ ужасѣ!

Дядюшка даже захохоталъ.

— „Однако ты черезчуръ скромна: я не могу себѣ представить, чтобъ такая изящная, граціозная и навѣрное хорошенькая барышня могла внушать кому-нибудь ужасъ!“

— Положимъ...

— „Конечно у тебя есть одно опасное оружіе—это острый, насмѣшливый, умный язычекъ“..

— Однако ты быстро рѣшаешь и умѣешь... преклоняться!..

Мы встали н отправились въ залу. Здѣсь уже начались танцы. Мы усѣлись на диванчикѣ. Конечно разговоры велись самые пустые... Дядюшка снова старался узнать мое имя. Я интриговалъ его больше и больше...

— „Да, знаешь, мнѣ не приходилось встрѣчать такой миленькой, такой, такой...“—шепталъ дядюшка въ умиленіи,—„позволь, въ знакъ нашей зарождающейся дружбы, поцѣловать твою ручку...“

Я отказалъ; онъ началъ умолять.

— „Сними перчатку, дай я поцѣлую твои пальчики!“

— Это пошлость!

— „Нѣтъ,—это любовь!“

— Къ первой встрѣчной!

— „Я тебя прошу!“

— Нѣтъ, не могу!..

Я вспомнилъ, что моя загорѣлая, мужская рука можетъ выдать все.

— „Ну позволь поцѣловать самый краюшекъ ручки, отвороти хотя перчатку...“

Я долго еще ломался, наконецъ, —такъ и быть,— согласился, отвернулъ у локтя перчатку, и дядюшка страстно прильнулъ къ моей рукѣ—и еще какъ!—Въ теченіи нѣсколькихъ минутъ онъ просто не отрывался! Мнѣ было смѣшно и больно:

— Ай, ай ты мнѣ руку скрутишь!—Ну довольно!

— „Нѣтъ, еще, еще... Ахъ знаешь, я никогда не цѣловалъ съ большимъ удовольствіемъ ручки—право, отъ одного прикосновенія къ ней уже чувствуешь себя счастливымъ... Въ особенности хорошо это родимое пятнышко—просто прелесть!—Позволь я поцѣлую его еще разъ!..“

— Мнѣ очень пріятно обладать такимъ талисманомъ, но, однако, довольно!..

— „Позволь теперь пальчики...“

— Нѣтъ, нѣтъ!.. Если ты будешь вести себя такъ, я уйду!

— „Смиряюсь... Не хочешь-ли поужинать?“ (О какой онъ умница—я такъ проголодался).

— Да, пожалуй...

Мы встали и пошли въ другую залу. Въ это время за нашими спинами опять послышалось какое-то сдерживаемое всхлипываніе, хрипѣніе... Я обернулся: снова злополучный Анатолій Ивановичъ... (Эхъ, перебьетъ онъ мнѣ великолѣпный ужинъ,—подумалъ я съ досадой). Но Анатолій Ивановичъ,— къ величайшему изумленію публики, уже ходившей за нимъ толпой,—вдругъ вынулъ свой громадный носовой платокъ—фуляръ и сталъ закутывать имъ лицо. Окружающіе зааплодировали съ громкимъ хохотомъ. Дядюшка обернулся.

— „Боже мой, Боже мой! Такой почтенный человѣкъ и совершенно пьянъ!—Да что, онъ спятилъ: поглядите что дѣлаетъ! Хоть-бы кто-нибудь увезъ его!"...

— Что-жъ, увози...

— „Нѣтъ, не могу-же я покинуть тебя!"

— Мы усѣлись за столикъ.

— „Выбери пожалуйста кушанья—вотъ карта".

Онъ подалъ мнѣ карандашъ. Съ видомъ знатока прочелъ я названія блюдъ и, ничего не понимая, подчеркнулъ первыя попавшіяся, что подороже. Ужинъ вышелъ на славу.

— „Не хочешь-ли шампанскаго, вина?" —спросилъ дядюшка.

— Охъ боюсь, что мнѣ вредно...

„Вотъ пустяки—всѣ, начиная съ Ноя, пьютъ и..."

— Въ такомъ случаѣ, какой-нибудь ликеръ—Бенедиктинъ что-ли?—Я давно хочу попробовать...

Послѣ ужина мы отправились въ танцовальную. Было поздно. Я рѣшилъ, что пора какъ-нибудь отдѣлаться отъ дядюшки, ѣхать домой.

— Оставь меня, мой мужъ явился, мы не знакомы,—заговорилъ я съ испугомъ.

Дядюшка живо выпустилъ мою руку, бросился въ сторону, и я быстро вошелъ въ дамскую уборную. Растерялся, постоялъ около двери и выбѣжалъ по-

скорѣе прочь. Дядюшка поджидалъ меня! Я начиналъ жалѣть, что согласился поужинать.

— „Позволь проводить тебя домой!“

— Нѣтъ, нѣтъ, изъ этого Богъ знаетъ что выйдетъ...

— „Ну хорошо, но за то мы должны еще разъ повидаться; если обѣщаешь“...

— Обѣщаю!

— „Въ такомъ случаѣ, если можешь, будь завтра въ городскомъ музеѣ; умоляю тебя, сядь въ то кресло, что стоитъ возлѣ фигуры китайца; вотъ мой сиреневый платокъ: при моемъ появленіи ты держи его въ ручкѣ... Да, завтра:—въ 2 часа дня“...

Я сталъ прятать платокъ, но никакъ не могъ найти кармана: все попадалъ въ какія-то безконечныя прорѣхи, складки; наконецъ всунулъ за корсажъ.

— Ну прощай...

— „Я помогу тебѣ одѣться“.

Дядюшка очень нѣжно укуталъ меня; онъ даже надѣлъ мнѣ калоши. Прощаясь дядюшка попросилъ скинуть маску.

— До завтра, отвѣчалъ я...

Матушка засыпала вопросами, но я обѣщалъ разсказать все утромъ и торопилъ ее поскорѣе спрятать красное платье и маску...

На слѣдующій день, ровно въ два часа я былъ въ музеѣ. Въ карманѣ моего гимназическаго пальто покоился дядюшкинъ платокъ. Я сѣлъ на условленное кресло, положилъ на колѣни фуражку. Въ кабинетѣ рѣдкостей и древностей было совершенно пусто... Мнѣ пришлось ждать недолго. Послышались торопливые шаги дядюшки... Онъ съ разбѣгу подошелъ но мнѣ и остановился, какъ вкопанный.

— „Ты?!!“...

— Я, дядюшка...

— „Ахъ чортъ возьми! Какъ ты смѣешь быть здѣсь?!“

— А что такое?

— „Сюда нельзя ходить, какъ и во всѣ общественныя заведенія безъ разрѣшенія начальства, безъ родителей и воспитателей! Ты долженъ сейчасъ-же итти въ гимназію заявить дежурному, что я приказалъ посадить тебя въ карцеръ на пять часовъ за нарушеніе правилъ!“...

— Но, дядюшка, я нахожусь съ Вами, своимъ воспитателемъ, а потому могу остаться...

— „Ты, ты... разговаривать?!“

— Отчего-же Вы сердитесь и не хотите, чтобъ я остался съ Вами?

— „Дурракъ! Молчать!..“

— Кто-то идетъ къ намъ!

— „Уходи!“—простоналъ дядюшка и повернулся ко мнѣ спиной.

Я воспользовался этимъ моментомъ, чтобъ вывести руку изъ „вытянутаго положенія“, досталъ сиреневый платокъ и распустилъ его...

— „Ну ступай-же заяви, что за самовольное посѣщеніе“... Онъ обернулся ко мнѣ.

— Зачѣмъ-же, вѣдь ты самъ сказалъ, чтобъ я пришла сюда въ два часа,—прокартавилъ я вчерашнимъ голосомъ,—и даже далъ этотъ платокъ...

Но тутъ я не берусь описывать выраженіе лица дядюшки—съ нимъ чуть не сдѣлался ударъ...

Дядюшка оправился.—„Дуракъ, неужели ты не понялъ, что я и самъ зналъ съ кѣмъ имѣю дѣло, что все это я устроилъ для того только, чтобъ положить предѣлъ твоимъ безконечнымъ шалостямъ...“

— И для этого, конечно, такъ страстно цѣловали (я обнажилъ руку) это особенно хорошее родимое пятнышко, угощали ужиномъ съ виномъ, а потомъ надѣ-

вали калоши... Нѣтъ, признайтесь, дядюшка,—ловкую штуку я удралъ... Недаромъ Анатолій Ивановичъ...

— „Послушай, замолчи!“ Онъ схватилъ себя за виски.—„Не говори объ этомъ... забудь... это ужасно... что мнѣ дѣлать?!..“

— Послушайте, дядюшка, хотите уговоръ: я не буду разсказывать, но мы должны быть теперь равными товарищами—„шалунами!“—Хорошо?

— „Я на все согласенъ“,—прошепталъ дядюшка, все еще красный и смущенный.—Только молчи! Понимаешь, гробовое молчаніе!..

— Ну, такъ забудемъ...

И мы какъ пріятели принялись осматривать музей, желая хоть этимъ скрыть первое смущеніе...

— Дядюшка, вотъ вашъ платокъ...

— „Не нужно!“—онъ взялъ его не глядя на меня и спряталъ поскорѣй...

Во время обѣда къ намъ явился Анатолій Ивановичъ. Едва вошедши на порогъ столовой, онъ захохоталъ какъ сумасшедшій. Дядюшка отъ негодованія сдѣлался багровымъ.

— „Чего?!“

— „Видалъ, видалъ“,—захлебывался хохотунъ,—„видалъ вчера... ловко Николай... интриговалъ...“

— Ахъ, да, дядюшка,—засмѣялся я,—вы не знаете: я вчера былъ на маскарадѣ... помните маску въ красномъ бархатномъ платьѣ,—вы еще прогнали за навязчивость—это былъ я въ матушкиномъ старомъ костюмѣ.

Анатолій Ивановичъ только глаза вытаращилъ.

— „Ка-акъ?!“

Но дядюшка подарилъ его такимъ взглядомъ, что онъ сразу смолкъ.

Матушка недоумѣвала...

— „А, а... да, помню — такъ это былъ ты, разбойникъ?"—тщетно пытался дядюшка изобразить на своемъ красномъ лицѣ улыбку...—„Такъ вотъ ты какой?"— наконецъ засмѣялся онъ, а за нимъ всѣ... — „Въ карцеръ бы слѣдовало, да что дѣлать, когда выросъ..."

— А что съ вами сталось, Анатолій Ивановичъ?— спросилъ я все еще захлебывающагося толстяка.

— „Да меня... меня Игоревскій принялъ за крѣпко выпившаго, а потомъ, какъ понюхалъ ротъ, за... за сумасшедшаго, и не смотря на всѣ убѣжденія, что я нахожусь въ полномъ здравіи и разсудкѣ, насильно увезъ домой... А все изъ-за чего? — Оттого что не хотѣлъ тебя выдать, потому что нѣмъ какъ рыба и не могъ объяснить, почему смѣюсь... Сѣли въ сани... Я сижу, сижу—вспомню: и опять хохотать! — Игоревскій успокаиваетъ, а я еще пуще... Онъ чуть не плакалъ!.."

— „Да-а,—сердито, но глубокомысленно произнесъ дядюшка, — всѣ люди немножко слабы, немножко свиньи и черезчуръ болтливы!.. Лучше бы побольше молчали!.."

„Почуяли“.

(Этюдъ).

Я только что пріѣхалъ въ Петербургъ. Позади осталась кошмарно-душная гимназія, впереди открывался просторъ университета...

Знакомыхъ въ городѣ не было... А такъ хотѣлось поскорѣе окунуться въ жизнь столицы, увидѣть „людей“, настоящихъ людей... Купилъ газету. И вдругъ неожиданно узналъ, что утромъ хоронятъ великаго писателя Гончарова... На кладбищѣ Александро-Невской Лавры...

Разспросилъ, отправился... Не поспѣлъ. Похоронная процессія уже прошла. Догонялъ...

На полукругѣ площади у входа въ лавру стояли опустѣлый катафалкъ, экипажи, извозчики... Было такъ обидно.—Опоздалъ!—Опоздалъ!..

Я вошелъ въ ворота. Направо и налѣво, за штакетомъ желѣзной рѣшетки виднѣлись кладбища съ выступающими памятниками—мраморными часовеньками и крестами... Все было въ густой листвѣ большихъ, могучихъ деревъ... Подальше тянулись свѣтло-желтые каменные заборы, залитые яркимъ осеннимъ солнцемъ... Они слѣпили глаза... За полосой заборовъ темнѣлъ мостъ черезъ каналъ, а тамъ подальше, загораживая просторъ, громоздились новыя ворота, а за ними вы-

сились церкви со свѣтлыми куполами, упирающимися въ небо, точно застывшія облака...

Входъ въ церковь, лѣстница были забиты людьми. За давкой едва слышно доносилось отпѣваніе. Нечего было и думать пробраться внутрь...

Я уныло оглядѣлся... Въ сторонѣ, у зеленой лужайки, окаймленной аллеей вѣковыхъ березъ, толпилась какая-то группа стариковъ и пожилыхъ людей съ замѣтно интеллигентными лицами, а около нихъ, сбившись кучей, стояла молодежь и разсматривала ихъ, точно восковыя фигуры въ музеѣ... Никто не молился... Я подошелъ поближе...

— Вотъ этотъ, видите, такой красивый, съ сѣдой бородой и откинутыми назадъ сѣдыми волосами... Видите?!. Это самъ Михайловскій!—восторженно говорилъ какой-то высокій студентъ двумъ молоденькимъ курсисткамъ...

И онѣ глядѣли во всѣ глаза...

Я занялъ позицію и тоже принялся безцеремонно разглядывать...

— А этотъ, этотъ, тоже такой красивый съ длинной сѣдой бородой, вонъ точно синяя борода... Такое интересное лицо?!—волновалась юная курсистка...

— Это—знаменитый Вейнбергъ... Помните его чудесное стихотвореніе: „безконечной пеленою развернулось предо мною, старый другъ мой—сине море“... Это онъ и есть! Патріархъ россійской словесности...

— Неужели?! Переводчикъ Вейнбергъ?!

— Да, да, конечно!..

— А вотъ этотъ, такой живой, подвижной старикъ съ сѣдыми бачками, видите, съ такимъ привѣтливымъ лицомъ?!..

— Этотъ, небольшого роста?!..

— Да, конечно...

— Это—знаменитый педагогъ Гуревичъ. Помните

его исторію Греціи и Рима. Лучшіе учебники.. Онъ самый...

— Ахъ, какъ это интересно! А тотъ?!

— Развѣ вы не узнаете по портретамъ?!.

— Онъ, онъ! Ого!.. Вотъ и увидала!.. Сегодня же напишу сестрамъ...

Я стоялъ, забывъ, что пришелъ на похороны. Предо мной было столько живыхъ, издавна милыхъ, но невѣдомыхъ ранѣе людей... И я глазѣлъ во всю, не хуже молоденькихъ курсистокъ и уже не слышалъ похороннаго пѣнія...

— Господа! — сказалъ кто-то изъ стариковъ, — что такъ стоять? Пойдемъ лучше, пока осмотримъ кладбище...

Всѣ они охотно согласились... Молодежь потянулась за ними, нѣсколько приблизилась къ нимъ...

— Направо — старое кладбище, а налѣво — новое... Здѣсь много писателей: Достоевскій, Крыловъ, Гнѣдичъ, Баратынскій, лучшіе композиторы... Господа, куда?!..

— Конечно, налѣво! Все „лѣвое“ намъ ближе!—раздались голоса...

И мы бодрой толпой, почти сливаясь со стариками, вошли въ калитку каменнаго забора...

— Сенаторъ, тайный совѣтникъ и... кавалеръ 72 лѣтъ!—прочелъ молодой голосъ не то благоговѣйно, не то чрезмѣрно солидно...

Всѣ дружно разсмѣялись... Теперь, благодаря общему смѣху, мы окончательно слились со стариками...

Было бодро и радостно на душѣ. Такъ близко отъ *нихъ*... Отъ этихъ живыхъ, да,—„настоящихъ людей“... И солнце такъ ярко свѣтило, и молодежи такъ много было кругомъ... Лица свѣжія, оживленныя, любопытно-подвижныя... Жизнь била ключемъ... А угрюмый обелискъ стоялъ неподвижно и, несмотря на свою сенаторскую важность, неожиданно вызывалъ веселый смѣхъ... Здѣсь, на кладбищѣ...

— Теперь камень отписывается,—промолвилъ кто-то. Вѣдь всю жизнь трудился, служилъ, чтобъ только этотъ камень говорилъ... Эхъ!..

Но никто не слушалъ. Уже снова раздавался смѣхъ... Молодежь читала, острила, шутила...

— Се мѣсто, на коемъ въ надеждѣ общаго воскресенія предано землѣ тѣло... жены всѣми добродѣтелями украшенной... Родилась... Отъ сея временныя жизни переселилась въ вѣчную обитель... года. Вѣрныя супруги, чадолюбивыя матери, почтите прахъ ея слезою!..

— О, какой высокій штиль! — напѣвая произнесъ кто-то...

И всѣ снова смѣялись...

— Господа! Женщина, и въ особенности добродѣтельная женщина, подобна генію: ее признаютъ только послѣ смерти... Вѣдь на кладбищѣ больше всего надписей, посвященныхъ чадолюбивымъ матерямъ... А, небось, тогда, при жизни, да еще въ тридцатыхъ годахъ, мужья, проливающіе слезы на плитахъ памятниковъ супругъ, не только ругали ихъ по рассейски, но навѣрно и поколачивали нѣжнѣйшихъ! А полюбуйтесь, сколько этихъ слезливыхъ стихотвореній... Не люблю крокодиловыхъ слезъ!.. — уже горячо сказалъ грузинъ — студентъ технологъ.

Всѣ засмѣялись...

Но кто-то звучно читалъ, точно на литературномъ вечерѣ...

—Супруга добрая душою!
Ты на зарѣ цвѣтущихъ лѣтъ
Упала, какъ весенній цвѣтъ,
Подъ острой смертною косою!
Твой другъ и три твои птенца
Остались слезы лить, стеная.
Твоя душа достойна рая
Въ святой обители творца!..

Александра Васильевна Мурашева, изъ Заболстья супруга Заболотьскаго 2-й гильдіи купца Тимофѣя Григорьева...

— А вотъ и могилы грехъ птенцовъ...

— И снова всѣ смѣялись...

— Не поплакали даже...

— Не постенали...

— Господа, вотъ еще хорошая надпись...

— „Здѣсь почіетъ тѣло Коллежскаго Ассессора... Отошедшаго въ лоно вѣчнаго на 65 году и свыше по здѣшнемъ рожденіи своемъ.

Супруга и сыны сей памятникъ воздвигли. Ихъ благодарныя сердца къ тому подвигли"... А на этой сторонѣ чуть не цѣлый формулярный списокъ Коллежскаго Ассессора—какія когда медали получилъ... Мѣста на камнѣ не хватаетъ...

Всѣ смѣялись...

— А вотъ опять насчетъ мамаши... Вотъ на этой каменной плитѣ съ чугунной доской: „Здѣсь покоится прахъ истинной супруги и матери, скончавшейся на 35 году отъ рожденія. Сей скромный памятникъ—точное изображеніе жизни и души ея—воздвигнутъ осиротѣвшими по ней супругомъ и... вскормленными грудію ея дѣтьми—Маріей, Иваномъ, Владиміромъ и Алексѣемъ"...

— Трогательно!..

Всѣ улыбались... Прошли къ памятнику Достоевскаго. Узорчатый сѣрый камень съ прижавшимся на боку бюстомъ писателя. Надъ головой, склонившейся впередъ, нависаетъ тяжелый камень, овитый терновымъ вѣнкомъ. А пониже бюста надпись: „Аминь, аминь глаголю вамъ, аще зерно пшенично падъ на землю не умретъ, то едино пребываетъ, аще же умретъ, много плодъ сотворитъ"... Вокругъ памятника стояла такая же тяжелая желѣзная рѣшетка, какой была для него жизнь..

— Отчего на памятникѣ нѣтъ цѣпей?! Это было бы

правильнѣе, — задумчиво замѣтилъ Н. К. Михайловскій.

— Вотъ и умеръ и много плодъ сотворилъ, а жизнь попрежнему идетъ въ своихъ берегахъ...

И хотя теперь никто не смѣялся, но у всѣхъ лица были бодрыя, веселыя...

Жизнь била ключемъ...

— Посмотрите туда—вонъ тамъ изъ чернаго камня памятникъ.—Это „дѣдушки Крылова". Рядомъ мраморъ съ барельефомъ Гнѣдича...

Всѣ подошли.

Около этихъ могилъ находился памятникъ, испещренный надписями. Простой. Три каменныя глыбы, положенныя одна на другую, точно длинные ящики въ лавкѣ... Ни креста, ни имени покойнаго. Только надписи, стихи...

— Братцы мои! Да вѣдь здѣсь цѣлая пропись морали!—ликующе воскликнулъ студентъ.

— „Употреби трудъ, храни мѣрность,—богатъ будеши
Воздержно пій, мало яждь,—здравъ будеши"...
Дѣлай благо, бѣгай злаго,—спасенъ будеши!"...

Всѣ снова засмѣялись.

— Чей этотъ памятникъ?!

— Говорятъ, здѣсь лежитъ какой-то книгопродавецъ. Онъ на аукціонѣ купилъ эти камни... Богатый купецъ себѣ заготовилъ. Всю жизнь сочинялъ. Разорился. Памятникъ и пошелъ съ торговъ. Книгопродавцу очень понравился. Набилъ цѣну, но пріобрѣлъ! — сообщилъ славный П. И. Вейнбергъ.

— Смотрите! Да тутъ и рисунокъ какой-то. Выцарапанъ римлянинъ въ тогѣ, сидящій на ложѣ и философствующій... Поглядите-ка! Подъ рисункомъ-то надпись какая! Вниманіе! Буду читать!

— „Рѣка временъ въ своемъ теченьи
Уноситъ всѣ дѣла людей

И топитъ въ пропасти забвенья
Народы, Царства и Ц . . ей"...

Господа! Такъ и написано: цэ, двѣ точки и ей!..

— Ого! Даже здѣсь на могильныхъ памятникахъ цензура!

Раздался громкій, оглушительный смѣхъ. Въ то время цензура свирѣпствовала. У всѣхъ сколько-нибудь сознательныхъ людей противъ нея накипѣли скрытыя негодованіе, ненависть. И онѣ прорвались въ веселомъ, вышучивающемъ смѣхѣ...

— Даже здѣсь цензура!—повторилъ кто-то, и смѣхъ раскатами пронесся по кладбищу...

— Да кто же этотъ милый книгопродавецъ? Можетъ, съ той стороны есть все таки имя этого оригинала,— весело улыбаясь произнесъ высокій, пожилой господинъ съ бритымъ лицомъ..

Онъ протискался около памятника Гнѣдича и тихо про себя прочелъ надпись...

Кругомъ всѣ еще продолжали смѣяться и острить...

А высокій господинъ, прочитавъ надпись, вдругъ поблѣднѣлъ, съежился и прошепталъ:—„тише, не смѣйтесь, здѣсь нельзя смѣяться"...

Казалось, всѣ это услышали и замолчали...

А онъ взволнованно и громко прочелъ.

— „Прохожій! Бодрыми ногами
И я ходилъ здѣсь межъ гробами,
Читая надписи вокругъ,
Какъ ты мою теперь читаешь...
Намекъ ты этотъ понимаешь?
Прости-же! До свиданья, другъ!.."

Всѣ слушали въ гробовомъ молчаньи. А потрясенный голосъ звучалъ, точно язвительно-насмѣшливый привѣтъ самого покойника...

Голосъ съ того свѣта...

Теперь никто не смѣялся...

Толпа медленно расходилась... Многіе шли къ собору, опустивъ головы...

Издали доносилось погребальное пѣніе.

Хоронили Гончарова...

Проучила.

(Изъ записокъ адвоката).

Наступили рождественскіе праздники.

Я бодро шелъ и мечталъ.

— Впереди шестнадцать свободныхъ дней! Ни одного судебнаго засѣданія, дѣлай что хочешь, бери въ руки палитру, кисти и уносись мечтами,--наперекоръ зимѣ и снѣгу,—въ зеленые луга родной Украины! Какъ будутъ ярки и веселы милыя краски!..

И я заранѣе,—идя по холодной, сѣрой улицѣ,—смѣшивалъ свѣтящійся, огневожелтый „кадміумъ" съ меланхолично декаденствующей, темной „циноберъ"...—Солнца, солнца!—Да, да „циноберъ", повеселѣвъ уже отъ „цинковейса", ликуя закричитъ у меня отъ „кадміума"! Какъ хороши эти круглыя свѣтовыя пятна въ тѣни!..

И я радостно позвонилъ домой...

Когда Матреша открыла двери, я сразу же замѣтилъ на ея лицѣ самодовольное лукавство. Она быстро и радушно подхватила мое пальто. Я понялъ, что Матреша или сестра приготовили мнѣ какой-то таинственный сюрпризъ...

Вошелъ въ кабинетъ, случайно взглянулъ на столъ

и вдругъ увидѣлъ такой порядокъ, что у меня сразу же волосы встали дыбомъ!

Всѣ бумаги были разложены „по ранжиру"—стройно и аккуратно, точно деревянные солдатики. Большіе листы лежали на большихъ, малые съ малыми...

Казалось, на столѣ положены бумаги даже не бывшія на немъ...

— Откуда эти листы?—сдерживая себя, спросилъ я.

— Это я повынимала вотъ изъ синихъ,—отвѣчала Матреша, нисколько не унывая.

— Изъ обложекъ?!

— Ну-да, лежатъ онѣ, только топырятся, невозможно сложить аккуратно!

У меня закружилась голова...

— Подумайте, что вы говорите?!..

— Повынимала я и сложила...

И въ это время я вдругъ замѣтилъ, что на столѣ нѣтъ ни одной грязной бумажки!...

Тогда моя адвокатская практика протекала исключительно среди рабочихъ. По увѣчнымъ дѣламъ они приносили адреса свидѣтелей часто на запачканныхъ клочкахъ, но эти неоцѣнимыя бумажки являлись результатомъ долгихъ поисковъ неграмотныхъ людей. Достать снова такіе адреса было черезчуръ затруднительно... Прежде всего пришлось-бы вызвать всѣхъ кліентовъ, сознаться имъ, что я никуда негодный адвокатъ, т. к. не умѣю сберечь документовъ и просить опять бѣгать доставать адреса...

И ни одного такого листка я не видѣлъ на столѣ!..

— Тутъ были еще грязныя бумажки?—уже кипя спросилъ я...

— Бар инъ, все это убрано,—отвѣтила гордо Матрена.

— Какъ убрано?! Куда же вы ихъ дѣвали?!.

— Я ихъ спалила...

— Что-о?! Какъ?!

— Бросила въ печку... Вѣдь такія и въ руки противно взять...

— Да вы съума сошли?! Какъ вы смѣли?!—кричалъ я, едва стоя на ногахъ отъ волненія...

— Черезъ два дня праздникъ... У всѣхъ чистятъ...

Я былъ внѣ себя... Съ ужасомъ понялъ, что предстоятъ шестнадцать дней скучнѣйшей работы: придется разбирать эти бумаги, надо будетъ писать всѣмъ о возстановленіи адресовъ... И точно человѣкъ чернильной души я забуду мои солнечныя краски и буду возиться съ перомъ и бумагой...

— Да какъ вы смѣли, какъ вы смѣли?!—вѣроятно, дикимъ голосомъ завопилъ я.—Сколько разъ говорилъ вамъ, чтобъ не убирали письменнаго стола, пока самъ скажу. Я запретилъ касаться моихъ бумагъ! Какъ вы смѣли?!..

— Ахъ, баринъ, нельзя-же было не убрать къ такому празднику!

— Дура, дура, пошли вонъ, убирайтесь,—закричалъ я въ бѣшенствѣ...

И Матреша, еще минуту назадъ радостная тѣмъ, что приготовила мнѣ такой добрый сюрпризъ, убѣжала на кухню.

А я все еще дрожалъ отъ негодованія...

Въ кухнѣ Матрешѣ тоже досталось. Я слышалъ какъ ее распекала нянька, а она только мрачно огрызалась:—„молчи старая экспертиза“...

Почти всѣ святки прошли въ разборкѣ бумагъ. Подходя къ письменному столу, я снова закипалъ...

И въ теченіе всѣхъ праздниковъ не хотѣлъ говорить съ Матрешей...

И праздники были „испорчены“. Я хандрилъ и, не дождавшись конца святокъ, въ первый же воскресный день началъ пріемъ.

Принималъ одного за другимъ рабочихъ.—Мужчинъ, и женщинъ...

— Кто слѣдующій?..

И начинались разспросы, писаніе прошеній...

И снова усталый принималъ.

Вошла молодая баба одѣтая въ полушубокъ и большой деревенскій платокъ.. Почти все лицо было закрыто.

Сѣла, пригорюнившись, на стулъ...

— Въ чемъ Ваше дѣло?—спросилъ я, взявъ чистую бумагу изъ ящика стола...

— Да вотъ, господинъ, люди про васъ сказываютъ, что вы за рабочій народъ стоите, за прислугу—за простыхъ людей тоже заступаетесь. Такъ вотъ у меня бѣда случилась, — заговорила она пѣвучимъ деревенскимъ говоромъ,—господинъ мой меня обидѣлъ, баринъ мой, значитъ выругалъ меня словами нехорошими! Нельзя ли будетъ за меня постоять?..

Мнѣ казалось, что голосъ бабы знакомъ, казалось что я ее гдѣ-то видѣлъ и слышалъ, но я не могъ сообразить, кто сидитъ передо мной... Народу принялъ много, сумерки сгущались...

— Баринъ меня выругалъ... Можно его привлечь за это?..

— Можно—отвѣтилъ я...

— И накажутъ?.. Хоть барина?..

— Конечно... Разскажите, какъ было дѣло?

— Да вотъ, господинъ, убрала я столъ барина, старалась какъ могла, а онъ меня за это только дурой назвалъ...

— Я поднялъ голову и узналъ Матрену!.. Да, это была она!

— Какъ, это вы?!

— Я...

— Для чего вы пришли?..

— Пришла просить написать жалобу...

— На кого?

— На васъ! Вы за людей заступаетесь. Будьте добры, баринъ, напишите...

— Ну, что жъ и напишу...

— Напишите, баринъ, мировому, что я только хотѣла доброе дѣло сдѣлать, чтобъ весело было барину встрѣтить праздники, а онъ на меня всѣ праздники обижается, говорить со мной отказывается. А я всѣ праздники плачу...

— Чего-жъ вы хотите отъ мирового?.. Чтобъ посадилъ?..

— Нѣтъ, чтобъ помирилъ...

— Помирить? Объ этомъ и писать не надо... Какую жалобу ни подай,— они всегда всѣхъ обязаны мирить...

— Такъ пишите какую хотите... Пишите! по глупости я бумаги попалила, обидѣла барина этимъ...

— Сами говорите, что меня обидѣли... Значитъ за взаимностью обидъ никому изъ насъ дѣйствительно никакого наказанія не должно быть... По закону. — Квиты!.. Только откуда у васъ этотъ полушубокъ?

— Къ дворнику жена изъ деревни пріѣхала, — радостно, по праздничному отвѣтила Матреша...

Она живо сбросила платокъ и ушла на кухню тараторить со „старой экспертизой“ такая довольная, что меня встревожило раздумье — не приготовитъ-ли она на радостяхъ какой либо новый сюрпризъ...

Вся эта исторія окончилась благополучно. Никакого новаго „сюрприза“ Матреша не устроила. Но... до этого случая я зналъ, что у людей существуетъ водобоязнь, свѣтобоязнь, какъ и боязнь пространства... Теперь я узналъ и до сихъ поръ хорошо знаю новую человѣческую боязнь, это боязнь порядка...

Распозналъ.

Профессоръ въ послѣдній разъ обводилъ насъ по клиникѣ душевно-больныхъ.

Мы вошли въ корридоръ буйнаго отдѣленія. Уже издали отъ общихъ палатъ несся дикій, нелѣпо-нескладный гамъ. Лишь изрѣдка отдѣльные леденящіе вопли покрывали его. И снова ревущій гамъ торжествующе-немолчно несся оттуда... И страшенъ былъ этотъ вой человѣческаго безумія...

Сторожа отворяли изоляторы, въ которыхъ особо содержались наиболѣе безпокойные больные...

„Изоляторы“!.. То были настоящіе „мягкіе“ мѣшки! Матрасы покрывали полъ, двери и стѣны камеры, а окно торчало гдѣ-то высоко, какъ въ самой страшной тюрьмѣ... Двери снаружи—толстыя, желѣзныя, точно въ „каменныхъ мѣшкахъ“!.. Въ изоляторы не было проведено ни звонковъ, ни „глазка“. Только изъ корридора можно было открыть дверь, которая за больнымъ захлопывалась крѣпкимъ англійскимъ замкомъ... Какъ ни колотился въ этой комнатѣ озвѣрѣвшій голый человѣкъ, какъ ни бился о стѣны, ничего не могъ онъ здѣсь сдѣлать даже самому себѣ... Пока успокаивался... А изоляторы стояли рядами тихіе, неслышные. Ни одинъ звукъ изъ нихъ не проникалъ наружу...

Мы вошли въ одну изъ такихъ камеръ.

Насъ встрѣтилъ коренастый больной могучаго сложенія, съ тяжелымъ, мрачнымъ влглядомъ, уставившимся въ уголъ изолятора.

Профессоръ дружески похлопалъ его по плечу.

— Здравствуйте, Карповъ!..

Больной не шевельнулся...

— Онъ задумался. Теперь ничего не слышитъ... Господа студенты, подойдите поближе! Типичная mania odosa. Можетъ быть на разной почвѣ: прогрессивный параличъ при маніи преслѣдованія, алкоголизмъ, эпилепсія и такъ далѣе. Это самый трудный, но и самый интересный больной. Я долго ломалъ надъ нимъ голову... Тотъ, кому выпадетъ написать его исторію, долженъ будетъ прежде всего задаться вопросомъ, на какой почвѣ его mania. Если работа будетъ находчива, то я буду готовъ оставить автора при университетѣ... А сейчасъ обратите вниманіе на этотъ особенный тупой взглядъ...

И профессоръ снова похлопалъ по плечу безучастно стоявшаго больного.

— „Да, господа студенты, я долженъ васъ предупредить, что Карповъ, несмотря на всю свою видимую скромность, большой шутникъ! Однажды я вызвалъ его изъ общей палаты къ себѣ въ дежурную. Случайно мнѣ пришлось отослать служителей. Фельдшеръ гдѣ-то застрялъ. Окно изъ пятаго этажа было открыто. Я разспрашивалъ Карпова, какъ онъ задушилъ въ послѣдній разъ ребенка... Вдругъ Карповъ схватилъ меня за шиворотъ, подтащилъ къ окну и сказалъ: „Что болтать, прыгайте лучше внизъ! Если не прыгнете сами, я выброшу васъ въ окно!“ Къ счастью, онъ любитъ остроуміе. Я ему отвѣтилъ: „эка штука прыгнуть сверху внизъ! Лучше ты погляди, какъ я прыгну снизу вверхъ!“ — „А можете?“—„Могу“!—„Сюда“—„Конечно!“ Его это страшно заинтересовало. Онъ

отпустилъ меня, и я могъ уйти съ цѣлыми костями... Теперь Карповъ находится въ изоляторѣ, такъ какъ чуть не задушилъ и больного.. Впрочемъ, этотъ человѣкъ задушилъ уже на своемъ жизненномъ пути нѣсколько дѣтей и взрослыхъ... Долго не могли понять, кто именно совершаетъ убійства... Его положеніе не внушало подозрѣній... Хотя онъ у насъ на испытаніи, но, въ сущности, останется здѣсь навсегда... Впрочемъ, объ этомъ послѣ... Выйдемъ отсюда"...

Карповъ попрежнему равнодушно слушалъ профессора, ничѣмъ не обнаруживая своего волненія...

Когда мы кончили обходъ клиники, профессоръ предложилъ распредѣлить жребіемъ больныхъ.

И на мою долю выпалъ Карповъ.

Не скрою: писать „его исторію" меня нисколько не привлекало. Я не вѣрилъ въ себя, не вѣрилъ, что смогу поставить правильный діагнозъ, и потому обѣщаніе профессора нисколько не манило меня... Я все время оттягивалъ работу, откладывалъ посѣщеніе Карпова, но приближались экзамены, а „исторію болѣзни" надо было сдать...

Однажды мой пріятель Сергѣй, тоже медикъ, пригласилъ меня въ театръ, куда его мать взяла ложу. Конечно, я согласился... Мы рѣшили, что будетъ правильнѣе, если удовольствіе явится наградой за трудъ. И потому забрались до театра въ клинику записать матеріалъ по „исторіямъ" нашихъ больныхъ. Для этого надо было прежде всего побесѣдовать съ ними. Больной Сергѣя находился въ общей палатѣ буйнаго отдѣленія. Кончивъ свои разговоры, онъ долженъ былъ зайти за мною, чтобъ разомъ ѣхать въ театръ. И потому я заранѣе одѣлъ новый студенческій сюртукъ...

Корридоръ казался какимъ-то оцѣпенѣвшимъ. Служителя молча и тихо ходили въ валенкахъ. Двери изоляторовъ были наглухо закрыты...

Товарищъ пошелъ къ своему больному.

— Смотри же, отправимся вмѣстѣ!—промолвилъ онъ еще разъ.

Я попросилъ служителя пустить меня къ Карпову и, не затворяя двери, ходить взадъ и впередъ около нея, чтобы въ случаѣ малѣйшей опасности явиться на выручку.

Я вошелъ къ больному, отрекомендовался, и между нами завязался самый простой, самый обыкновенный разговоръ...

Карповъ встрѣтилъ меня любезно. Въ уголъ не смотрѣлъ. Только моментами въ его глазахъ мелькало что-то злое. Бесѣда шла о его жизни, откуда онъ родомъ, кто у него изъ родныхъ живы и здоровы, чѣмъ болѣли. Бесѣда самая мирная, самая дружеская... Потомъ я началъ разспрашивать, почему именно онъ содержится въ больницѣ...

Карповъ вдругъ обнаружилъ нѣкоторое волненіе, потянулся и, самодовольно улыбаясь, сталъ разсказывать, какъ задушилъ своего лакея.

— Но, представьте себѣ, въ этомъ не было ничего страшнаго,—замѣтилъ онъ,—я просто-на-просто притащилъ его, положилъ руку на шею — и „онъ" уже не дышалъ!.. Согласитесь сами, удивительно: сейчасъ еще этотъ человѣкъ говорилъ, ходилъ, лебезя смѣялся, и только потому, что я положилъ руку на шею, а не на ногу, онъ уже не могъ болѣе встать... Протянулъ ноги... Его в с е г о уже больше не было! Да, человѣкъ—какая-то поразительно хрупкая машина: одинъ винтикъ выдавилъ—и все неподвижно, холодно... Остылъ паровозъ, сразу же остылъ! Прелюбопытно это! Но я никакъ не могу уловить конца жизни, все хочу поймать его...

Карповъ вдругъ глянулъ на меня, какъ кошка на мышь...

— Кого?—спросилъ я, чтобы отвлечь его подозрительное вниманіе отъ себя...

Онъ что-то отвѣтилъ, но я уже не слушалъ его· Мнѣ было не до того!

За спиной раздался какой-то странный шорохъ. Я мелькомъ оглянулся и увидѣлъ, что дверь заперта!..

Это происходило вечеромъ послѣ больничной повѣрки. Я зналъ, что, по заведенному порядку, если дверь заперли, то заперли до утра!

— Но, вѣдь, я просилъ служителя не запирать, просилъ ходить около! Что это значитъ?! Неужели онъ забылъ? Неужели отлучился?!.. И тогда другіе заперли!.. Гдѣ товарищъ?..

Мысли, одна тревожнѣе другой, точно скакали въ мозгу...

Карповъ что-то говорилъ, но я только утвердительно кивалъ, ничего не понимая.

— Звонка извнутри нѣтъ,—думалъ я.—Боже мой, вѣдь, нѣтъ и никакой возможности позвать на помощь! Да и какъ закричишь при такомъ больномъ?

И я понялъ весь ужасъ положенія, въ которомъ очутился...

Единственное спасеніе, единственная надежда была въ товарищѣ. Вѣдь, онъ долженъ былъ зайти за мною!..

Неужели забудетъ?!..

А иначе... Я такой маленькій, слабосильный! О, чортъ возьми! Развѣ я могу защищаться?..

И я рѣшилъ продолжать бесѣду возможно спокойнѣе, чтобы затянуть время. Теперь мнѣ было не до „исторіи болѣзни"...

Увы, затронутая тема объ убійствѣ уже взволновала Карпова. Онъ не успокаивался...

— Послушайте,—говорилъ Карповъ,—неужели вы хоть одну минуту сомнѣваетесь, что быть задушеннымъ вовсе не такъ непріятно?

Надо было отвлечь его отъ этого разговора... Придумать такой, который могъ бы занять его на всю ночь...

До утра, до утра!.. Хоть бы заснулъ! Но какъ было добиться, чтобы Карповъ заснулъ мирнымъ, спокойнымъ сномъ?!..

Я ломалъ голову и ничего не могъ придумать...

— Какъ вы думаете?—неожиданно прервалъ потокъ моихъ соображеній Карповъ.

Я даже не зналъ, о чемъ онъ спрашиваетъ, но торопливо, стараясь любезно улыбнуться, отвѣтилъ.

— Совершенно такъ же, какъ и вы!..

— Да-а,—неопредѣленно промычалъ онъ и мрачно, но какъ-то особенно „ласково" глянулъ на меня...

— Любите ли вы лошадей?—корректно прервалъ я его мысли...

— Нѣтъ, я такими глупостями не занимаюсь...

— Но, можетъ быть, вы любите собакъ?

— Этотъ звѣрь не дуренъ! Онъ схватываетъ кость зубами, какъ я пальцами шею... Не правда ли, это занятно?..

— Да, недурно!..

— И когда я давлю шею—это тоже недурно... А?..

— Ну, этого я не думаю,—отвѣтилъ я очень миролюбивымъ тономъ и, замѣтивъ, что его раздражаетъ мое возраженіе, прибавилъ:—но если вы находите, что ничего тутъ нѣтъ непріятнаго, то, конечно, и это тоже совершенно вѣрно!...

— Послушайте, что вы такъ виляете?!—возразилъ онъ и взялъ мѣдную пуговицу моего сюртука.

Карповъ покрутилъ пуговицу и равнодушно вырвалъ ее съ сукномъ...

— О нѣтъ, вамъ только кажется...

— Нѣтъ, нѣтъ, вы виляете такъ, какъ болтается эта пуговица!—сказалъ онъ и кинулъ ее въ уголъ.

Я не выразилъ никакого изумленія, какъ будто вырвать пуговицу было совершенно то же, что услуж ливо согнать муху...

— Нѣтъ,—замѣтилъ я,—но почему бы мнѣ не соглашаться съ вами.

— А вы сами кого-нибудь задушили?..

— Представьте себѣ—еще ни разу...

— А сами испытали?..

— Нѣтъ еще...

— Такъ, можетъ быть, вамъ интересно самому испытать это удовольствіе?—замѣтилъ онъ, потянулъ меня за вторую пуговицу, и она осталась у него въ рукахъ.

Я сразу же почувствовалъ страшную силу этой лапы съ коротенькими, твердыми, какъ зубы, пальцами... Своими тупыми глазами онъ неподвижно-пристально глядѣлъ на меня...

И вдругъ я замѣтилъ, что его глаза постепенно наливаются кровью...

Бесѣда наша все же продолжалась. Я старался отвлечь его на разные другіе, болѣе безобидные сюжеты... Но все было тщетно...

Онъ непоколебимо возвращался къ вопросу о томъ, какое удовольствіе—душить человѣка... Постепенно онъ вырывалъ у меня пуговицу за пуговицей и неизмѣнно бросалъ ихъ въ уголъ, пока, наконецъ, осталась послѣдняя. Когда вылетѣла и эта, онъ положилъ мнѣ свои руки на плечи, и руки были такъ тяжелы, что я готовъ былъ свалиться на полъ...

— Милый другъ,—обратился ко мнѣ Карповъ приторно-ласково,—если бы вы знали, какъ мнѣ хочется васъ обнять! Обнять!..

— Ну, къ чему?..—пролепеталъ я...

Онъ тихо передвинулъ руки на мою шею. И его руки были холодны, какъ сама смерть...

. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

— Крѣпись, крѣпись!—мысленно крикнулъ я самому себѣ...

— Надо стоять, стоять, молчать, равнодушно молчать, несмотря на всѣ мученія!..

Въ моемъ равнодушіи было еще спасеніе...

Но гдѣ было взять это спокойствіе? Силы покидали меня...

А онъ, улыбаясь, медленно давилъ мнѣ шею...

Я собрался съ послѣдними силами и ударилъ его кулаками въ бока.

. . . .

Не знаю, что было дальше, но вдругъ двери камеры распахнулись. Я услышалъ, напрягся и обернулся.

На порогѣ стоялъ товарищъ. Блѣдный, растерянный и смущенный, За нимъ выглядывали сторожа...

Я потерялъ сознаніе. Потомъ узналъ... Они вбѣжали и успѣли снять руки больного въ то время, какъ онъ душилъ меня...

Въ корридорѣ я пришелъ въ себя.

— Что вы надѣлали, что вы надѣлали?!—кричалъ на служителей Сергѣй. — Посмотрите, вѣдь, онъ — сѣдой...

— Что вы надѣлали, какъ могли допустить?!..

Оказалось просто. Въ корридоръ пришелъ дежурить другой служитель. Когда онъ смѣнялъ прежняго, тотъ забылъ сказать, что я нахожусь въ изоляторѣ. Новы служитель замѣтилъ, что дверь пріоткрыта, подумалъ, что кто-нибудь забылъ закрыть и неслышно захлопнулъ ее!..

Мой товарищъ, побывавъ у своего больного, подошелъ къ изолятору, увидѣлъ запертую дверь и рѣшилъ что засидѣлся, а я уже въ театрѣ, и поѣхалъ туда. Не заставъ меня въ ложѣ, подумалъ, что я отправился домой. Сергѣй спокойно просидѣлъ первое дѣйствіе... Вдругъ онъ почувствовалъ какое-то смятеніе души, взволновался и неожиданно рѣшилъ, что со мной слу-

чилась бѣда. Какъ ни уговаривала его мать остаться, онъ поѣхалъ ко мнѣ на квартиру. Не засталъ. И только тогда бросился въ клинику... Онъ говорилъ будто въ этотъ моментъ былъ убѣжденъ, что за моею спиной уже стоитъ смерть!.. И ничего не понимая, метался... Однимъ словомъ, это все было такъ просто... Да, вотъ еще что:—служителя просили меня не говорить объ этомъ профессору... Какъ сейчасъ помню—я и не сказалъ...

. . . .

. . . .

«Сл-у-шай!..»

> «Близь Владивостока, при постройкѣ Сибирской желѣзной дороги, произошла еще одна оригинальная встрѣча.—Старикъ-каторжникъ, попавшій въ число рабочихъ, встрѣтился съ сыномъ-солдатомъ, стоявшимъ на часахъ».
>
> *(Газ. «Сибирск. В.» 1893 г. № 162).*

Широко раздвинулась безконечная Сибирская степь. Глухо и дико кругомъ; только насыпь новой желѣзной дороги потянулась до тѣхъ самыхъ мѣстъ, гдѣ небо сливается съ землей... Бурная осенняя ночь.—Вѣтеръ воетъ, кидается изъ стороны въ сторону, будто бѣшенный волкъ мечется по гладкому полю, перепрыгиваетъ черезъ насыпь, уже успѣвшую позарости колючимъ кырлыкомъ... А у самой насыпи, въ одномъ изъ „поворотовъ“, шумитъ и гудитъ небольшая рощица. Деревья гнутся туда и сюда и вотъ—вотъ начнутъ подметать мокрую землю. Вѣтки стучатъ и со стономъ падаютъ на земь. Темно: ни зги! Но,—заныло, заплакало, засвистѣло, — и промежъ раздвинутыхъ стволовъ березокъ блеснули глазами дикой кошки два огонька, пробѣжали по равнинѣ и снова запрятались во мглѣ. Остановился усталый вѣтеръ, замерли деревца: тихо...

И вдругъ прозвучалъ хриплый, тянущій голосъ:— „Слу-у-у... слу-у-шай“... — Шай! — подхватило эхо.— Испугался вихорь этого вопля, снова поднялся и началъ метаться, роняя по степи слезы свои—дождевыя капли...

Темно въ землянкѣ—баракѣ. Мерцающій свѣтъ „коридорнаго“ фонаря тонетъ въ сыромъ смрадномъ воздухѣ. У низкаго потолка навѣшано грязное, пропитанное мокрой плѣсенью тряпье. Мутныя лужи чуть блестятъ по земляному полу прохода—среди сплошныхъ наръ. Вся избитая, съ околупленной глиной, изукрашенная надписями, угловая печка чадитъ.— Угаръ мѣшается съ запахомъ гнили. Душно, тяжело... — На нарахъ разметались въ повальную каторжники. Спятъ — храпъ, стонъ... Изрѣдка кто вскинется, „заахаетъ“ — загремятъ кандалы и отзовутся на нихъ съ просыпу въ разныхъ мѣстахъ... Не спитъ только старый раскольникъ—онъ пристроился у тусклой мерцающей лампочки, близь „парашки“, и съ великимъ трудомъ читаетъ слабыми глазами чудомъ „спасенную“, завѣтную книжечку; а дрожащія губы его все шепчутъ—„Господи, дай вразумѣти истину!“... Но кто-то не спитъ еще! Не измаялись что-ли за день?!..—Изъ дальняго конца, гдѣ вѣчно царитъ сумракъ, слышится тихій, надтреснутый, но молодой голосъ...

— „Эхъ эхъ-хе, братецъ, братецъ! Волгу вспомнилъ родную, широкую, какъ эта степь Волгу... Стали, значитъ, перебираться на баржѣ, плывемъ съ заработкомъ домой, разговоры ведемъ... Хорошо было!.. Пришли въ свое село и первое къ Данилѣ въ кабакъ; а ужъ тамъ говоръ, крики... Какъ проявилась „та болѣзнь“ (холера), народъ шибко мёръ. Старики голову теряли. Прислали къ намъ четырехъ „докторовъ“... Вотъ третёго дня и пріѣхалъ ночью человѣкъ, давай народъ будить,

спрашивать, гдѣ „санитеры“ живутъ: привезъ, молъ, палатку. Повыходили, кто поблизости во дворѣ спалъ и увидѣли палатку и крючья, и палки, и веревки, чтобъ людей тягать...—Объ этомъ и толковали. Портной Платоновъ началъ было „сильнымъ словомъ уговаривать“—„глупые вы люди, видѣлъ я самъ эти крючья—они для того, чтобъ палатку навесть!“—Стали тогда всѣ надъ нимъ всячески смѣяться—„Что, купили тебя доктора что-ли?“—„Хочешь мѣшки шить?“...

Только пришелъ въ кабакъ Лукіанъ (вотъ онъ—сейчасъ застоналъ, тоже изъ нашего села—всѣхъ по дорогѣ на Сахалинъ переняли линію строить). Лукіанъ-то человѣкъ былъ дѣльной, умный, не изъ пьющихъ, къ Данилѣ понавѣдался письмо отъ сына прочитать,—въ солдаты Ивана снарядилъ,—самъ не ученый, а здѣсь всякаго найдешь. Взялъ Платоновъ грамотку Ивана читать—тотъ и пишетъ: забрили его, въ Сибирю посылаютъ, благословенія проситъ,—къ себѣ отца зоветъ, а потомъ про городъ, что, молъ, докторовъ бьютъ, дома ихъ ломятъ... Доктора, вишь, крючьями народъ тягали въ телѣги, ровно гробы, поили снадобьями смертными, живыхъ закапывали, еще теплыхъ известкой заливали. Сказываетъ, что солдатъ выводили противъ народа, стрѣляли, да ему, слава Богу, не пришлось за то, что сибирскій... Заплакалъ Лукіанъ—эхъ, говоритъ, не свидимся болѣе. Да какъ, братцы, мнѣ къ нему ѣхать, когда хлѣбъ не убранъ, недоимки—паспорта не дастъ волостной.

Сталъ Платоновъ его утѣшать: не плачь, старикъ,—Иванъ образованнымъ вернется, всему солдатъ учатъ, свѣту повидитъ; я, дескать, самъ передъ нимъ буду ничто“...

День за днемъ, а народъ все пуще мретъ,—Лукіанъ жену и сына Василія схоронилъ; съ горя и онъ наладился выпивать. Сидимъ разъ подъ праздникъ у Данилы, приходитъ Василиса и разсказываетъ: „поливала

я капусту за селомъ, вижу доктора по надъ Ольховкой идутъ, я и думаю — что будетъ? — Притаилась... Только глядь, анъ они поклоны земные поотвѣшивали и въ рѣченку бросать что-то стали. Тутъ я и поняла, кто болѣзнь въ воду погружаетъ!—Всѣ повстали: хоть и солдатка — Василиса, все правду говоритъ, — передъ иконой перекрестилась! — А еще раньше народъ примѣтилъ, что кто изъ Ольховки черпаетъ, тѣхъ больше и валитъ, а кто изъ поповскаго колодца, — тѣмъ ничего. — Дивовались да не въ домекъ было... — Что болтать, — сказалъ Лукіанъ, — какъ мою Татьяну „санитеры“ въ гробъ положили, говорятъ: „не прощайся!“—Я все таки по христіански приложился, а она еще теплая совсѣмъ! — Вотъ тѣ крестъ! — Доктора объяснять стали, что послѣ смерти отъ этой „болѣзни“ покойники иной разъ начинаютъ теплѣть, потомъ, снова, уже совсѣмъ, холодѣть, а если ударить легонько ихъ по локтю, то и рукой, какъ живые сводятъ--показали мнѣ даже — я дуракъ тогда повѣрилъ!.. Долго-ли намъ, братцы, отъ нихъ терпѣть?! И безъ того одна мука. Людей, вѣдь, не собакъ губятъ, живыми хоронятъ. Зачѣмъ молчать, въ городахъ поумнѣе и то!..

Какъ и что потомъ случилось — головѣ вспомнить трудно.—Помню бѣжали мы по селу, кричали. Народъ приставалъ будто на пожаръ. Изъ плетней вырывали колья!.. И попался на пути изъ „аптеки“ докторъ— мальченка такой...—Удивился!.. Охъ-охъ: согрѣшили!..

Пріѣхалъ исправникъ... Созвалъ сходъ, сталъ ругаться тяжкими, бранными, а потомъ жалкое молвить: „ахъ, вы кровопивцы — злодѣи, убили, истерзали добраго человѣка, мать-то его теперь не наплачется... Кайтесь!—Кто зачинщикъ, выходи!.. — И вышелъ къ нему Лукіанъ, схватилъ за грудь...—„Не томи насъ,—говоритъ,—горе заѣло... въ каторгу ссылай, а не ругайся, не поноси христопродавцами“... Пришли солдаты. А дальше—ужъ извѣстное дѣло!.. Пороли!.. Потомъ воен-

нымъ судомъ судили. Лукіанъ на все молчалъ, только и вымолвилъ: „за міръ пострадаемъ, потому доктора всѣхъ морили“...

— Эхъ-хэ-эхъ, братецъ ты мой, какъ подумаю я, что мы душу свою сгубили—вѣдь и доктора привѣтливые и *тотъ* былъ хорошъ... А кто ихъ знаетъ, можетъ совсѣмъ не при чемъ. На судѣ объяснили, что гулять отъ трудовъ по надъ Ольховкой ходили, въ лягушекъ кусками земли бросали—баловались...

— Тяжело!..

— Вспомню свое село, Волгу,—не увижу болѣе,—вспомню Дарью,—и все внутри повернется“...—Молодой каторжникъ застоналъ, заворочался,—кандалы зашумѣли...

Старикъ съ длинной сѣдой бородой, что спалъ неподалеку, вдругъ приподнялся, окинулъ мутнымъ взоромъ баракъ и началъ прислушиваться. За стѣною шумѣлъ и гудѣлъ вѣтеръ...—Слу-у-шай!—вдругъ донеслось сквозь толстыя балки.—Старикъ задрожалъ, сжался, поникъ на тряпье... Молодой звякнулъ цѣпями.—„Каждый свое тянетъ“—устало, тихо промолвилъ—ишь полоумный дѣдъ—все слушаетъ!.. Заметался!—Должно и во снѣ надрывается...—Но тутъ разсказчикъ понялъ, что собесѣдникъ его давно уже спитъ...

Раннее утро. Темная, дикая тайга не спитъ. Громадныя столѣтнія пихты тревожно глядятъ на врѣзывающуюся въ нихъ широкую, исчезающую въ сизомъ туманѣ просѣку и со стономъ, уныло покачиваютъ своими верхушками.—Тайга глухо шумитъ...

А на болотной, сѣрой землѣ просѣки, между кочками валяются срубленные стволы могучихъ деревъ, будто саванами, покрытые инеемъ... Около одного изъ пестрѣющихъ мохомъ сѣрыхъ камней краснѣетъ небольшой флагъ, за нимъ на полянкѣ тѣснятся длин-

ная изъ бревенъ „тюрьма“, по угламъ — полосатыя будки, да двѣ—постройки.

Просѣка спитъ. Лишь часовые мѣрно шагаютъ отъ фонарнаго до фонарнаго столба и выкрикиваютъ свое вѣчное, безпокойное „слушай“!..

Партія желѣзно-дорожныхъ рабочихъ разсыпалась. Около каждой группы каторжниковъ—солдатъ. Просѣка проснулась, ожила зазвенѣла несмолчно кандалами, загрохотала; засновали по ней люди. Поверхъ насыпи у самаго бока ея мелькаютъ каламажки, лошади да черныя фигуры „лишенцевъ“—поселенцевъ. По скату катится, ползетъ мелкій щебень.—Инженеръ съ сумкой черезъ плечо труситъ верхомъ... Здѣсь волочатъ березу, скользятъ съ кочекъ, путаются ногами, вязнутъ до колѣна въ болотѣ, падаютъ... Рядомъ мастеръ въ ботфортахъ, кожаномъ пиджакѣ, шагаетъ съ бумагой по „кладкамъ“. Рубятъ, корчуютъ, бьютъ камень. Надзиратели переходятъ отъ однихъ къ другимъ...

Лукіанъ оставленъ близъ „глухого“ конца просѣки.— Старикъ и его „шаберъ“ сгорбились въ своей неглубокой ямѣ, переминаются, чтобъ не увязнуть.

Ледяная вода пробралась уже и въ коты и сквозь окутывающее ноги тряпье.—Холодно!—Дѣдъ дрожитъ, стискиваетъ посинѣлыя губы, кряхтитъ; а молодой стонетъ отъ боли въ спинѣ, изломанной кнутомъ за побѣгъ—и безнадежно бормочетъ свою горькую пѣсенку, плачется голосомъ:

„Прощай, градъ Одеста, прощай карантинъ,
— Съ первымъ карабликомъ ѣду въ Сахалинъ...
Пропалъ, голубчикъ, пропалъ навсегда,
Гой, года проходятъ, какъ мутная вода...
— Я сестру родную съ толку совратилъ
И отца родного по міру пустилъ...
Пропалъ, голубчикъ, пропалъ навсегда,
Гой, года проходятъ, какъ мутная вода...

Сѣрый армячишко и бубновый тузъ,
Голова побрита, сѣренькій картузъ...
Пропалъ, голубчикъ, пропалъ навсегда,
Гой, года проходятъ, какъ мутная вода...

Изливается поетъ парень, но временами смолкаетъ и слушаетъ, какъ кругомъ шелестятъ лопухи, безсильно опустившіе желтые, покрутившіеся листья, — слушаетъ,—какъ трещитъ при вѣтрѣ сухой папортникъ, взобравшійся кустомъ на камень...—Прійдетъ весна,—и они выпрямятъ свои спины, а онъ...

По сосѣдству каторжники принимаются корчевать свѣжіе пни и, будто забывъ свои бѣды, втихомолку потѣшаются, дразнятъ какого-то малоросса,—„Рыжій, а рыжій!"—Чого тоби треба?—„Для памятки!".

Рыжій передергивается отъ злости... Хохочутъ! —Чого, бисова дытына, лаешься?—„Лаешься?—Что я тѣ, собака?"—Смѣются!..

А вокругъ тайга и просѣка шумятъ и грохочутъ попрежнему...

Краснымъ огненнымъ шаромъ выплыло солнце на сѣрое небо, но грустно и скучно стало ему глядѣть на болотную тайгу и оно спряталось въ облакахъ...

Старый Лукіанъ молча хмурился и все ниже опускалъ свою бритую голову на грудь.—Тяжелыя думы копошились въ ней... А въ пяти шагахъ стройно, по формѣ стоялъ молодой солдатъ, крѣпко держалъ ружье, уныло поглядывалъ на „несчастныхъ". „Изъ старательныхъ"—твердо помнилъ науку, помнилъ долгъ службы.—

. . . .
. . . .
. . . .

Лукіанъ поднялся, чтобъ отбросить изъ ящика кучу жидкой грязи и глянулъ мелькомъ на своего часового... Но,—онъ вздрогнулъ, выронилъ лопату, схватился облиплой мокрой рукой за сѣдую бороду, уставился гла-

зами на солдата.—„Откуда ты?“—тихо спросилъ каторжникъ. Солдатъ осмотрѣлся, стукнулъ прикладомъ о сапогъ, поблѣднѣлъ... . . . .

. . . .

— „Иванъ, Ванько —сыно—очекъ —вдругъ прохрипѣлъ дикимъ нечеловѣческимъ голосомъ старикъ, легко, быстро выскочилъ изъ ямы и кинулся къ часовому...— „Иванъ“!..

Солдатъ не вытерпѣлъ: онъ хотѣлъ что-то сказать, но челюсть его только сжалась, онъ зашатался, руки опустились, ружье выпало на землю, за нимъ какъ подкошенный повалился бѣдняга... Каторжникъ припалъ къ сыну, горячо, страстно цѣловалъ уже его губы, лицо.

— Узналъ, узналъ... встрѣтились... Вань-ко Иванъ сыночекъ мой ми-лень-кій... касатикъ мой... встрѣ-тились!.. дитятко!..—шепталъ онъ, обливая закрытыя очи парня своими слезами... Трескучій протяжный свистокъ взвизгнулъ на всю просѣку. Поднялась суматоха. Прибѣжали надзиратели, „запасные“ часовые съ поднятыми прикладами и обступили арестантовъ, готовые размозжить головы „бѣглеца“... А „закорузлые“ преступники—тѣ, что раньше смѣялись, роняли уже на землю слезу за слезой. Старый раскольникъ—„изувѣръ“ судорожно рыдалъ...

Схватились за каторжника, но долго не могли оторвать: онъ крѣпко обнялъ солдата, весь впился въ него, все такъ же безумно, дико цѣловалъ и что-то шепталъ...

ВСТРѢЧИ.

У «Ясной Поляны».

(Встрѣча съ Л. Н. Толстымъ въ дни октябрьской забастовки).

Одно только слово облетѣло вагоны, пронеслось по нимъ, но оно, какъ ураганъ, подняло на ноги всѣхъ пассажировъ...

— Забастовка!..

— Всё одновременно остановится. И поѣздъ тоже...

Это было такъ неожиданно, такъ невозможно! Сибирскій экспрессъ бѣшенно мчался впередъ и казалось все мчалось въ немъ и ничто, кромѣ слова—„Москва!“, не могло остановить этого бѣга...

— Забастовка, всеобщая политическая забастовка!

— Забастовка!..

Никто не зналъ откуда долетѣло къ намъ это слово, но оно было у всѣхъ на устахъ!..

И поѣздъ сталъ. Около Тулы.

Во всѣхъ вагонахъ электричество мгновенно потухло. Прислуга, кондуктора и машинистъ исчезли... У вокзала рядомъ съ нашимъ поѣздомъ уже чернѣли силуэты вагоновъ и остывшихъ паровозовъ. Самъ вокзалъ былъ теменъ и мраченъ, точно навсегда брошенный людьми. Но отъ него несся гулъ голосовъ...

Всѣ съ изумленными лицами спускались на землю, пробирались между рядами вагоновъ...

Въ залѣ перваго класса, около столовъ, теперь устав-

ленныхъ только пальмами, на полу располагались спать пассажиры третьяго класса... Бабы няньчили ребятъ... Во всѣхъ корридорахъ густо толпились растерянные пассажиры... Вокзала нельзя было узнать. Еще со вчерашняго дня онъ былъ заваленъ поѣздами. Нашъ пришелъ послѣднимъ...

Не вѣрилось, что это надолго... И никто изъ насъ не отходилъ отъ вагоновъ...

Время шло...

— Когда пойдетъ поѣздъ?.. Сколько часовъ еще ждать?!..

Никто ничего не зналъ.

Телеграфъ молчалъ.

И мы ждали... Но, наконецъ, перестали ждать...

Мы жили въ вагонѣ. Теперь они дѣлились, какъ купальни, на мужскіе и женскіе. „У себя" каждый свободно расхаживалъ въ одномъ бѣльѣ. Утромъ просыпались подъ звуки пѣсни.—„Вставай, подымайся рабочій народъ!"... Какой-то студентъ запѣвалъ ее... Пить чай сходились всѣ дружной семьей въ общій „салонъ"... Стоялъ октябрь и потому сами по очереди топили вагонную печь... И жили просто, весело и удобно, какъ въ загородномъ пансіонѣ...

Офицеры, возвращавшіеся съ войны, такъ долго не видавшіе родныхъ и рвавшіеся къ нимъ, были подхвачены общимъ настроеніемъ. Никто не ворчалъ, никто не жаловался...

. . . .

. . . .

. . . .

Въ казармѣ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ шли открытые митинги. Служащіе обсуждали, какъ обезпечить писсажировъ и дорожную „мелкоту" отъ нужды въ провизіи, теплѣ... Пассажирамъ выдавали кормовыя деньги...

Только нѣсколько человѣкъ уѣхали въ Москву на

лошадяхъ по ужасной осенней дорогѣ, заплативъ бѣшенныя деньги...

Однажды днемъ вдругъ неожиданно раздался свистъ паровоза. Всѣ радостно выбѣжали на перронъ вокзала... Начальникъ станціи суетливо кричалъ, что онъ не понимаетъ, откуда взялся поѣздъ безъ путевой депеши!

А поѣздъ подкатилъ!

Спереди паровоза былъ прикрѣпленъ, точно флагъ, плакатъ съ надписью: „Свободный и даровой проѣздъ для всѣхъ желающихъ. За указаніемъ мѣстъ обращаться къ начальнику поѣзда, избранному по всеобщему, прямому, тайному и равному голосованію всѣхъ пассажировъ“...

Изъ вагоновъ выскочило нѣсколько человѣкъ молодежи; они свистѣли посредствомъ пальцевъ. Это были „кондуктора“.

Съ паровоза сошли двое: какой-то старичекъ въ золотыхъ очкахъ и студентъ технологъ.

— Господа, не нужно-ли таскать дрова? — озабоченно спрашивала стройная молодая дѣвушка, подходя къ нимъ...

— Товарищи! Дровъ не надо! Припасы закуплены. Будемъ обѣдать въ нашемъ ресторанѣ. Кондукторамъ справиться, нѣтъ-ли желающихъ ѣхать?! — Для этого только остановка!.. — Объявилъ начальникъ поѣзда съ цвѣткомъ въ петлицѣ.

— Надоѣло сидѣть у полустанка, — говорили они съ веселыми лицами. — Обсудили всеобщимъ голосованіемъ свое положеніе. Рѣшили отправиться собственными средствами. У каждой стрѣлки останавливаемся, выходимъ, переводимъ, сами дрова носимъ, топимъ. Однимъ словомъ — „демократическая республика“ на колесахъ!... Забастовщики читаютъ надпись на флагѣ. хохочутъ, и когда поѣздъ трогается, кричатъ „ура!“... А

вѣдь эта линія оставлена ими для делегатскихъ поѣздовъ...

— Садитесь! Даромъ прокатитесь, господа! Кому нужно садитесь!... До N расчитываемъ добраться! — приглашали выборные кондуктора...

— А гдѣ-жъ настоящіе кондуктора?

— Они всѣ остались на полустанкѣ...—Мы уже наѣздились, — говорятъ, — отдохнуть хочется!...

И поѣздъ тронулся дальше, а мы раскланивались съ его пассажирами и кричали — „ура!“...

— Застрянутъ гдѣ-нибудь недалеко! Кажется на мосту рельсы разобраны... — мрачно „ворчалъ“ милый ‚докторъ“ — захолустный земскій врачъ — мой сосѣдъ по купэ. — Чертъ возьми, если-бъ я не сомнѣвался въ ихъ успѣхѣ, ни за что не усидѣлъ-бы... Теплая компанія! Впрочемъ и тутъ хорошо... Жаль конечно, что весь отпускъ проваландаюсь... Да не бѣда! Тоже и тутъ жизнь такая, что завтра не повторится...

Мы—десять сдружившихся—обдумывали планъ прокатиться до Москвы на дрезинѣ. Кто-то розыскалъ ее. Она открыто стояла у полотна желѣзной дороги!.. Рѣшили ночью взять дрезину. Составили письмо къ начальнику дистанціи съ нашими адресами и предложеніемъ получить или взыскать убытки. Въ письмѣ предлагали взыскать съ насъ и за обратную доставку, если никто изъ застрявшихъ въ Москвѣ не возьмется такимъ же способомъ доставить ее сюда... Мы купили уже непромокаемые плащи, провизію и были готовы... Телеграфъ попрежнему бездѣйствовалъ, и начальникъ дистанціи не могъ догнать насъ депешей... Но, — передъ вечеромъ отъѣзда, — на дрезинѣ повезли къ полустанку провизію. Отправься мы раньше и населеніе цѣлаго поѣзда постигъ-бы голодъ... Другой проѣзжей дороги къ полустанку не было... И мы такъже легко отказались отъ своего плана, какъ взялись за него...

Жизнь на вокзалѣ становилась все интереснѣе.. Засѣвшій съ нами столичный адвокатъ читалъ по вечерамъ въ залѣ перваго и второго класса доклады о разныхъ наиболѣе волновавшихъ политическихъ процессахъ, о типахъ революціонеровъ, о впечатлѣніяхъ поѣздки по далекой Сибири... Жандармскіе унтеры стояли у дверей и мирно слушали его рѣчи... Бабы по угламъ успокаивали ребятъ... Двое изъ „пассажировъ" стояли около жандармовъ и предупреждали случайно входящихъ, не мѣшать лекціи. И въ многолюдной залѣ было тихо.

Только воздухъ у вокзала сдѣлался тяжелымъ... Отбросы жизни лежали подъ вагонами и гнили... И еще какъ!... Нельзя было открыть окно! Къ своему вагону подходили затыкая носъ...

Выручили свиньи! Такъ какъ бастовали люди, а свиньи, настоящія свиньи, никакого участія въ забастовкѣ не принимали, то вокзальный сторожъ пригналъ изъ деревни цѣлое стадо свиней... И они мирно разгуливали подъ вагонами и паровозами... Воздухъ очистился, свиньи жадно подхватывали каждый новый отбросъ...

Ежедневно утромъ докторъ, всегда одѣтый въ блузу, картузикъ и высокіе сапоги, уходилъ гулять по рельсамъ. Иногда онъ исчезалъ на цѣлый день... Тогда онъ являлся источникомъ всѣхъ новостей нашего поѣзда... Газеты не выходили. Никто ничего не зналъ...

Однажды когда „мрачный докторъ" вернулся изъ своихъ странствованій, — онъ, ухмыляясь, сказалъ: — „Застрялъ!"...

— Кто? — Спросилъ я.

— „Свободный поѣздъ"! Всего двѣ станціи проѣхалъ! Хорошо, что я остался... Ожидали делегатскій, загнали на третій путь, дальше не пустили... Сидятъ въ ямѣ!.. Вотъ тебѣ и „движущаяся республика"!

Въ другой разъ докторъ вернулся сіяющій, просвѣтленный, помолодѣвшій!

— Знаете, кого я видѣлъ?! – говорилъ онъ, волнуясь...—Великаго учителя земли русской!... Я видѣлъ самого Толстого!... Вѣдь его имѣніе тутъ недалеко. Я пришелъ къ нему пѣшкомъ... Глядите, какіе сапоги! Чортъ возьми мой отпускъ!... У меня выпалъ чудный, счастливый, самый счастливый день. Я видѣлъ Толстого!... Видѣлъ его!... Гулялъ, бесѣдовалъ съ нимъ!.. Идите къ нему, я разсказывалъ... Онъ приметъ васъ...

И я рѣшилъ отправиться.

На улицѣ Тулы взялъ извощика... Назвалъ „Ясную Поляну“.

— Знаете? спросилъ я.

— Какъ не знать!—Отвѣтилъ смѣясь извощикъ.—Сколько себя помню, туда возилъ... Много народу ѣздитъ... За пять рублей свезу и обратно доставлю!...

Дорога была ужасная. Несмотря на шоссе колеса поминутно вгрузали въ выбоины... Лошадь обдавала мокрымъ, талымъ снѣгомъ, смѣшаннымъ съ липкой грязью... Но я не обращалъ вниманія на дорогу и былъ полнъ радостью мечты увидѣть учителя „человѣковъ“,—моего любимаго писателя... Извощикъ свернулъ съ шоссе, мы проѣхали мимо рощи... Теперь колеса глубоко мѣсили густую, желтую глину... Едва пробирались.

Поднялись на косогоръ и вдругъ увидали массивные бѣлые, каменные столбы воротъ... У въѣзда въ усадьбу никого не было.

Проѣхали длинную пустынную аллею сада и приблизились къ большому, двухъэтажному барскому дому...

Левъ Николаевичъ собирался гулять... И былъ уже въ высокихъ сапогахъ, теплой полинялой подевкѣ и башлыкѣ.

— Пойдете гулять?—спросилъ онъ...

— Конечно!

— Въ такомъ случаѣ ваши галоши не годятся! Надо раздобыть глубокія. Вонъ какой кругомъ мокрый снѣгъ...

И съ доброй, широкой заботливостью очень большого, а потому такого непосредственно простого человѣка онъ началъ искать для меня галоши и обувь... Позвалъ по имени и отчеству лакея, послалъ принесть свои сапоги для верховой ѣзды... Но его сапоги были черезчуръ малы...

Я уже рѣшилъ итти въ своихъ—городскихъ, мелкихъ...

— Ну, еще одно...—не успокаивался онъ. Тамъ есть большіе, глубокіе ботики сына, можетъ они пригодятся..

Принесли. Все то-же. Наконецъ онъ съ прежней мягкой заботливостью, вдругъ нашелъ исходъ—снимите башмаки и одѣньте галоши, какъ валенки.

Такъ и сдѣлалъ.

Выходя во дворъ онъ перекинулся нѣсколькими привѣтливыми словами съ извощикомъ.

— Точно такъ Ваше Сіятельство,—весело отвѣтилъ извощикъ...

Мы отправились бродить... Сначала налѣво по дорогѣ черезъ фруктовый садъ, а потомъ напрямикъ, куда глаза глядятъ...

Онъ шелъ легко и свободно, точно юноша... Легко перепрыгивалъ черезъ канавы и такъ какъ я плохо справлялся съ галошами, постоянно помогалъ мнѣ...

Мы шли уже по березовой рощѣ. Вдругъ, онъ пріостановился.

— Но откуда взялось это дерево?—съ изумленіемъ спросилъ Левъ Николаевичъ точно самого себя.

— А что?..—не менѣе изумился я его удивленію...

— Я собственноручно посадилъ всю рощу... и этого береста тогда не было...

Только теперь я замѣтилъ, что „дѣдовская“ роща—

изъ большихъ, старыхъ развѣсистыхъ березъ была разсажена стройными рядами. Аллеи скрещивались линіями шахматной доски... Склоненный берестокъ росъ сбоку стройной березы...

Левъ Николаевичъ съ мягкой любовью оглядывалъ свою рощу... Она выросла на его острыхъ, проницательныхъ глазахъ.

И въ этотъ моментъ меня поразилъ возрастъ деревьевъ этой рощи... Неужели онъ такъ старъ, что деревья его посадки могутъ быть такими старыми?!.. Сколько-же ему лѣтъ!..

Я старался вспомнить и не могъ. (Его 80-ти лѣтіе праздновали вскорѣ).

Не замѣтивъ канавы я влетѣлъ въ нее... Обѣ галоши были теперь набиты до верху мокрымъ, талымъ снѣгомъ! Я пріостановился очистить. Онъ спокойно поджидалъ. Наконецъ мы двинулись... Но теперь мнѣ болѣе не было нужды беречься и потому при первой же канавѣ я, ничѣмъ не рискуя, перепрыгнулъ ее первымъ.

— Дайте, Левъ Николаевичъ, я помогу вамъ —сказалъ я ему его-же словами...

— Вы что, думаете, что я такой старикъ?!—отвѣтилъ онъ съ шутливымъ недовольствомъ, въ которомъ звучало настоящее. И легко, точно юноша, перепрыгнулъ черезъ канаву...

Вдругъ онъ снова остановился...

— Хотите увидѣть зайца? спросилъ Левъ Николаевичъ.

— Но гдѣ-же?..

— Видите слѣды?

— Нѣтъ, не вижу...

— Вотъ здѣсь... Вонъ слѣдъ длиннѣе идетъ, ногами задѣвалъ, значитъ шелъ тише... Онъ — недалеко. Вонъ туда попробуемъ. Мы его сейчасъ спугнемъ.

Мы пошли и дѣйствительно спугнули зайца...

Старикъ съ молодой душой остановился и любовно глядѣлъ ему въ слѣдъ...

И въ этотъ моментъ я почувствовалъ, какъ много у него внимательной любви къ природѣ, ко всему живому и непосредственно—окружающему...

— Тамъ гдѣ-то въ сторонѣ кипитъ сейчасъ жизнь,—думалъ я,—кипитъ, бурлитъ, совершаются великія событія, быть можетъ улицы въ баррикадахъ, льется кровь, а мы здѣсь мирно идемъ по слѣдамъ зайца...

Наша рѣчь перешла на текущія событія... И вдругъ я услышалъ негодующій голосъ...

— Забастовка! Да какъ они могли затѣять ее! Какъ могли желѣзнодорожники нарушить свое обѣщаніе передъ пассажирами.. Взялся везти, такъ и вези! Можетъ, кто-нибудь ѣхалъ къ тяжко больному, умирающему отцу, спѣшилъ на операцію къ доктору или просто хотѣлъ повидаться съ родными послѣ долгой разлуки... Какъ смѣли они обмануть эти ожиданія!.. Вѣдь это—протестъ за чужой счетъ.

— Возьмите нашъ поѣздъ,—возразилъ я,—въ немъ не оказалось недовольныхъ... Кто былъ, тотъ уѣхалъ... Если-бы оказался ѣдущій къ умирающему, настроеніе такое, что, сложившись, братски помогли-бы нанять лошадей... Или подвезли-бы. Всѣ уже знаютъ другъ-друга... Жертвы неизбѣжны... Вся страна хочетъ обновленія... Да, обновленія, улучшенія жизни всѣхъ, начиная со стрѣлочниковъ, которые до сихъ поръ были только въ отвѣтѣ!.. Мы, пассажиры, лишь одинъ разъ,—во время забастовки, лишены отпуска, свиданья съ близкими, возможности поѣхать къ доктору, они-же лишены этого всегда, на всю жизнь. Не мнѣ говорить Вамъ это!.. Вы знаете и видите лучше меня...

— Не такими способами обновлять жизнь,—горячо возразилъ онъ...

— А какими?! Укажите!—воскликнулъ я, забывъ въ

этотъ моментъ съ кѣмъ говорю.—Я не видѣлъ другихъ!..

— Удивительная привиллегія интеллигентныхъ людей не читать того, что я пишу уже столько лѣтъ, указывая простой и ясный путь!—снова горячо отвѣтилъ онъ...—Любовь! А революціонеры возбуждаютъ недовольство народа, ненависть къ богатымъ, желаніе насиліемъ отнять чужое. Убиваютъ! Они изобрѣтаютъ новые способы убійства: это они изобрѣли гнусныя бомбы!..

. . . .

. . . .

Я разсказалъ нѣсколько случаевъ изъ адвокатской практики...

Онъ слушалъ съ большимъ вниманіемъ. И когда я почувствовалъ, что говорю черезчуръ много и напомнилъ ему, что обычный часъ его прогулки окончился, онъ живо перебилъ меня.

— Мнѣ это все очень интересно, пойдемъ дальше...

И мы ушли въ густой лѣсъ и брели по нему, не глядя на дорогу... Бродили пока не стемнѣло...

И я снова чувствовалъ въ немъ широкую, необъятную любовь къ людямъ, ко всему живому и живущему...

А онъ, опять возбудившись, началъ клеймить всякіе способы обновленія, кромѣ одного единственнаго, вѣру въ который казалось сейчасъ потеряли даже бывшіе близкими ему...—Любовь, одна любовь!..

И его нападки были рѣзки, потому что его до боли мучили вопросы убійства и насилія... Онъ почти кричалъ...

Я снова забылъ съ кѣмъ иду.

— Какъ вы смѣете такъ говорить?! Вы жестоко несправедливы!—крикнулъ и я.—Этого человѣка я самъ защищалъ!..

Онъ нѣсколькими шагами забѣжалъ впередъ и ласково улыбаясь глянулъ мнѣ въ глаза.

— Вы сердитесь?—добро спросилъ онъ.

— Да,—отвѣтилъ я.

И мы засмѣялись. Буря стихла.

Мы опять шли по опушкѣ лѣса... И онъ разспрашивалъ...

И снова и снова въ этой простотѣ величія, въ этомъ юношески горячемъ протестѣ противъ всякихъ и всѣхъ убійствъ я услышалъ глубокую любовь къ человѣчеству, къ людямъ всего міра и настоящимъ и будущимъ... Любовь къ жизни!..

— Время покажетъ! — твердо и точно глядя далеко впередъ говорилъ онъ.

Я возвращался къ себѣ въ вагонъ.

Снова тянулась эта ужасная дорога, вся въ выбоинахъ и лужахъ мокраго, тающаго снѣга. Извозчикъ упорно глядѣлъ впередъ, боясь сломать ось. Навстрѣчу намъ безконечной вереницей тянулись изъ города крестьянскія подводы... Иногда мы пріостанавливались, пока онѣ проѣдутъ... И жалкія лошаденки, съ жалкими, грубо сколоченными санками и жалкими, ободранными и забитыми сѣдоками плелись мимо...

. . . .

. . . .

. . . .

Извозчикъ подвезъ меня къ полотну желѣзной дороги. И я пошелъ пѣшкомъ... Идти по рельсамъ было ближе и сухо, не было надобности выбирать дорогу... Я могъ думать. А меня окутывали туманомъ впечатлѣнія.

Кругомъ на всѣхъ запасныхъ путяхъ стояли поѣзда съ паровозами. Какъ бѣжали, такъ сразу, по слову „забастовка!“ и замерли... Подъ паровозами и кругомъ нихъ мирно спали свиньи... И странно было видѣть

эти остывшіе, точно оцѣпенѣвшіе паровозы, этихъ безпечно валяющихся на рельсахъ свиней...

Я шелъ и думалъ. — Да вѣдь это, будто въ старой дѣтской сказкѣ о спящей царевнѣ или спящемъ царствѣ, которую мнѣ, — малышу, разсказывала дряхлая няня...

— Шелъ, торопился царевичъ къ своей невѣстѣ, царевна ѣла яблочко, но мечтала о немъ, на встрѣчу ему бѣжала собака, языкъ высунула... И вдругъ баба-яга подняла руку съ волшебной палочкой... И сразу все заснуло, кто какъ былъ... Царевичъ поднялъ ногу, такъ нога поднятой и осталась, точно у Николаевскаго солдата на смотру... Царевна яблочко укусила, проглотила кусочекъ, а онъ, какъ кость отъ ерша, поперекъ горла и застрялъ... А собака, съ вытянутымъ языкомъ, словно подразнить кого собирается застыла и ни съ мѣста!..

И тогда, слушая этотъ захватывавшій меня разсказъ, я, еще мальчикъ, сомнѣвался въ возможности такого царства...

А теперь, черезъ столько лѣтъ жизни?!..

— Нѣтъ, это возможно, здѣсь спящее, сказочно-спящее царство!..—философствовалъ я, глядя по сторонамъ...

Вдругъ, около одного изъ поѣздовъ замѣтилъ кучку людей. На паровозѣ, завѣшанномъ грязными брезентами, свѣтился огонекъ... Я проходилъ близко и услышалъ голоса говорившихъ...

— Нѣтъ, товарищи, будемъ крѣпко держаться... Поддержимъ... Круто намъ сейчасъ приходится, да вѣдь сами слышали, что на митингѣ говорили... Хорошо говорили . . . .

— Для родины постараемся...

— Правильно говорили...

— Что правильно? Чепуха!.. Голую чепуху болтали!.. Ѣсть надо!..

Помолчи! Надо навсегда жить... Для всѣхъ людей постараться...

. . . .

Я пріостановился и слушалъ эти рѣчи рабочихъ...

— Какъ?!—думалъ я,—и мнѣ могло прійти въ голову, что здѣсь спящее царство, что здѣсь, около дремлющихъ паровозовъ, все уснуло?! Здѣсь?! Нѣтъ, тутъ не спятъ... Здѣсь проснулись для новой, освѣженной жизни, ищутъ и рвутся впередъ въ поискахъ общей правды. Они найдутъ!.. Они живутъ!.. И развѣ своею живой душою Левъ Николаевичъ такой живой, такой любящій жизнь, не съ ними?..

Нѣтъ, все-таки съ ними!..

Такъ думалъ я тогда. Но... пробудившіеся снова уснули... Умеръ Толстой, но онъ живъ... Исполинъ утесъ попрежнему, и по сейчасъ непоколебимо-крѣпко стоитъ одинокій на своемъ славномъ посту ж и з н и и ничто не можетъ поколебать его вѣры... Какъ скала Рейнскаго водопада...

Кипящія воды прекраснаго, весенняго потока уплыли... Гранитная громада любви высится и зорко оглядываетъ даль жизни...

Чтó побѣдитъ?!..

Л. Н. Толстой и Яснополянскіе крестьяне.

О графѣ Л. Н. Толстомъ писали да и пишутъ не только въ Европѣ, но и въ Америкѣ, Африкѣ, Австраліи и Азіи... Среди пришедшихъ къ 80-ти лѣтнему юбилею великаго писателя поздравленій, какъ извѣстно изъ газетъ, его очень тронуло привѣтствіе китайцевъ...

Впечатлѣнія отъ встрѣчъ съ нимъ, часто даже самые незначительные его разговоры, облетали затѣмъ весь міръ... И понятно: черезчуръ крупный міровой писатель Л. Н. Толстой. Но кто не писалъ о немъ?!..

— Кто? — Крестьяне!

Да, тотъ самый крестьянинъ, рядомъ съ которымъ столько десятковъ лѣтъ жилъ и трудился графъ Л. Н. Толстой, крестьянинъ, котораго онъ такъ хорошо зналъ и любилъ, къ которому такъ по братски просто подходилъ... До сихъ поръ въ печати мы не встрѣчали воспоминаній о Л. Н. Толстомъ „мужика“ — обитателя славной Ясной Поляны. А между тѣмъ, кто-же, кромѣ семьи и друзей, видѣлъ Л. Н. не случайно, а постоянно, кто имѣлъ возможность близко соприкосаться съ нимъ?..

Печатаемый ниже отрывокъ изъ воспоминаній крестьянина Петра Филиповича Егорова (бывшаго ученика знаменитой Яснополянской школы) объ отношеніяхъ гр. Л. Н. Толстого къ крестьянамъ, наиболѣе ему близ-

кимъ и обратно — деревни къ писателю написанъ имъ, послѣ нашей бесѣды, по моей просьбѣ и указаніямъ, а мною лишь приведенъ въ литературный порядокъ, при чемъ и лирическій тонъ автора я старался оставить безъ измѣненія,

Я давно уже задумалъ съѣздить въ Ясную Поляну собрать подобный матеріалъ среди крестьянъ, знавшихъ Льва Николаевича. Этотъ очеркъ — начало задуманнаго.

АКСИНЬЯ.

Одно время баба Аксинья играла большую роль въ жизни Л. Н. Толстого.

Ея мужъ Александръ Копыловъ, умеръ на послѣдней недѣлѣ Великаго поста, передъ самыми полевыми работами. Онъ служилъ въ Тулѣ легковымъ извозчикомъ. Человѣкъ былъ простой, не жадный, характеромъ смирный, нельзя его было назвать пьяницей, но не слылъ онъ и совсѣмъ трезвымъ. Оставилъ онъ послѣ себя не только молодую жену Аксинью съ пятью малолѣтними дѣтьми, но и старуху мать. А семья Копылова жила очень бѣдно. Кормились извозщичьимъ промысломъ. У нихъ по крестьянству былъ надѣлъ на одну душу земли, но ни лошади, ни коровы, ни овецъ не было. Вдова Аксинья была не изъ такихъ женщинъ, у которыхъ при несчастныхъ случаяхъ опускаются руки и подламываются ноги. Она мало унывала. Да на словахъ она и была баба, хоть кого за поясъ заткнетъ. Но на дѣлѣ, и по хозяйству была неопытна и не умѣлая. Любя ее за ея добрый характеръ, многіе жалѣли и сокрушались о ней. — Пропадетъ она со своими дѣтьми! Не справиться ей съ нищетой. У самой нѣтъ на кусокъ хлѣба, да и дѣти къ тому же разуты, раздѣты,— одинъ ужасъ!..

Время подошло къ весенней пахоти. Мужики нала-

живали сохи. Думали не сегодня, завтра приняться за работу. Вотъ тутъ-то Аксинья упала духомъ, растерялась и съ отчаяніемъ говорила: — „Ума не приложу, головушка моя бѣдная, что мнѣ дѣлать, пропадай совсѣмъ!“ Даже молила смерть на своихъ дѣтей, только, бы развязать ей руки. Но это не помогало...

Весной изъ Москвы въ Ясную Поляну пріѣхалъ графъ Левъ Николаевичъ. Тутъ Аксинья неожиданно вздохнула легко. О ней живо провѣдалъ Л. Н. Толстой. И всѣ ея по хозяйству заботы принялъ на себя онъ. Началъ работать у нея по дому самъ, лично, но кромѣ того ей давалъ изъ своего амбара муки, а тайкомъ и деньги. Я былъ тогда небольшимъ, но шустрымъ мальчикомъ. То было болѣе двадцати лѣтъ назадъ. Левъ Николаевичъ самъ тогда весной вспахалъ Аксиньѣ душевой надѣлъ въ полѣ, боронилъ, и съ лукошкомъ, привязаннымъ на толстой веревкѣ, перекинутой черезъ шею, обутый въ самодѣльные неуклюжіе сапоги, широко шагалъ по ея полосѣ и большими горстями бралъ изъ лукошка овсяныя зерна, и широко разсѣвалъ ихъ по пашнѣ... И нельзя было подумать, глядя на Льва Николаевича, что это трудится въ полѣ графъ, а, казалось, что самый рядовой крестьянинъ... Хорошо помню, какъ сейчасъ, когда Левъ Николаевичъ возилъ навозъ къ пашнѣ Аксиньи... Вотъ по улицѣ Ясной Поляны въ крестьянской одеждѣ на возу съ навозомъ ѣдетъ Левъ Николаевичъ, везетъ его за околицу. А мы, малые ребята, со всѣхъ сторонъ облѣпляемъ возъ, лѣземъ, куда попало садимся, и пользуясь добротой его, все позволявшаго дѣтямъ, съ крикомъ беремъ у него возжи и гонимъ лошадь... Лошадь господская, хорошая, отъ кнута начинаетъ бѣжать шибко, Левъ Николаевичъ принимается насъ унимать.

— „Не гоните, ей тяжело!“

Мы не слушаемъ и гонимъ.

У Льва Николаевича широко развѣвается его гу-

стая и широкая борода, даже мѣшаетъ ему взять обратно возжи, и онъ громко кричитъ: „тпру! тпру!“ А мы весело хохочемъ...

Такъ мы провожали его до конца деревни, радостной ватагой возвращались затѣмъ обратно и ждали его возвращенія. А еще веселѣе было, когда Левъ Николаевичъ ѣхалъ назадъ съ пустой телѣгой. Тутъ мы брали его приступомъ. Живо взбирались и начинали, глядя на него, шептаться и перемигиваться другъ съ другомъ...

— Смотри, смотри-ка! — весело говорилъ кто-нибудь ему, — ты всю спину извалялъ въ навозъ! — и указывалъ пальцемъ на спину.

И Левъ Николаевичъ добродушно отвѣчалъ: Это ничего, навозъ вещь хорошая!

— Чѣмъ хорошая? — спрашивалъ другой.

— Тѣмъ, что отъ навоза плохая земля дѣлается жирнѣй и на ней гуще растетъ рожь...

— А гречихѣ лучше отъ навоза? — приставалъ третій.

— Какъ голодному нуженъ хлѣбъ, такъ и плохой землѣ нуженъ навозъ, — все такъ же спокойно и обстоятельно объяснялъ Левъ Николаевичъ...

— А! — вдругъ сразу произносили мы, понявъ его простой отвѣтъ...

Но иногда онъ почему-то сердился на насъ. — Отстаньте, вы мѣшаете мнѣ работать...

— И мы его слушались...

— Смотри-ка, твой свекоръ ѣдетъ! — въ шутку говорили мужики Аксиньѣ, указывая на катящуюся телѣгу съ Львомъ Николаевичемъ.

Аксиньѣ всѣ завидовали. Воскресла баба. Удивлялись тогда, глядя на Льва Николаевича, какъ онъ могъ взять на себя такую трудную обузу...

Но бывали случаи, Аксинья, по своей темнотѣ, несправедливо жаловалась на Льва Николаевича, что онъ — плохой работникъ, и не умѣла цѣнить его.

— Ну, какой же онъ работникъ,— ворчала она, подперевъ щеку кулакомъ.— Только одна слава!— твердила Аксинья.— Всѣ убрались съ поля, а мы грѣшные все запаздываемъ!...

И хотя Левъ Николаевичъ зналъ недовольство Аксиньи, онъ относился къ ней съ большою заботливостью. Дѣлалъ для Аксиньи все: пахалъ, косилъ, сѣялъ, возилъ снопы, клалъ одонки на ея гумнѣ... Бывало пріѣзжихъ гостей и своихъ почитателей принималъ на ея полосѣ въ полѣ. Издалека было видно могучую фигуру Льва Николаевича съ растегнутымъ воротомъ мужицкой рубахи, подпоясаннаго узкимъ ремешкомъ въ широкихъ шароварахъ, въ большихъ съ длинными голеницами сапогахъ, въ бѣлой, не по головѣ, малой фуражкѣ, какъ-то особенно сдвинутой на бокъ... Пашетъ на гнѣдой хорошей лошади, а сзади за нимъ по опрокинутымъ глыбамъ, идутъ, спотыкаясь, пріѣзжіе французы (почему-то наши мужики всѣхъ пріѣзжихъ къ Льву Николаевичу величали французами), разговариваютъ о чемъ-то...

Бывало Левъ Николаевичъ посреди пашни останавливалъ лошадь, оборачивался къ нимъ лицомъ, какъ будто спорилъ, или разсуждалъ съ ними, а потомъ трогалъ возжей лошадь, продолжалъ пахать дальше... На это особенно ворчала Аксинья.— Зачѣмъ спорить? жаловалась, она.— Время-то зря такъ уходитъ, гляди не поспѣемъ съ гречихой... Случалось, Левъ Николаевичъ возвращался съ пахоти позднѣе крестьянъ, а утромъ выѣзжалъ на работу, такъ что пріѣзжій гость и съ вечера и утромъ не находилъ его дома. Приходилось отыскивать въ полѣ и спрашивать у пашущихъ мужиковъ, гдѣ графъ Левъ Николаевичъ. У нѣкоторыхъ трудно было понятъ ихъ вопросъ, потому что они совсѣмъ не знали по-русски...

Сколько времени работалъ Левъ Николаевичь у Аксиньи, не помню, кажется года два или три. Потомъ

пересталъ: у ней подросли дѣти, и къ тому же случилось съ нимъ несчастье: въ рабочую пору онъ возилъ снопы съ поля на гумно Аксиньи и клалъ одонь е но неудачно спрыгнулъ съ одонья въ телѣгу, и сильно ушибъ ногу о грядку телѣги. Отъ этого появились въ ногѣ боль и жаръ, а дальше образовалась на ногѣ и рожа. Левъ Николаевичъ долго промучился съ этой тяжелой болѣзнью...

Аксинья и теперь жива, дочерей повыдала замужъ, поженила сыновей. Но, попрежнему, живетъ бѣдно, часто вспоминаетъ Льва Николаевича и никогда больше не ворчитъ на своего „добраго свекра"...

В. А. МАНАССЕИНЪ.

В. А. Манассеинъ.

Великое счастье познакомиться съ Вячеславомъ Авксентьевичемъ Манассеинымъ выпало мнѣ въ концѣ 1892-го года. Произошло это совершенно случайно: я написалъ ему анонимое письмо, указавъ адресъ „До востребованія". Въ отвѣтъ онъ звалъ меня къ себѣ. Я, конечно, не помню дословнаго текста своего письма, но мысли были таковы.

Холера 1892-го года принесла съ собой не только тяжелое горе всякой эпидемической болѣзни, но и громадные безпорядки, разразившіеся въ Саратовской и др. губерніяхъ. Во время этихъ безпорядковъ были убиты многіе изъ медицинскаго персонала. Къ веснѣ 1893-го года холера должна была появиться снова. Переживъ событія 1892-го года, по разсказамъ очевидцевъ и газетнымъ извѣстіямъ, я пришелъ къ убѣжденію, что необходимо создать кадры низшихъ служащихъ при холерныхъ баракахъ изъ идейно-настроенной интеллигенціи, которая, болѣе близко стоя по своимъ обязанностямъ къ населенію, легче могла-бы дать ему правильный взглядъ на лѣченіе холеры и отношеніе къ врачамъ. Но, конечно, такіе санитарные служители, хотя и для черной работы, изъ среды студенчества,

могли быть полезны только при условіи, если-бы они были подготовлены соотвѣтствующими лекціями. Я и писалъ В. А. Манассеину, что позволяю себѣ обезпокоить его такими строками, вѣря въ его всегдашнюю готовность пойти навстрѣчу нуждающемуся больному населенію, что я прошу его поднять этотъ вопросъ въ печати, во „Врачѣ", и сдѣлать все возможное въ указанномъ направленіи. Въ концѣ я привелъ адресъ почтоваго отдѣленія для студента „В. Б.".

Получилъ отвѣтъ дословно такой: „Спасибо за довѣріе и доброе слово. Мысль Вашу признаю вполнѣ разумной. Зайдите какъ нибудь переговорить о томъ, какъ-бы ее осуществить. Меня можно застать ежедневно, кромѣ воскресенья и среды, отъ 4½ до 5½ час. дня. Зачѣмъ только Вамъ понадобился анонимъ, да еще въ такомъ хорошемъ дѣлѣ, какъ желаніе послужить на пользу бѣдныхъ больныхъ? Сердечно готовый къ услугамъ В. Манассеинъ 20/xi—92".

Потолковалъ съ болѣе близкими товарищами и не безъ волненія рѣшилъ пойти.

Вячеславъ Авксентьевичъ жилъ тогда на Выборгской сторонѣ, по Симбирской улицѣ въ домѣ № 12. Я поднялся по широкой лѣстницѣ во 2-ой этажъ и вошелъ въ квартиру. И въ то время, какъ горничная помогала мнѣ снять пальто, въ переднюю быстро, почти бѣгомъ, вошелъ, провожая кого-то, сутуловатый старикъ, средняго роста, весь обросшій волосами съ широкой бородой. Когда онъ обернулся, меня поразили его глаза— и живые, и веселые, и ласковые, молодые глаза. Онъ увидѣлъ меня и, еще не зная кто я, привѣтливо пожалъ мою руку, пригласилъ въ пріемную, попрощался съ своимъ собесѣдникомъ и также быстро убѣжалъ въ кабинетъ, уводя за собой изъ пріемной кого-то.

Это былъ онъ — „Манассеинъ", въ то время такой извѣстный профессоръ, такой популярный общественный дѣятель и тогда предсѣдатель литературнаго фонда...

Когда я въ очередь прошелъ къ нему въ кабинетъ, это впечатлѣніе спереди — юноши, сзади — старика снова поразило меня; оно навсегда и при всѣхъ нашихъ встрѣчахъ оставалось неизмѣннымъ... Я не помню никого, кто былъ-бы такъ обаятельно простъ при первой-же встрѣчѣ, въ комъ горячая любовь вообще къ людямъ чувствовалась-бы такъ, какъ въ немъ!

Вячеславъ Авксентьевичъ за годъ передъ этимъ оставилъ каѳедру въ В.-Медицинской Академіи; прослуживъ 25 лѣтъ, онъ считалъ своимъ долгомъ дать дорогу „молодымъ" силамъ. Я зналъ это изъ сообщеній газетъ.

Тогда многіе высказывали огорченіе, что Вячеславъ Авксентьевичъ, человѣкъ вполнѣ свѣжій, превосходно сохранившій силы, уступаетъ каѳедру „молодымъ", хотя и самъ молодъ, да на придачу, имѣетъ громадныя знанія и опытъ. Едва-ли онъ и самъ не сознавалъ справедливость этихъ сѣтованій. И, сдѣлавъ свой благородный шагъ, онъ не могъ не тосковать по любимой работѣ. Тѣмъ не менѣе я никакъ не смѣлъ и мечтать, что лекціи будетъ намъ читать онъ самъ; изъ разсказовъ окружающихъ зналъ, что онъ безконечно занятъ. Можно себѣ представить мою радость, когда на робкую просьбу рекомендовать какого-нибудь лектора, онъ предложилъ себя!

— Гдѣ? — спросилъ я.

— У меня на квартирѣ, — отвѣчалъ Вячеславъ Авксентьевичъ.

То было тяжелое время, когда малѣйшія собранія разгонялись. Пяти студентамъ невозможно было сойтись. Дворникъ доносилъ, появлялась полиція. Трудно себѣ представить сейчасъ, какъ невыносимо тяжело сказывалось это на жизни студенчества и какъ въ сущности одиноко жилось студентамъ! Въ эти годы устроить собраніе въ пятнадцать человѣкъ молодежи казалось „верхомъ дерзости"!

И со смущеніемъ я спросилъ Вячеслава Авксентьевича: А сколько душъ можно позвать?

Не колеблясь, онъ отвѣчалъ: — Сколько хотите.

— Пятнадцать можно?

— Да, конечно!

Увидѣвъ, какъ легко онъ соглашается на это „большое“ число, я сразу-же накинулъ.

— Можетъ быть позволите и двадцать?

— Хорошо; да только не будетъ-ли тѣсно? — спросилъ Вячеславъ Авксентьевичъ, но нисколько не возражалъ.

— Ничего! Помѣстимся и двадцать пять — отвѣтилъ я увѣреннѣе.

Вячеславъ Авксентьевичъ только засмѣялся. — Смотрите! Вѣдь мѣста не хватитъ.

— Ахъ Вячеславъ Авксентьевичъ, когда тучный городничій вошелъ въ биткомъ набитую церковь, и то нашлось мѣсто, а нашъ братъ всегда помѣстится... Тридцать человѣкъ помѣстится!

Забѣгая впередъ скажу, что пришло не 25, а болѣе 35, потому что пришли и тѣ, кто не былъ записанъ... Валитъ народъ и никакихъ!

По поводу лекцій мнѣ пришлось еще разъ побывать у Вячеслава Авксентьевича для того, чтобы выяснить день и часъ чтенія. Во время этихъ посѣщеній у насъ завязывались разговоры. Помню, Вячеславъ Авксентьевичъ сказалъ мнѣ, что встрѣчался съ моимъ отцомъ въ литературномъ фондѣ, гдѣ отца часто выбирали членомъ ревизіонной коммисіи фонда. Вячеславъ Авксентьевичъ зналъ нѣкоторыхъ друзей отца. Поэтому въ разговорахъ упоминались фамиліи общихъ знакомыхъ. Какъ сейчасъ помню, Вячеславъ Авксентьевичъ какъ-то выразился, что изъ писемъ, полученныхъ имъ по поводу 25-лѣтія его службы и оставленія каѳедры, однимъ изъ самыхъ пріятныхъ для него было письмо Василія Григорьевича Котельникова, который писалъ,

что нисколько не огорченъ тѣмъ, что Манассеинъ бросаетъ каѳедру, такъ какъ увѣренъ, что, оставивъ ее, онъ будетъ такимъ-же профессоромъ, только не одной В.-Медицинской Академіи, а въ своемъ журналѣ — для всей Россіи; для всѣхъ тѣхъ, кому будетъ въ немъ нужда—въ личной бесѣдѣ. Сообщая мнѣ это, Вячеславъ Авксентьевичъ сказалъ:—Василій Григорьевичъ былъ правъ. Вотъ теперь я могу читать вамъ, потому что не читаю въ Академіи. А то, гдѣ-бы мнѣ было выбрать время!..

Первая лекція была назначена на 24-ое декабря 1892-го года, вечеромъ наканунѣ Рождества Христова!

Мы стали собираться къ Вячеславу Авксентьевичу. Шли все новые и новые. Уже собралось 25 моихъ знакомыхъ студентовъ и курсистокъ; были такіе, которые узнали отъ товарищей, а я видѣлъ, что еще нѣкоторые навѣрно придутъ. Не безъ робости смотрѣлъ я на Вячеслава Авксентьевича, видя, что преступилъ указанное имъ число. Но вотъ уже 30. Я старался избѣгать его взгляда. А новые все прибывали. Пришелъ 34-ый, 35-ый. 36-ой. Вячеславъ Авксентьевичъ, взглянувъ на меня, добродушно улыбнулся.

Наконецъ, мы собрались.

Въ гостинной Вячеслава Авксентьевича, гдѣ должна была состояться лекція, стало невыносимо тѣсно. Стульевъ, снесенныхъ со всей квартиры, не хватало. Мы жались къ стѣнамъ. Сдѣлалось душно. Мебель мѣшала. И не смотря на то, что квартира Вячеслава Авксентьевича передъ Рождествомъ, очевидно, была вычищена, вымыта и убрана, Вячеславъ Авксентьевичъ спросилъ: — „Можетъ быть, что нибудь вынести?“

— Еще-бы!—откликнулись мы.—Только мы сами и вынесемъ, сами и на мѣсто все поставимъ.

И чрезъ нѣсколько минутъ все было готово. Большой круглый столъ, обычно заваленный газетами и журналами со всѣхъ концовъ Россіи, кресла, столики,

растенія—все было вынесено для того, чтобы оставить маленькій столикъ и стулъ для Вячеслава Авксентьевича и пустое пространство намъ, чтобы стоять. Мы и стояли. Лекція длилась 4 часа. И скажу,—никогда за всю мою жизнь ни одна лекція не оставила во мнѣ такого глубокаго слѣда, не дала столько, какъ эта лекція Манассеина. Онъ читалъ ее съ краткимъ перерывомъ, безъ устали, захваченный нашимъ общимъ напряженнымъ вниманіемъ. Когда мы уставали, то садились на полъ. И затѣмъ снова поднимались и снова, забывая усталость ногъ, съ тѣмъ-же горячимъ интересомъ слушали. И казалось, это напряженное вниманіе, эта наша радость, что мы слушаемъ его, оживили, охватили его самаго, и эта живая лекція была необыкновенно удачна. Наконецъ, онъ почувствовалъ усталость, потерялъ голосъ. Тогда объявленъ былъ перерывъ. Двери изъ столовой широко раскрылись, и появились двѣ парадныя горничныя, обѣ въ черныхъ платьяхъ, въ бѣлыхъ передникахъ, съ бѣлыми наколками на головахъ. Онѣ несли два подноса; на одномъ помѣщалось безконечное множество стакановъ, на другомъ—цѣлая куча всевозможныхъ печеній. Слушатели—студенты были въ общемъ „обтрепанные", почти всѣ полуголодные, одинокіе, заброшенные въ громадный, далекій и чужой городъ. У большинства сегодня не доставало уюта, въ которомъ привыкли встрѣчать Рождество. И какимъ тепломъ повѣяло на всѣхъ отъ этого гостепріимства В. А. Манассеина! Горничныя съ большимъ удовольствіемъ, мило улыбаясь, разносили намъ чай и печенья. Публика дѣйствовала во всю, но и запасы Вячеслава Авксентьевича были неисчерпаемы... Чувствовался общій подъемъ; шли оживленные разговоры по поводу прочитаннаго. Но вотъ Вячеславъ Авксентьевичъ снова началъ читать. Онъ говорилъ лекцію по небольшой четырехъугольной тетрадкѣ, въ которой весь матеріалъ былъ изложенъ въ видѣ подробной про-

граммы. Для насъ, студентовъ Университета, юристовъ, совершенно не знавшихъ естественныхъ наукъ, вовсе къ нимъ неподготовленныхъ, читать лекціи по медицинѣ было чрезвычайно трудно. Вячеславъ Авксентьевичъ долженъ былъ „вводить" насъ въ медицину, вводить въ основныя понятія того, что такое заразныя болѣзни, какъ онѣ распространяются. И, съ точки зрѣнія пониманія своихъ слушателей, онъ удивительно умѣлъ въ краткихъ образахъ, въ краткихъ фразахъ объяснить, что такое болѣзнь, какъ люди заражаются, какова должна быть первая помощь, каковы должны быть уходъ и обеззараживаніе, и вмѣстѣ съ тѣмъ предостеречь, чтобы мы не шли въ знахари, не лѣчили, когда лѣчить не умѣемъ, ибо это—дѣло врача, великое дѣло врача!— По окончаніи лекціи, какъ онъ самъ предупредилъ, должно было произойти обсужденіе возникшихъ у насъ вопросовъ.—Мы поставили ему такіе вопросы.—И бесѣда продолжалась далеко за полночь...

Вторая лекція состоялась 26-го декабря, на второй день Рождества: въ другіе дни Вячеславъ Авксентьевичъ читать не могъ, будучи чрезвычайно занятъ. Поэтому и вторая лекція также продолжалась 4 часа подрядъ.

Въ „Русскомъ Врачѣ" *) я напечаталъ дословную копію программы этихъ двухъ лекцій, составленной самимъ Вячеславомъ Авксентьевичемъ. Я списалъ его тетрадь, а онъ, повидимому, послѣ того свою тетрадку уничтожилъ. И 18 лѣтъ хранилъ я копію этихъ „лекцій", какъ дорогую мнѣ святыню. Только мнѣ посчастливилось ее списать. Другіе, впрочемъ объ этомъ и не просили. Тогда же, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ, я на поляхъ пояснилъ неясное, что было только намѣчено имъ въ программѣ однимъ или двумя словами. Точно также, подъ свѣжимъ впечатленіемъ, записалъ ту бесѣду, которую

*) „Русскій Врачъ", 1911 г. № 7, отъ 13 февраля.

велъ съ нами Вячеславъ Авксентьевичъ: вопросы, которые мы ему ставили, и его отвѣты. Ихъ помѣстилъ въ томъ-же номерѣ „Русскаго Врача“, въ приложенiи къ тексту Вячеслава Авксентьевича. Лекцiи и бесѣды, которыя мы въ перерывѣ вели съ нимъ, душевно сблизили насъ. Мы всѣ почувствовали къ нему такое сердечное расположенiе, что намъ дорого было сняться съ нимъ на одной группѣ. Объ этомъ мы и просили его. Онъ охотно согласился. Я досталъ большой фотографическiй аппаратъ отъ В. Г. К—ва, и мы снялись въ прiемной Вячеслава Авксентьевича. Но потому, что это былъ любительскiй снимокъ, группа вышла неважно. Отдавъ ретушеру отдѣлать, мы имѣли возможность поднести ее Вячеславу Авксентьевичу съ душевной надписью о нашей общей благодарности. Повидимому, эта группа тронула его. Вячеславъ Авксентьевичъ сказалъ, что повѣситъ ее у себя въ столовой, такъ какъ въ кабинетѣ нѣтъ уже мѣста. Потомъ онъ водилъ меня показать, какъ эта группа виситъ въ столовой. Послѣ нашихъ лекцiй знакомые товарищи изъ другихъ учебныхъ заведенiй, прослышавъ о нихъ, валомъ повалили къ Манассеину, и свои лекцiи онъ долженъ былъ повторить безконечное число разъ...

Вячеславъ Авксентьевичъ, повидимому, не имѣлъ желанiя заниматься медицинской практикой. Казалось, онъ считалъ себя теоретикомъ публицистомъ-врачемъ, чѣмъ врачемъ-практикомъ. Для прiема больныхъ у него было назначено два дня — среда и воскресенье, отъ 11 до 3 час. дня. Прiемы больныхъ Вячеславъ Авксентьевичъ не смѣшивалъ съ прiемами здоровыхъ и по дѣлу. Для прiема по дѣламъ редакцiи и вообще для того, чтобы съ нимъ могли потолковать желающiе, — а такихъ было безконечное множество — прiемными днями были: вторникъ, четвергъ, суббота отъ $4^1/_2$ до $5^1/_2$ час. дня. Въ его прiемной не существовало никакого различiя для людей съ положенiемъ и людей, лишь вступающихъ

въ жизнь. Здѣсь Вы могли застать параднаго генерала и рядомъ сидящаго рабочаго, еще не успѣвшаго обмыть сажу со своего лица. Постоянно приходило помногу студентовъ и курсистокъ.

Больныхъ Вячеславъ Авксентьевичъ принималъ въ день не болѣе 25 человѣкъ; такъ онъ самъ говорилъ мнѣ объ этомъ. Онъ объяснялъ, что можетъ добросовѣстно поставить діагнозъ, лишь внимательно изучивъ больного, рѣшительно со всѣхъ сторонъ осмотрѣвъ его, а такой осмотръ каждаго больного требуетъ много вниманія и много времени. Никакой таксы у него, конечно, не было; точно также не было и обязательнаго гонорара. Кто могъ платить, — платилъ; кто не хотѣлъ платить, — могъ уйти, не давъ ни одной копѣйки. Вѣра въ его безконечно добросовѣстное отношеніе къ больнымъ была такъ велика, что попасть къ нему на пріемъ рвались очень многіе. Пріемъ назначенъ былъ съ 11 час. утра, но уже съ 5 час. у него на лѣстницѣ дежурили больные. Къ счастью для этого лѣстница была удобная, вестибюль широкій, а швейцаръ, съ которымъ мнѣ не разъ приходилось тогда разговаривать, былъ добродушный человѣкъ. Къ несчастью, трудность попасть къ Вячеславу Авксентьевичу (наряду съ полнымъ отсутствіемъ какой-нибудь разницы въ соціальномъ положеніи больныхъ) давала возможность и маклакамъ занимать свои позиціи съ пяти часовъ утра съ тѣмъ, чтобы потомъ продавать занятыя позиціи опоздавшимъ больнымъ. И тогда я слышалъ, что иногда маклаку платили дороже, чѣмъ то, что соглашался взять Манассеинъ. Нельзя не отмѣтить еще одну черту у Вячеслава Авксентьевича, какъ практикующаго врача: если онъ бралъ плату, то только за первый разъ. Сказавъ больному придти еще разъ (послѣ химическаго или микроскопическаго анализа выдѣленій и т. п.), онъ ни за что не соглашался принять новый гонораръ.

Во время пріема Вячеславъ Авксентьевичъ всегда

бывалъ въ черномъ, растегнутомъ сюртукѣ, который висѣлъ на немъ, какъ пиджакъ, и никогда не имѣлъ торжественнаго вида. Въ переднюю онъ провожалъ рѣшительно всѣхъ. Одновременно съ пріемомъ у Манассеина, какъ весело шутилъ самъ Вячеславъ Авксентьевичъ, былъ пріемъ у писателя П. В. Засодимскаго („Вологдина"). Всѣхъ больныхъ, у которыхъ Вячеславъ Авксентьевичъ замѣчалъ чахотку, онъ любилъ направлять на кумысъ, а П. В. Засодимскій, когда-то самъ болѣвшій туберкулезомъ и, къ счастью, выздоровѣвшій, постоянно проводилъ лѣто на кумысѣ и прекрасно зналъ всѣ условія жизни тамъ. Къ нему и посылалъ Вячеславъ Авксентьевичъ такихъ больныхъ разспросить подробно, какъ, гдѣ и за какую плату можно получше устроиться.

Пріемная Вячеслава Авксентьевича была точно читальня. Здѣсь вы могли найти самыя рѣдкія газеты самыхъ отдаленныхъ угловъ Россіи. А для нашего брата—пріѣзжихъ изъ провинціи—это было находкой. Потомъ, когда мы съ Вячеславомъ Авксентьевичемъ сблизились, онъ говорилъ мнѣ какъ-то, что получаетъ до 100 названій журналовъ ежемѣсячно и что всѣ эти изданія отправляетъ въ Томскій Университетъ, желая, чтобы эта далекая окраина не отставала отъ новыхъ культурныхъ завоеваній науки. И съ удовольствіемъ прибавлялъ Вячеславъ Авксентьевичъ, что Томскій Университетъ учебными пособіями не бѣднѣе, чѣмъ В.-Медицинская Академія.

Вячеславъ Авксентьевичъ желалъ помочь намъ не только своими лекціями, но и тѣмъ, чтобы посодѣйствовать устроиться санитарами въ холерныхъ баракахъ на мѣстахъ острой борьбы. Онъ сказалъ мнѣ, чтобы я составилъ списокъ желающихъ ѣхать, а самъ вошелъ въ переписку съ нѣкоторыми организаціями по борьбѣ съ холерой на мѣстахъ. Впрочемъ, особой нужды входить ему въ такую переписку и не было: земства сами обра-

щались къ нему за совѣтомъ. Такъ, тогда обратился къ нему почтенный предсѣдатель Черниговской губернской земской Управы В. М. Хижняковъ. По поводу этого мнѣ пришлось бывать у Вячеслава Авксентьевича, и такимъ образомъ знакомство наше продолжалось, становясь болѣе близкимъ. Онъ распорядился высылать мнѣ „Врачъ"...

Я сказалъ, что Вячеславъ Авксентьевичъ не занимался медицинской практикой, но это никоимъ образомъ не значитъ, чтобы онъ отъ нея уклонялся. Однажды онъ назначилъ мнѣ придти къ нему въ опредѣленный часъ по поводу переписки съ В. М. Хижняковымъ. Утромъ въ этотъ день я либо лѣпилъ изъ глины, либо отливалъ какую-то маску, точно не помню; знаю одно: былъ одѣтъ въ куртку, которую отчаянно перепачкалъ либо глиной, либо гипсомъ. Вдругъ ко мнѣ прибѣжалъ товарищъ и сообщилъ, что у Дм. Серебровскаго, нашего общаго пріятеля, кровь хлынула горломъ, что положеніе его чрезвычайно тяжелое: лежитъ одинъ въ маленькой комнатѣ, никого около нѣтъ. Какъ былъ, совершенно не думая о костюмѣ, я бросился къ Серебровскому. Блѣдный, точно мертвецъ, лежалъ онъ, вытянувшись на постели. И былъ страшенъ, настолько страшенъ, что я, забывъ о томъ, что обѣщалъ придти именно сегодня къ Манассеину, остался около Серебровскаго, стараясь утѣшить его, сходилъ за какимъ-то лѣкарствомъ, прописаннымъ первымъ попавшимся врачемъ, и вспомнилъ о томъ, что Вячеславъ Авксентьевичъ назначилъ мнѣ придти къ нему обязательно въ этотъ день, только тогда, когда уже было $5^1/_2$ час.! Возвращаться домой на Васильевскій Островъ съ Фонтанки было чрезчуръ далеко, и, поколебавшись минуту, я рѣшилъ, не желая обмануть Вячеслава Авксентьевича, идти къ нему въ своей „ужасной" одеждѣ.

Пришелъ.

Какъ сейчасъ помню, горничная, снявъ съ меня пальто, съ удивленіемъ взглянула на мой костюмъ. Поборовъ въ себѣ смущеніе, я вошелъ въ пріемную и уже готовъ былъ, по привычкѣ, сѣсть на диванъ къ круглому столу, гдѣ лежали всѣ газеты, какъ вдругъ какая-то дама, вся утопавшая въ шелку, и какой-то шикарный господинъ, уже читавшіе, испуганно посторонились отъ меня. Господинъ сталъ важно меня разглядывать... Я сѣлъ подальше на стулъ, у дверей столовой, чтобы не обращать на себя вниманія.

Двери кабинета распахнулись, и въ пріемную выбѣжалъ Вячеславъ Авксентьевичъ, провожая кого-то. Онъ быстро возвращался и готовъ былъ пригласить слѣдующаго, какъ, замѣтивъ меня, вдругъ кинулся ко мнѣ, обнялъ, поцѣловалъ и только тогда позвалъ слѣдующаго. Все это было такъ неожиданно, что я сразу не могъ понять, въ чемъ дѣло. Но потомъ мнѣ стало ясно, что Вячеславъ Авксентьевичъ замѣтилъ и мое смущеніе изъ-за костюма, и то, что я сѣлъ подальше, а, можетъ быть, и то, что на меня подозрительно смотрѣли его посѣтители.

Войдя къ нему въ кабинетъ, съ громаднымъ столомъ, утопавшимъ подъ множествомъ книгъ и бумагъ, я сразу-же искренно объяснилъ, въ чемъ дѣло, почему попалъ къ нему въ такомъ видѣ, и извинился за свой безпорядокъ. Мой разсказъ, исключительно въ цѣляхъ простого извиненія небрежности въ костюмѣ, возымѣлъ совершенно неожиданное дѣйствіе.

— „Вотъ и отлично! — сказалъ Вячеславъ Авксентьевичъ. У меня сегодня собраніе литературнаго фонда на Васильевскомъ островѣ, по 2-ой линіи, у В. И. Семевскаго. Я къ нему поѣду, а по дорогѣ заскочу къ вашему Серебровскому. Провѣдаю; это, быть можетъ, его подбодритъ“.

Мнѣ стало неловко. Я объяснилъ Вячеславу Авксентьевичу, что разсказывалъ про Серебровскаго вовсе

не для этого, что врачъ у него уже былъ, что появленіе Вячеслава Авксентьевича безусловно обрадуетъ того, но что мнѣ совѣстно его затруднять, что, во всякомъ случаѣ, съ Симбирской улицы на Васильевскій Островъ чрезъ Фонтанку — не по дорогѣ, а громадный кругъ. Тѣмъ не менѣе Вячеславъ Авксентьевичъ отвѣтилъ, улыбаясь: „Ничего; вѣдь, я на извощикѣ. Я къ нему по дорогѣ заѣду".

— Нѣтъ, нѣтъ!..

Когда на другой день я зашелъ къ Серебровскому, то не узналъ его. Серебровскій былъ веселъ и счастливъ. Вотъ что онъ мнѣ разсказалъ.

— Представьте себѣ мое изумленіе. Лежу я въ своей конурѣ одинъ одинешенекъ. На душѣ волки воютъ. Вдругъ раздается стукъ. — Войдите! — кричу. Отворяется дверь, и входитъ какой-то старикъ съ громадной бородой въ штатской николаевской шинели, въ какомъ-то мѣховомъ картузѣ и говоритъ: — „Вотъ я пришелъ Васъ провѣдать".

— Кто-же Вы? — спрашиваю я съ изумленіемъ.

— „Я—профессоръ Манассеинъ", — отвѣчаетъ онъ. „Мнѣ Владиміръ Вильямовичъ разсказалъ, что Вы больны, и я пришелъ васъ провѣдать".

Я чуть не подскочилъ. — Чѣмъ-же объяснить, что Вы пришли ко мнѣ?!

— „Да мнѣ было по дорогѣ... Подождите, подождите, не волнуйтесь! Вотъ я постою у печки, чтобы пообогрѣться, чтобы Васъ не простудить, а потомъ послушаю Васъ, что у Васъ тамъ такое"...

— Я такъ обрадовался, такъ былъ счастливъ, что самъ профессоръ Манассеинъ пришелъ меня провѣдать и такъ ласково бесѣдуетъ со мной, что до сихъ поръ еще подъ этимъ впечатлѣніемъ... И вотъ, представьте себѣ, чувствую себя здоровымъ!

Послѣ этого Серебровскій поправился и до сихъ поръ живъ, здоровъ и невредимъ...

Когда, будучи въ слѣдующій разъ у Вячеслава Авксентьевича, я разсказалъ ему о томъ дѣйствіи, какое произвело его посѣщеніе на Серебровскаго, онъ весело засмѣялся и разсказалъ мнѣ исторію, которую онъ любилъ разсказывать, такъ что я слышалъ ее отъ него не одинъ разъ. Это произошло, когда Вячеславъ Авксентьевичъ былъ ассистентомъ С. П. Боткина. Манассеинъ лѣчилъ какого-то больного, видѣлъ, что распознаваніе поставлено правильно, что лѣкарство нужно именно это, а больной не поправлялся. Тогда самъ Вячеславъ Авксентьевичъ, предложилъ больному позвать С. П. Боткина. Больной былъ счастливъ отъ одной только мысли, что Боткинъ навѣститъ его. Боткинъ пришелъ и сказалъ, осмотрѣвъ: — „Рѣшительно все, что вы даете теперь, надо давать и впредь. Ничего другого я не могу посовѣтовать. Но, такъ какъ вода въ Вашемъ лѣкарствѣ совершенно безвредна, а ему хочется новаго лѣкарства, прибавимъ сюда совершенно безполезную воду. Лѣкарство будетъ то же, только бутылка — больше, и это больного успокоитъ". И Боткинъ переписалъ рецептъ. Едва больной выпилъ это „новое" лѣкарство, какъ уже сказалъ, что чувствуетъ себя гораздо лучше, и чрезвычайно быстро поправился... Вотъ что значитъ въ больномъ вѣра въ доктора, — прибавилъ Вячеславъ Авксентьевичъ.

Будучи самъ безконечно безкорыстнымъ, Вячеславъ Авксентьевичъ строго относился къ общественной безкорыстности. Помню, онъ разсказывалъ мнѣ о томъ, какъ общество петербургскихъ гомеопатовъ, получивъ большое оффиціальное пожертвованіе, рѣшило удѣлить нѣкоторую часть изъ своихъ денегъ въ Общество вспомоществованія нуждающимся студентамъ В.-Медицинской Академіи, въ которомъ въ это время Вячеславъ Авксентьевичъ состоялъ предсѣдателемъ. И онъ этихъ денегъ не принялъ. Манассеинъ разсудилъ, что гомеопаты, отрицая ту медицину, которой учитъ

В.-Медицинская Академія, борятся съ наукой, распространяютъ въ обществѣ нелѣпые, невѣжественные взгляды, и потому на ихъ деньги студенты, желающіе изучить медицину, учиться не могутъ. Разсказывая мнѣ объ этомъ, онъ прибавилъ, что его рѣшеніе вызвало взрывъ негодованія противъ него среди „сытыхъ", но онъ былъ счастливъ, что „голодные" студенты стали на его сторону. Обсудивъ его поступокъ, они признали, что именно такъ и нужно было сдѣлать. Кстати, голодъ всегда интересовалъ Вячеслава Авксентьевича. Еще въ 1869-мъ году онъ написалъ работу — „Матеріалы о голоданіи"...

По рекомендаціи незабвеннаго Вячеслава Авксентьевича я попалъ санитаромъ въ Саратовскую губернію. Мнѣ довелось работать въ медицинскомъ отрядѣ подъ общимъ руководствомъ высокочтимаго И. И. Молессона. Въ окрестностяхъ деревни, куда я былъ командированъ, оказалось много больныхъ сыпнымъ тифомъ. Заболѣлъ и я. Затѣмъ, вернувшись въ Петербургъ, съ удивленіемъ узналъ, что во „Врачѣ" Вячеславомъ Авксентьевичемъ было помѣщено сообщеніе о моей работѣ и болѣзни на основаніи свѣдѣній отъ руководителя нашего отряда. Въ нашемъ отрядѣ былъ одинъ студентъ-медикъ Z. Онъ держался совершенно непонятно для человѣка пріѣхавшаго лѣчить крестьянство. Позволялъ себѣ неприличные поступки по отношенію къ сестрѣ милосердія, боялся заразныхъ больныхъ, не подходилъ къ нимъ и т. п. Такъ какъ онъ умеръ, то мнѣ не хочется касаться подробно того, что онъ дѣлалъ. О „странныхъ" поступкахъ Z. я разсказалъ И. И. Молессону, а онъ — возвращавшимся студентамъ-медикамъ. Тѣ потребовали отъ Z., чтобы онъ вызвалъ меня на судъ за клевету или уходилъ изъ Академіи. И онъ вызвалъ. О томъ, что онъ вызвалъ меня на судъ чести въ качествѣ обвиняемаго, я получилъ письмо отъ Вячеслава Авксентьевича Манассеина, котораго онъ избралъ своимъ третейскимъ судьей. Вяче-

славъ Авксентьевичъ на этотъ разъ оффиціально предлагалъ мнѣ избрать своего третейскаго судью и сообщить ему объ избранномъ съ тѣмъ, что онъ увѣдомитъ меня, о послѣдующемъ. Когда слушалось дѣло въ квартирѣ Вячеслава Авксентьевича, мой обвинитель Z. точно объяснилъ, въ чемъ онъ обвиняетъ меня, вѣрнѣе—изложеніемъ какихъ „ложныхъ" фактовъ онъ считаетъ себя оскорбленнымъ. Затѣмъ, на вопросъ о доказательствахъ, онъ вынулъ письма съ мѣстъ и началъ ихъ читать. Эти письма были отъ товарищей по работѣ, отъ мѣстныхъ жителей. Я былъ пораженъ. Въ этихъ письмахъ подтверждалось все то, что я говорилъ. И онъ самъ читалъ такія письма! Въ этотъ моментъ, и только въ этотъ моментъ, впервые я почувствовалъ, что предо мною душевно-больной человѣкъ! Здоровый не могъ, возбудивъ дѣло, читать такія самоубійственныя противъ себя письма. Я тоже предъявилъ письма. Третейскій Судъ оправдалъ... Вячеславъ Авксентьевичъ подошелъ ко мнѣ, дружески обнялъ, поцѣловалъ и сказалъ, что убѣжденъ, что наше доброе знакомство будетъ продолжаться. И съ того времени наши отношенія, дѣйствительно, стали ближе и лучше. Я, тогда юноша, заходилъ къ Вячеславу Авксентьевичу, когда чувствовалъ смятеніе духа, шелъ и къ нему, и къ его молодой душѣ; я—такой молодой тогда годами!.. И, узнавъ Вячеслава Авксентьевича, нельзя было не проникнуться глубочайшимъ къ нему уваженіемъ. Его ласковое, живое слово всегда какъ-то поднимало и бодрило человѣка и пробуждало въ немъ все лучшее.

И Манассеина глубоко чтили люди: его постоянно выбирали третейскимъ судьей. Онъ былъ, дѣйствительно, „несмѣняемый судья", но по общественному избранію всѣхъ нуждающихся въ томъ, чтобы, выслушать правду совѣсти. И во всемъ онъ оставался чуткимъ, какъ человѣкъ, лишь брезгливо прошедшій мимо грязныхъ сторонъ жизни...

Помню, съ какимъ увлеченіемъ Вячеславъ Авксентьевичъ говорилъ о томъ, что собираются подписи подъ петиціей литераторовъ въ пользу отмѣны стѣснительныхъ условій печати; съ какимъ негодованіемъ онъ упоминалъ объ извѣстномъ литераторѣ, который уклонился дать на ней свою подпись! Глаза его блестѣли, какъ у юнаго агитатора-студента. Помню, какъ его волновали вопросы женскаго образованія. Какъ горячо онъ стоялъ за полную равноправность женщинъ съ мужчинами, и какъ по своему называлъ курсистокъ „студентессами", желая сравнить ихъ даже въ названіи! Когда мы приносили ему почетные билеты на наши студенческіе вечера, онъ тотчасъ-же вынималъ 25-рублевый билетъ и совалъ его въ руку, не смотря на то, что мы уговаривали не платить.

Помню, на тотъ вечеръ, который устраивался „Студенческой кассой" въ то время, когда я исполнялъ въ ней обязанности кассира, онъ даже пришелъ для того, чтобы поглядѣть, какъ мы дѣйствуемъ. И всегда, во всемъ у него чувствовалась какая-то необыкновенно молодая, юношеская душа!

Самымъ оскорбительнымъ для него словомъ было слово „провокаторъ". Однажды я засталъ его очень взволнованнымъ. Онъ долженъ былъ судить лицо, назвавшее другое провокаторомъ.

. . . .

Помню, какъ, говоря объ этомъ, Вячеславъ Авксентьевичъ съ большимъ волненіемъ представлялъ то, что долженъ испытывать человѣкъ, невинно названный провокаторомъ.—Страшнѣе такого положенія нѣтъ! — убѣжденно говорилъ онъ...

Такъ-же горячо относился Вячеславъ Авксентьевичъ и къ высылкѣ. Въ 1895-омъ году четверо студентовъ, въ томъ числѣ и я, были высланы изъ Петербурга въ Выборгъ. Причины высылки намъ не объяснили, вѣроятно,— за агитацію въ пользу подачи студенческой петиціи съ

весьма умѣренными ходатайствами, которыя въ настоящее время почти всѣ давно уже осуществлены. Я пришелъ къ Вячеславу Авксентьевичу попрощаться; мнѣ было дано три дня на отъѣздъ. И нужно было видѣть, какое горячее, какое глубоко-трогательное участіе принялъ онъ въ моей судьбѣ. Оказалось, что даже въ Выборгъ онъ можетъ дать рекомендательныя письма. И онъ, дѣйствительно, устроилъ это. Когда мы пріѣхали туда, намъ помогли и найти квартиру, и устроиться съ обѣдомъ, такъ что мы пріютились тамъ какъ нельзя лучще. Во время разговора по поводу высылки Вячеславъ Авксентьевичъ съ глубокой грустью говорилъ о томъ, какъ всякія студенческія волненія дорого стоятъ русскому народу. По его мнѣнію, высылаются лучшіе элементы студенчества. Вслѣдствіе этого въ университетахъ способные элементы исчезаютъ; некого даже оставлять при каѳедрѣ.

— Вотъ видите, — говорилъ Вячеславъ Авксентьевичъ, — я давно собираюсь поѣхать въ Финляндію. Теперь, какъ мнѣ станетъ скучно, возьму и пріѣду къ Вамъ туда!..

Когда я возвращался изъ Финляндіи (мнѣ было разрѣшено переѣхать на жительство въ Полтаву), проѣзжая черезъ Петербургъ, снова зашелъ къ Вячеславу Авксентьевичу повидаться. Я засталъ его чрезвычайно подавленнымъ и разстроеннымъ.

На вопросъ, что случилось, Вячеславъ Авксентьевичъ разсказалъ, что получилъ отъ одного врача С. письмо, гдѣ тотъ разсказываетъ, что, будучи назначенъ младшимъ врачемъ въ военный госпиталь, онъ у одного больного солдата послѣ внимательнаго изученія нашелъ вполнѣ опредѣленную болѣзнь и началъ лѣчить его. Старшій врачъ того-же госпиталя, придя въ палату и бѣгло осмотрѣвъ больного, иначе опредѣлилъ болѣзнь и распорядился давать ему совершенно иное лѣкарство. Младшій врачъ С. видѣлъ, что на больного оно

дѣйствуетъ вредно, и это еще болѣе убѣдило его, что первоначальное распознаваніе было правильное. Онъ сталъ давать то лѣкарство, которое находилъ полезнымъ. Старшій врачъ явился и потребовалъ, чтобъ С. исполнялъ его приказанія. Младшій врачъ заявилъ, что не можетъ съ этимъ согласиться, считая второе лѣкарство безусловно вреднымъ, и находитъ необходимымъ давать свое. Тогда старшій врачъ сказалъ ему: „Поступайте такъ, какъ я Вамъ приказываю". — „Я не могу этого сдѣлать",—отвѣтилъ младшій врачъ.—„Пока Вы—солдатъ, Вы должны слушаться".—„Но я все-таки врачъ",—повторилъ младшій. Старшій врачъ, найдя въ этомъ нарушеніе воинской дисциплины и неповиновеніе, сообщилъ о происшедшемъ по начальству. Врача судили и осудили на два года въ крѣпость.

Вячеславъ Авксентьевичъ былъ сильно взволнованъ этимъ. Онъ не могъ сидѣть спокойно на мѣстѣ, бѣгалъ по кабинету и говорилъ о томъ, что военный врачъ, когда онъ лѣчитъ, все-таки врачъ и насиловать его совѣсть, хотя-бы во имя самой драконовской дисциплины, невозможно. Я спросилъ, знаетъ-ли Вячеславъ Авксентьевичъ этого врача? Оказалось, что не знаетъ и никогда и не видѣлъ его, а узналъ всю эту исторію только изъ письма. Вячеславъ Авксентьевичъ заговорилъ, что ломаетъ голову, какъ помочь врачу.

— Д-ръ С. уже посаженъ?—спросилъ я.

— Нѣтъ; дѣло перешло въ главный военный судъ.

Я вспомнилъ, что у отца бываетъ генералъ Н.—либо членъ главнаго военнаго суда, либо главный военный прокуроръ.

— Вячеславъ Авксентьевичъ,—спросилъ я,—нельзя-ли что-нибудь сдѣлать чрезъ Н.? Я попрошу отца или сестеръ, тоже бывающихъ у Н. въ семьѣ, поговорить съ нимъ. Дайте мнѣ письмо С. для справки и свѣдѣній.

Вячеславъ Авксентьевичъ не зналъ ничего о Н., но охотно далъ мнѣ это письмо.

Высказывая пожеланія, чтобы я не скучалъ въ Полтавѣ, Вячеславъ Авксентьевичъ сказалъ, что сдѣлаетъ распоряженіе высылать мнѣ и туда „Врача". При прощаніи онъ говорилъ, какъ и раньше:

— Во „Врачѣ" вы найдете много моихъ мыслей. Вы просматривайте отдѣлъ хроники; здѣсь бываютъ замѣчанія общаго характера. Они будутъ Вамъ замѣнять письма. Вѣдь тутъ я отмѣчаю многое изъ того, что самъ переживаю.

Отецъ спросилъ меня, можно-ли показать письмо д-ра С. генералу Н.? Я не зналъ, какъ быть, и, еще не выѣхавъ въ Полтаву, запросилъ Вячеслава Авксентьевича письмомъ. Онъ прислалъ отвѣтъ, на мой взглядъ не только имѣющій принципіальное значеніе, но и характерный для самого Вячеслава Авксентьевича, а потому оглашаемый мною дословно:

„Глубокоуважаемый Владиміръ Вильямовичъ! Спасибо Вамъ за доброе отношеніе къ бѣдному врачу. Сильно боюсь, что для него ничего сдѣлать не удастся. Съ точки зрѣнія военной дисциплины (а въ нее втягиваются и очень хорошіе люди — быть можетъ, отчасти вслѣдствіе сознанія, что безъ драконовской дисциплины современныя арміи не мыслимы по существу) онъ, бѣдный,—„ужасный" преступникъ! Придется хлопотать о смягченіи наказанія путемъ помилованія, во 1-хъ, и о томъ, чтобы человѣкъ не погибъ подъ вліяніемъ постигшаго его удара (постараюсь доставить ему возможность научной работы; авось, поможетъ и жена его, если она—хорошая и умная женщина). Противъ показанія письма члену суда я не имѣю ничего, если это, дѣйствительно, добрый и умный человѣкъ. Письмо можно дать прочесть, но уже никакъ не прилагать къ дѣлу (послѣднее, впрочемъ, и невозможно по закону). Я забылъ записать адресъ несчастнаго автора письма,

а между тѣмъ мнѣ необходимо ему отвѣтить, ободрить. Поэтому, будетъ-ли передано письмо члену суда, или нѣтъ, сообщите мнѣ поскорѣе адресъ (онъ внизу письма). Крѣпко жму Вамъ руку. Добраго пути! Работайте больше: Полтава—не Выборгъ. Соблазна затянуться въ тину провинціальной и вообще нашей русской жизни много больше. Но я твердо убѣжденъ, что Вы справитесь, не втянетесь ни въ вино, ни въ карты, ни въ ничего-недѣланье. Сердечно и всегда Вашъ В. Манассеинъ. 6/IV 95“.

Когда потомъ я началъ свою адвокатскую дѣятельность и сталъ защищать интересы исключительно рабочихъ, то не разъ получалъ отъ Вячеслава Авксентьевича глубокотрогательныя письма. Пересматривая сейчасъ нашу переписку, я нашелъ нѣсколько такихъ „привѣтовъ“. Помню, мнѣ пришлось защищать въ Мировомъ Съѣздѣ рабочихъ—братьевъ Гришмановскихъ и Степанова, обвинявшихся въ томъ, что они на своей общей рабочей квартирѣ избили старшаго дворника фабрики, мучившаго рабочихъ и глумившагося надъ ними, если только онъ заставалъ ихъ съ папиросой въ зубахъ или замѣчалъ, что кто-либо изъ нихъ засидѣлся въ казармѣ и читалъ книжку. Такихъ рабочихъ этотъ „старшій дворникъ“ заставлялъ становиться предъ собой на колѣни и цѣловать ему руку, а то просто давалъ пощечины.

Побоище было страшное. Мировой судья круто приговорилъ обвиняемыхъ къ длительному аресту. Они обратились ко мнѣ. Я перенесъ дѣло въ Съѣздъ. Здѣсь удалось выяснить безобразную обстановку фабричной жизни. Приговоръ судьи былъ отмѣненъ. Когда появился объ этомъ отчетъ въ газетахъ, я получилъ отъ Вячеслава Авксентьевича слѣдующую открытку: „Дорогой Влидиміръ Вильямовичъ! За Гришмановскихъ и Степанова шлю Вамъ низкій поклонъ. Сердечно Вашъ В. Манассеинъ. 29/IX—98“.

Въ другой разъ мнѣ пришлось защищать интересы прислуги Александры Ивановой, у которой на паспортѣ ея хозяинъ сдѣлалъ несправедливую клеветническую надпись, будто-бы она тайкомъ ушла отъ него; между тѣмъ она ушла открыто, такъ какъ онъ нѣсколько мѣсяцевъ не платилъ ей жалованья. Мы вызвали барина въ судъ. Баринъ явился и былъ пригсворенъ къ 2-мъ недѣлямъ ареста. И снова я получилъ открытку отъ Вячеслава Авксентьевича: „Дорогой Владиміръ Вильямовичъ! Сейчасъ прочелъ отчетъ о дѣлѣ Ивановой съ Др., и очень ужъ захотѣлось сказать Вамъ сердечное спасибо. Вашъ В. Манассеинъ. 26/IX—97“.

Теперь, когда прошло около 14 лѣтъ со дня смерти Вячеслава Авксентьевича, я не могу безъ волненія вспоминать о томъ трогательномъ вниманіи, съ которымъ онъ относился къ людямъ вообще, просто къ людямъ! Какъ высоко ставилъ онъ общественное служеніе врача!

Работницѣ Епихиной, трудившейся на машинномъ ткацкомъ станкѣ, ударило въ голову выскочившимъ изъ станка челнокомъ. Она была совершенно больна. Я предъявилъ отъ ея имени искъ къ владѣльцу фабрики. Но необходимо было установить причинную связь между ея нервной болѣзнью и ударомъ. Къ кому обратиться? И вотъ въ не-медицинскій день я посылаю ее къ Вячеславу Авксентьевичу, прося въ запискѣ посовѣтовать, къ кому изъ врачей ей пойти? И Вячеславъ Авксентьевичъ, отмѣнивъ на этотъ разъ свое несмѣшеніе медицинскаго пріема съ пріемомъ лицъ, обращающихся по дѣламъ редакціи, осматриваетъ ее самъ, даетъ медицинское свидѣтельство, а вернувшаяся ко мнѣ сіяющая Епихина сообщаетъ, что не только медицинское свидѣтельство получила она отъ него, но что онъ, разспросивъ ее подробно о житьѣ-бытьѣ, далъ ей и много денегъ на жизнь... И помню, съ какой радостью, съ какимъ чувствомъ, какъ поэтически красиво говорила мнѣ о немъ Епихина! Въ 1/2 часа, а можетъ

быть и въ нѣсколько минутъ, Вячеславъ Авксентьевичъ оставилъ у нея радость этой встрѣчи на всю жизнь...

Еще болѣе трогательно было отношеніе его къ рабочимъ по извѣстному Максвельскому дѣлу. Рабочіе Петровско-Спасской мануфактуры оказали сопротивленіе полиціи, приходившей арестовать 2-хъ набуянившихъ на улицѣ во время стачки товарищей. Рабочіе были избиты полиціей; многіе были избиты жестоко· былъ высѣченъ глазъ, были поломаны ребра; появились грыжи. По окончаніи этого дѣла я привелъ къ Вячеславу Авксентьевичу нѣсколько человѣкъ для того, чтобы онъ выдалъ имъ медицинское свидѣтельство, такъ какъ мы желали возбудить противъ полиціи—пристава Б.—уголовное дѣло и предъявить гражданскій искъ, за что брался Н. П. Карабчевскій. И опять Вячеславъ Авксентьевичъ проявилъ все ту-же заботу, ту-же готовность изучить больныхъ, чтобъ потомъ выдать имъ медицинское свидѣтельство. Вячеславъ Авксентьевичъ откровенно сказалъ намъ, что въ хирургіи онъ самъ знаетъ мало, и совѣтовалъ предварительно обратиться къ д-ру С. В. Владиславлеву. Къ нему онъ направилъ грыжныхъ больныхъ, въ томъ числѣ и Иванова, у котораго грыжа была ужасная, а затѣмъ прислалъ мнѣ письмо, препровождая письмо С. В. Владиславлева и приложивъ обѣщанное „неважное" свидѣтельство, ссылающееся на субъективные разсказы потерпѣвшаго. Вячеславъ Авксентьевичъ писалъ мнѣ: „Дорогой Владиміръ Вильямовичъ! Изъ прилагаемаго письма С. В. Владиславлева вы увидите, что даже и у Иванова, если въ судъ будутъ вызваны хирурги-эксперты, дѣло стоитъ не важно. Обѣщанное свидѣтельство прилагаю и отъ всей души желаю успѣха Вашей честной и славной дѣятельности. Сердечно и всегда Вашъ В. Манассеинъ. 10/II—99".

Такъ глубоко возмущало Вячеслава Авксентьевича всякое глумленіе сильныхъ надъ слабыми, такъ глубоко

было въ немъ отвращеніе ко всякому гнету, такъ горячо было желаніе помочь въ борьбѣ съ насиліемъ! Въ глазахъ Вячеслава Авксентьевича такая борьба была „честной и славной дѣятельностью“... Но было-бы ужасно, если-бы читающій эти строки подумалъ, что Вячеславъ Авксентьевичъ самъ былъ какимъ-то сантиментальнымъ человѣкомъ. Нѣтъ; онъ былъ способенъ бороться; онъ былъ способенъ рѣшительно выступать, лично выступать, не боясь тюрьмы и кары, тогда, когда на это звала его совѣсть. Съ этой точки зрѣнія чрезвычайно интересно его дѣло съ д-ромъ Іегеромъ. На этомъ дѣлѣ стоитъ подробно остановиться, такъ какъ оно чрезвычайно ярко рисуетъ личность Манассеина и отношеніе дорогого Вячеслава Авксентьевича къ медицинѣ.

Въ 1892-мъ году Вячеславъ Авксентьевичъ напечаталъ во „Врачѣ“ слѣдующія строки: „Пресловутый шарлатанъ, а вѣрнѣе душевно-больной, профессоръ Іегеръ издалъ новое сочиненіе „Stowirkung“, въ которомъ доказываетъ, что по запаху отдѣленій можно опредѣлить національность, полъ, занятія, привычки и болѣзнь человѣка. Давая нюхать отдѣленія, можно измѣнить характеръ человѣка и лѣчить всѣ болѣзни. Съ послѣдней цѣлью слѣдуетъ вѣшать надъ больнымъ пропитанные потомъ чулки здороваго. Еще полезнѣе прибавлять выдѣленія здороваго къ пищѣ больного. Этотъ бредъ не заслуживалъ-бы упоминанія, если-бы, къ несчастью, не имѣлъ послѣдователей въ Германіи и въ Россіи“ и т. д.

Спустя нѣсколько мѣсяцевъ въ газетахъ появилось извѣстіе, что присяжный повѣренный Берлинъ, по довѣренности д-ра Іегера, возбуждаетъ дѣло противъ редактора „Врача“. И началась безконечная судебная волокита для Вячеслава Авксентьевича...

Это дѣло вызвало извѣстнѣйшее въ судебной практикѣ руководящее рѣшеніе Сената отъ 1894 г. за № 59

Вотъ тезисы рѣшенія, такъ или иначе связаннаго съ именемъ Вячеслава Авксентьевича, быть можетъ, своею рѣчью въ судѣ продиктовавшаго его Сенату: во время слушанія дѣла въ окружномъ судѣ сзади судейскаго стола, сидѣли видные сенаторы; сидѣлъ и одинъ изъ вліятельнѣйшихъ тогда сенаторовъ Н. С. Т-цевъ...

— „При обвиненіи по ст. 1039 и 1040, опредѣляя отвѣтственность, а также установляя самые признаки преступленія, судъ, разсматривающій дѣло по существу, можетъ принять во вниманіе тѣ особыя условія, въ которыхъ находится редакторъ или издатель газеты или журнала, или авторъ статей къ лицамъ, живущимъ и дѣйствующимъ за границей, особенно, когда дается отзывъ, относящійся не къ обстоятельствамъ частной и семейной сихъ лицъ жизни, а къ ихъ дѣятельности публичной. Соотвѣтственно сему, если въ печати дѣлается оцѣнка ученой, художественной или технической дѣятельности, какъ-бы строга она ни была, если только ею не затрагиваются нравственныя качества личности, не можетъ почитаться наказуемымъ опозореніемъ, въ особенности когда эта оцѣнка дѣлается съ цѣлью предохраненія отъ предложеній въ области ремесленнаго или фабричнаго производства, врачеванія и т. п., признаваемыхъ обвиняемымъ непригодными или вредными“.

Первое время „дѣло“ нисколько не безпокоило Вячеслава Авксентьевича. Въ газетахъ писали, что присяжный повѣренный Берлинъ возбудилъ противъ него обвиненіе въ клеветѣ. Вячеславъ Авксентьевичъ былъ совершенно спокоенъ. Онъ зналъ, что все то, что имъ было написано во „Врачѣ“,—безусловнѣйшая правда. Въ это время я бывалъ у Вячеслава Авксентьевича и никогда не замѣчалъ, чтобы „дѣло“ его волновало. „Я сумѣю защитить правду того, что написано: для этого достаточно показать Суду тѣ книги, которыя лежатъ

здѣсь. Судъ увидитъ, что я правъ. Невозможно, чтобы онъ меня не оправдалъ".

Но затѣмъ въ половинѣ мая его вызвали къ судебному слѣдователю для примирительнаго разбирательства. И тутъ Вячеславъ Авксентьевичъ узналъ, что это дѣло возбуждено вовсе не о клеветѣ, а лишь по поводу оскорбленія въ печати по 1040 ст. улож. о наказ. Слѣдовательно, онъ не сможетъ доказывать справедливость того, что написалъ. Тогда Вячеславъ Авксентьевичъ началъ волноваться. Когда я пришелъ къ нему, онъ далъ свѣжій № „Врача", гдѣ имъ было снова повторено изложенное мѣсто и гдѣ онъ цѣлымъ рядомъ дословныхъ выдержекъ изъ сочиненій Іегера доказывалъ и справедливость, и точность изложенія того, что напечаталъ. И долженъ сказать, — то, что имъ приводилось въ этихъ дословныхъ выдержкахъ изъ сочиненій Іегера, далеко превосходило (я говорю, конечно, о фактахъ, а не объ оцѣнкѣ Іегера; не будучи врачемъ, судить не берусь), безконечно превосходило тѣ мѣста, которыя онъ приводилъ въ своей первоначальной замѣткѣ.

Дѣло „заварилось" въ маѣ. Вячеславъ Авксентьевичъ мечталъ объ отъѣздѣ на лѣтніе мѣсяцы подъ Лугу, гдѣ онъ обыкновенно нанималъ дачу. Смѣясь, онъ разсказывалъ мнѣ, какъ ему принесъ постановленіе судебнаго слѣдователя о неотлучкѣ изъ Петербурга тотъ самый околоточный надзиратель, котораго онъ предъ тѣмъ лѣчилъ. И Вячеславъ Авксентьевичъ шутилъ:—„Вотъ, выгодно нашему брату-обывателю лѣчить околоточнаго надзирателя! Представьте, даетъ бумагу для подписи и прибавляетъ: „Ничего, уѣзжайте себѣ въ Лугу или куда хотите; а, если придетъ бумага, такъ я вамъ заранѣе дамъ знать". — „Сами видите", говорилъ Вячеславъ Авксентьевичъ,—какъ полезно лѣчить околодочныхъ надзирателей"...

Залъ суда былъ переполненъ. Я, конечно, находился среди публики. Защитникомъ со стороны Вя-

чеслава Авксентьевича выступалъ В. Ѳ. Леонтьевъ. Нынѣ покойный В. Ѳ. Леонтьевъ, потомъ, когда мы съ нимъ познакомились и стали встрѣчаться, не разъ говорилъ мнѣ, что для него это дѣло было лучшимъ за всю его адвокатскую практику. Онъ обратился къ Суду съ остроумной рѣчью, ссылаясь на другія медицинскія изданія и даже на законы, гдѣ употребляется слово „шарлатанъ“, — на врачебный Уставъ 1892 г., гдѣ запрещается практика „шарлатанамъ и эмпирикамъ“, на отчетъ министерства вн. дѣлъ. Онъ указывалъ, что отъ далекой старины, съ 1725-го года, во врачебномъ уставѣ слово „шарлатанъ“ въ смыслѣ человѣка, выдающаго себя за знатока того, чего самъ не знаетъ, имѣло мѣсто въ текстѣ законовъ. А развѣ законъ можетъ кого-нибудь оскорблять, да еще цѣлыхъ два столѣтія! Очевидно, что это слово имѣетъ право гражданства. Точно также В. Ѳ. Леонтьевъ доказывалъ, что слово „душевно-больной“ въ медицинскомъ журналѣ не можетъ никого оскорбить, потому что врачъ болѣе, чѣмъ кто-либо знаетъ, что болѣзнь — несчастье. Къ каждому слову нужно подходить въ зависимости отъ того, какъ оно произносится. „Эй, человѣкъ!“ — въ гостинницѣ можетъ оскорбить проходящаго мимо человѣка, но что можетъ быть выше словъ „Се-человѣкъ!“ Слово „человѣкъ“ можетъ быть пріятнымъ или обиднымъ; все зависитъ отъ того, гдѣ и когда оно сказано: хорошій человѣкъ, дрянной человѣкъ... Такъ слово „шарлатанъ“, какъ и слово „душевно-больной“, въ спеціальномъ органѣ не можетъ быть оскорбительно.

Послѣ рѣчи своего защитника порывисто поднялся Манассеинъ. Я не узналъ тогда добраго, мягкаго Вячеслава Авксентьевича, всегда такого ласковаго. Онъ былъ глубоко возмущенъ, весь пылалъ гнѣвомъ. Вѣдь, здѣсь судили науку; здѣсь шла рѣчь о борьбѣ за убѣжденія, за „методъ“ лѣченія. И, поднявшись, онъ сталъ говорить въ разрѣзъ со своимъ защитни-

комъ. Онъ говорилъ о томъ, что много лѣтъ стоитъ у печатнаго станка, что всегда изобличалъ и будетъ изобличать всякую неправду, будетъ обличать всякіе шарлатанскіе пріемы и всякое невѣжество въ наукѣ и практикѣ, что онъ желалъ заклеймить то, что дѣлаетъ Іегеръ, что онъ не боится отвѣтственности. Свою рѣчь онъ кончилъ словами: „Есть такія слова, которыхъ ничѣмъ не замѣнишь; къ такимъ принадлежитъ и слово „шарлатанъ". Предупреждая читателей о Іегерѣ, я исполнялъ долгъ честнаго врача, бывшаго профессора. Въ русскомъ судѣ въ основу положены два начала—„Правда и милость"; мнѣ нужна только правда, милости не надо! Моя совѣсть чиста" *).

О томъ, что будетъ судъ, я сказалъ (конечно, безъ вѣдома Вячеслава Авксентьевича) нѣкоторымъ своимъ пріятелямъ, бывшимъ слушателямъ его лекціи. И они собрались сюда. Мы были настроены чрезвычайно воинственно. Я не представляю себѣ, что произошло-бы, если-бы Вячеславъ Авксентьевичъ былъ осужденъ. Къ счастью (для насъ лично, какъ таковыхъ), дѣло окончилось благополучно. Но можно себѣ представить, какой ревъ рукоплесканій, какой крикъ подняли мы, молодые, горячо любящіе Манассеина, когда онъ окончилъ свою рѣчь...

Вячеславъ Авксентьевичъ былъ оправданъ! Мы и публика подъ неумолкаемые крики восторга на рукахъ снесли его внизъ. Хотѣли нести на рукахъ и до дома, по улицамъ. И только потому, что онъ убѣдительно просилъ и даже молилъ не дѣлать этого, мы отказались отъ нашего горячаго желанія. Такъ пылко было наше чувство, такъ охватила насъ радость за него...

Манассеину нѣсколько разъ дѣлали предложенія окончить это дѣло миромъ, не вести его дальше,

---

*) Такъ записалъ я эту рѣчь тогда подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ.

напечатать только, что онъ не желалъ оскорбить Iегера и какъ нибудь смягчить то, что онъ напечаталъ. Вячеславъ Авксентьевичъ объяснялъ, что все это дѣло въ сущности создано тѣми фабрикантами и торговцами, которымъ необходимо распространять бѣлье Iегера, что это дѣло едва-ли интересуетъ самого д-ра Iегера, но оно важно имъ, такъ какъ можетъ подорвать ихъ торговлю. При этомъ Вячеславъ Авксентьевичъ прибавлялъ: „Знаете,—я самъ ношу фуфайки Iегера. Онѣ, дѣйствительно, прекрасны; вѣдь, онѣ изъ чистой шерсти. Но я не могу этого напечатать и не долженъ этого печатать, ибо знаете-ли, что еще продаютъ, какъ „медикаменты" Iегера? Продаютъ вино, продаютъ табакъ, продаютъ сигары,—„гуманизированныя сигары"! И въ эти кофе, вино, папиросы, прибавляютъ т. наз. „антропинъ", чтобы они были пріятнѣе женщинамъ,—изъ размолотыхъ корней волосъ мужчинъ и, наоборотъ, чтобъ они были пріятнѣе мужчинамъ,—изъ корней волосъ женщинъ. Не могу-же я не противиться всѣми силами распространенію подобныхъ вещей".

Дѣло слушалось вторично въ Петербургской Судебной Палатѣ 26-го октября 1894-го года. Снова былъ биткомъ набитъ залъ засѣданія. Снова жадно слѣдила публика, чтобы не пропустить день, когда пойдетъ это дѣло. Снова въ залѣ засѣданія чувствовалась нервная напряженность. И, когда со своего мѣста поднялся Вячеславъ Авксентьевичъ для того, чтобы сказать послѣднее слово, вмѣстѣ съ нимъ поднялись и всѣ находившіеся въ публикѣ. И Вячеславъ Авксентьевичъ заговорилъ. Затаивъ дыханіе, слушали каждое его слово. Это была дивная рѣчь, полная благороднаго негодованія противъ всякаго шарлатанства въ медицинѣ. Не успѣлъ Вячеславъ Авксентьевичъ кончить, какъ кто-то вскрикнулъ, и залъ разразился безконечными рукоплесканіями. Это было для насъ, нѣсколькихъ пріятелей,

совершенно неожиданно. Было такъ обидно въ ту минуту: такъ хотѣлось дослушать дѣло до конца! Но, разъ начались рукоплесканія, мы не могли не присоединиться къ нимъ, не могли удержаться. Напрасно предсѣдатель призывалъ публику къ порядку; она продолжала рукоплескать и кричать. И всѣ мы были удалены изъ зала засѣданія. Что дѣлалось дальше мы не слышали... И, когда снова былъ вынесенъ оправдательный приговоръ, Вячеслава Авксентьевича снова подхватили на руки и понесли внизъ. Свѣтло, хорошо, молодо, было тогда на душѣ. Такъ вѣрилось въ судъ...

По этому дѣлу Сенатъ утвердилъ приговоръ Судебной Палаты. Такимъ образомъ создалось то руководящее рѣшеніе Сената, которое я приводилъ уже выше.

Такъ кончилось это первое дѣло Вячеслава Авксентьевича. Потомъ противъ него началось-было второе дѣло: какой-то Келлеръ, владѣлецъ оптоваго магазина по продажѣ лѣкарствъ, возбудилъ противъ него обвиненіе не то въ оскорбленіи, не то въ клеветѣ. Вячеславъ Авксентьевичъ былъ возмущенъ тѣмъ, что земства выписываютъ нѣкоторыя лѣкарства отъ этой фирмы, въ то время какъ на мѣстахъ имъ гораздо легче и дешевле найти эти-же лѣкарства, и тѣмъ сберечь народныя средства. Напр., выписываютъ гусиное сало, въ то время какъ гусь находится вездѣ! Зачѣмъ это земству? Затѣмъ Вячеславъ Авксентьевичъ жаловался и на то, что земства обращаются къ опредѣленнымъ фирмамъ; между тѣмъ земствамъ гораздо лучше было-бы объединиться и сообща, безъ Россійскихъ посредниковъ, выписывать лѣкарства изъ-за границы. Когда Вячеславу Авксентьевичу стало извѣстно, что Келлеръ возбуждаетъ противъ него дѣло, онъ сообщилъ мнѣ, что позоветъ меня своимъ защитникомъ. Я сказалъ ему, что совершенно неопытенъ, такъ какъ только начинаю работать, и не могу взяться защищать его. Вячеславъ Авксентьевичъ засмѣялся и отвѣчалъ: „Ничего

мы будемъ воевать вмѣстѣ!“ Къ счастью, это дѣло такъ и не дошло до суда.

Однажды, когда я въ первый разъ получилъ отъ Вячеслава Авксентьевича медицинское свидѣтельство по одному изъ увѣчныхъ дѣлъ рабочихъ, то пробѣжавъ его глазами, съ изумленіемъ прочиталъ, что Вячеславъ Авксентьевичъ—тайный совѣтникъ. Я сказалъ, что чрезвычайно удивляюсь этому и никогда не думалъ, что онъ—такой важный генералъ. Шутя, я прибавилъ: А знаете Вы—тайный совѣтникъ, вѣроятно болѣе, чѣмъ кто-нибудь изъ тайныхъ совѣтниковъ по всей Руси: что Вы—тайный совѣтникъ, большая тайна даже для Вашихъ знакомыхъ!.. Онъ смѣялся и говорилъ мнѣ, что и самъ вспоминаетъ объ этомъ только тогда, когда ему приходится писать свидѣтельства о болѣзни для дома предварительнаго заключенія. И дѣйствительно, своему генеральству онъ не придавалъ никакого значенія.

Тутъ-же Вячеславъ Авксентьевичъ сообщилъ мнѣ, что ему приходится иногда посѣщать тюрьмы по ходатайству родныхъ политическихъ, для того, чтобы установить, что заключенный такъ тяжело боленъ, что его необходимо выдать на поруки. Вячеславъ Авксентьевичъ разсказалъ, какъ однажды ему пришлось дать медицинское свидѣтельсто матери Осипанова въ 1887-мъ году, обвинявшагося по второму дѣлу 1-го марта и затѣмъ казненнаго. Мать Осипанова пришла къ Вячеславу Авксентьевичу и напомнила ему, что у него лѣчился ея сынъ. Вячеславъ Авксентьевичъ по своей книгѣ для записи больныхъ убѣдился, что Осипановъ дѣйствительно лѣчился у него, страдая тяжелой желудочной болѣзнью, и выдалъ объ этомъ свидѣтельство его матери. Осипанову послѣ того дали улучшенный столъ. Но Вячеславъ Авксентьевичъ вспоминалъ, какой переполохъ надѣлало его свидѣтельство, какъ нѣкоторые боялись за него, а оффиціальныя лица даже упрекали, что онъ могъ выдать свидѣтельство такому тяжелому

преступнику! Этимъ свидѣтельствомъ главнымъ образомъ онъ и подорвалъ „авторитетъ“ своихъ свидѣтельствъ въ глазахъ властей.

Не смотря на пренебреженіе къ своему чину, къ своему положенію Вячеславъ Авксентьевичъ имѣлъ чрезвычайно большія связи и знакомства. Это было основано не только на знакомствахъ въ прошломъ, но и на томъ глубокомъ уваженіи, которое питали къ нему даже его политическіе враги и противники за его изумительную честность, за его красивое благородство.

Вячеславъ Авксентьевичъ въ разговорахъ не разъ дѣлился со мной своими впечатлѣніями о знакомыхъ: говорилъ о знакомствѣ съ оберъ-прокуроромъ К. П. Побѣдоносцевымъ, съ министромъ народнаго просвѣщенія И. Д. Деляновымъ, военнымъ министромъ Ванновскимъ и т. д. Съ Побѣдоносцевымъ Вячеславъ Авксентьевичъ познакомился черезъ своего брата Николая Авксентьевича, бывшаго затѣмъ министромъ юстиціи. Будучи молодымъ человѣкомъ, Николай Авксентьевичъ попалъ въ домъ Побѣдоносцева репетиторомъ его племянницъ. То было въ 60-хъ годахъ, когда Побѣдоносцевъ состоялъ профессоромъ гражданскаго права въ Москвѣ. Знаете,—говорилъ мнѣ Вячеславъ Авксентьевичъ,—вѣдь Побѣдоносцевъ—искренній человѣкъ. Онъ, несомнѣнно, ханжа, но это глубоко искренній человѣкъ. Я видѣлъ его въ 60-хъ годахъ, когда всѣ кругомъ либеральничали, когда нужно было имѣть большое мужество, буквально отвагу, чтобы въ профессорской средѣ не быть либераломъ. И въ это самое время Побѣдоносцевъ, подходя къ монастырю, становился на колѣни, вставалъ и, поминутно падая на колѣни, ползъ по землѣ къ храму. Вотъ каковъ этотъ человѣкъ! Вы посмотрите, какой онъ и убѣжденный человѣкъ! Вы прочтите его „Московскій Сборникъ“. Вѣдь это написалъ 69-лѣтній старикъ, а сколько тутъ полемическаго задора! И какъ много ни сдѣлалъ Побѣдоносцевъ зла Россіи, этотъ человѣкъ

никогда не лгалъ и всегда самъ былъ искренне убѣжденъ въ пользѣ того, что дѣлалъ. Я,—прибавлялъ Вячеславъ Авксентьевичъ, — разошелся съ нимъ изъ-за романа Тургенева „Наканунѣ", вышедшаго незадолго до 1859-го года. Я былъ студентомъ Московскаго Университета,—уже потомъ я доканчивалъ курсъ въ Юрьевѣ,— и вотъ, бывая у Побѣдоносцева, я далъ его племянницамъ прочесть этотъ романъ. Побѣдоносцевъ былъ внѣ себя отъ возмущенія: „Какъ Вы смѣли дать его моимъ племянницамъ?! Тамъ Елена бѣжитъ за какимъ-то болгариномъ; Вы хотите, чтобы и мои племянницы тоже сбѣжали за кѣмъ-нибудь! И при томъ, что за идеи здѣсь распространяются!"... И у насъ произошелъ крупный разговоръ; а затѣмъ я пересталъ бывать у него. Братъ сохранилъ съ нимъ добрыя отношенія, и Побѣдоносцевъ выдвинулъ его на постъ министра юстиціи.

Министра И. Д. Делянова Вячеславъ Авксентьевичъ не долюбливалъ. Они также познакомились въ Москвѣ, гдѣ Деляновъ окончилъ университетъ и бывалъ у Побѣдоносцева. „Тогда", говорилъ Вячеславъ Авксентьевисъ „это былъ красный либералъ, а теперь посмотрите, какихъ бѣдъ натворилъ: и этотъ университетскій уставъ ввелъ, и процентную норму для евреевъ, и закрылъ Высшіе Женскіе Курсы!.. Я не хочу съ нимъ встрѣчатся; но, когда онъ, вспоминая старину, зоветъ меня, какъ врача, я иду къ нему, ибо какъ врачъ, я не могу отказать никому въ своей помощи".

Со своимъ братомъ министромъ Вячеславъ Авксентьевичъ также былъ не въ ладахъ. О немъ онъ разсказывалъ, что братъ—старше его, кажется, лѣтъ на 6, что онъ также былъ когда-то либераломъ, состоялъ „по убѣжденію" мировымъ посредникомъ; а затѣмъ рѣзко ушелъ направо и, какъ министръ, ограничилъ гласность суда, ввелъ сословныхъ представителей и, хотя былъ на словахъ противникомъ введенія института земскихъ начальниковъ, въ дѣйствительности ввелъ

его. „Если тебя принуждаютъ, то ты долженъ отказаться отъ мѣста, а не поступать противъ убѣжденія“,— прибавлялъ Вячеславъ Авксентьевичъ. Но и къ нему Вячеславъ Авксентьевичъ ѣздилъ по зову „въ качествѣ врача“...

Вячеславъ Авксентьевичъ былъ друженъ съ однимъ сенаторомъ. На мой вопросъ, что связываетъ его съ этимъ человѣкомъ, такъ какъ сенаторъ, хотя и безусловно талантливый человѣкъ, повидимому, все идетъ вправо и теперь выступаетъ иногда явно, какъ консерваторъ, Вячеславъ Авксентьевичъ отвѣчалъ: „Да конечно; но все-же онъ дѣлаетъ все, что для него возможно, чтобъ облегчить общій режимъ въ религіозныхъ дѣлахъ... Но, правда, и только! Я это знаю, однако, онъ—большой умница, настоящій умница, а я не могу не любить умъ“.

Интересно было также отношеніе Вячеслава Авксентьевича къ военному министру Ванновскому. Ихъ знакомство возникло на почвѣ преслѣдованія „Манассеина“ „краснымъ цензоромъ“. Этого цензора Вячеславъ Авксентьевичъ буквально не переваривалъ. Онъ часто упоминалъ о немъ. „Я его хорошо помню въ студенческіе годы. Это былъ самый красный человѣкъ. Онъ насъ постоянно упрекалъ въ томъ, что мы недостаточно лѣвые. А теперь мы всѣ такіе-же, недостаточно красные, а онъ, цензоръ, дѣлаетъ все, чтобы подавить всякую свободу слова и всякую свободу мысли“. И такихъ „бывшихъ красныхъ“ Вячеславъ Авксентьевичъ ненавидѣлъ совершенно молодымъ, юношескимъ чувствомъ. „Представьте себѣ“ говорилъ онъ, „у меня въ журналѣ должна была, по ходу научной статьи, быть помѣщена одна чисто научная картина. И что-же? Этотъ цензоръ донесъ на меня военному министру, что я печатаю порнографическія картинки во „Врачѣ“! Ванновскій вызвалъ меня къ себѣ. Между нами произошла бесѣда. Я все ему объяснилъ. Онъ оказался благород-

нымъ, честнымъ солдатомъ. И результатъ нашего разговора былъ совершенно неожиданный не только для цензора, но и для меня: Ванновскій мнѣ сказалъ: „Если замѣтите какую либо неправду въ нашемъ в.-медицинскомъ вѣдомствѣ, о которой Вы напечатаете въ своемъ журналѣ, то, пожалуйста, отмѣтьте такія строки краснымъ карандашомъ и пришлите мнѣ номеръ. Я отъ всей души буду Вамъ благодаренъ". Вячеславъ Авксентьевичъ началъ посылать ему своего „Врача" и тотъ, несомнѣнно, читалъ его, особенно отмѣченное карандашемъ...

По всей Россіи были разбросаны у „Манассеина" знакомые, почитатели, люди, горячо его любившіе. Всюду онъ могъ дать рекомендательныя письма; всюду по этимъ письмамъ предупредительно и ласково встрѣчали. Изъ врачей онъ чаще всего упоминалъ имена С. В. Владиславлева, И. И. Молессона, Д. Н. Жбанкова. О нихъ онъ всегда говорилъ любовно и ласково. Помню также, тепло онъ относился къ Н. Я. Чистовичу, С. С. Боткину, которые тогда оба состояли въ Георгіевской Общинѣ врачами. И когда кто-либо изъ знакомыхъ студентовъ или курсистокъ заболѣвали, благодаря письму „Манассеина", мы тамъ помѣщали товарищей. И многіе изъ товарищей по Университету находили здѣсь ласковый пріютъ во время болѣзни. Вячеславъ Авксентьевичъ всегда сердечно поминалъ и своего издателя К. Л. Риккера.

Вотъ и сейчасъ стоитъ предо мною, какъ живой, безконечно милый Вячеславъ Авксентьевичъ, этотъ старикъ со своимъ молодымъ, дивно хорошимъ лицомъ. Вижу его. А жизнь идетъ мимо... Перебираю въ памяти разныя встрѣчи. Много людей видѣлъ я на своемъ вѣку, много встрѣчалъ большихъ, хорошихъ, настоящихъ людей, но... Боже мой, какъ горька и тяжела потеря дорогого, горячо любимаго Вячеслава Авксентьевича! Какъ безконечно невознаградима его утрата, какъ все-таки мало „людей", такихъ людей, живетъ на свѣтѣ!..

ОГЛАВЛЕНІЕ.